

МИХАИЛ БЕЙЗЕР

ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слава и гордость евреев России. Я.Цигельман

От автора

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОЛОМНА

Еврейская энциклопедия. - История появления евреев в Петербурге. - Журнал "Восход". - Хаскала. - Петербургская консерватория. - Еврейская гимназия Эйзенбета. - "Новости" Иосифа Нотовича. - Художник Моисей Маймон. - Книгоиздательство и книжный склад "Восток". - Журнал "Рассвет". - Газета "Ха-мелиц". - Петербургская синагога. - Училище ОПЕ. - Иехуда Лейб Гордон. - Журнал "Ха-кедем". - Общество любителей древнееврейского языка. - Исаак Маркон. - Еврейское колонизационное общество. - Общество пособия бедным евреям. - Оскар Грузенберг, - Дело Бейлиса.

ГЛАВА ВТОРАЯ. АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

- Ресторан "Донон". - Дело Пинхаса Дашевского. - Сожжение Лейбова и Возницкого. - И.А.Вавельберг. - Бабель и Урицкий. - С.С.Поляков. - Правительствующий сенат. - Барон Гораций Гинцбург. - Общество для распространения просвещения между евреями в России. - Общество дешевых гигиенических квартир для еврейского населения. - Борьба различных идейных направлений в еврейской общественной жизни в начале двадцатого века.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

- Петропавловская крепость. - Академия наук. - Петербургский университет. - Академия художеств. - Библиотека Л.П.Фридлянда. - Издательство "Кадима". - Высшие женские (Бестужевские) курсы. - Еврейские школы. - З.А.Киссельгоф. - С.М.Дубнов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ДОМ НА ПЯТОЙ ЛИНИИ

- Богадельня. - Курсы востоковедения. - Иехиэль Равребе. - Еврейское историко-этнографическое общество. - Еврейское общество поощрения художеств. - Открытие Еврейского музея. - С.А.Анский. - Еврейский музей в двадцатые годы.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЛИТЕЙНЫЙ И ПЕСКИ

- О.Э.Мандельштам. -А.Либерман. - Деятельность ОПЕ в начале века. - Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев России. - Ф.М.Достоевский и евреи. - Общество для доставления начального образования еврейским детям. - Петроградское еврейское учительское общество. - Институт высших еврейских знаний. - Библиотека ОПЕ. - Общество охранения здоровья еврейского населения. - Общество для урегулирования еврейской эмиграции. - "Новое время". - Еврейское театральное общество. - ГОСЕТ. - Еврейские студии и клубы. - Русское общество для изучения еврейской жизни. - С.М.Маршак. - Любавический ребе. - С.Я.Надсон. - М.М.Винавер. -Еврейские национальные школы в двадцатые годы. - Государственная дума. - Общество для научных еврейских изданий. - Общество еврейской народной музыки. - Еврейские литературные общества. - Еврейское историко-этнографическое общество. - Бунд в Петербурге.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЕВРЕЙСКИЕ КЛАДБИЩА

- Что такое еврейское кладбище? - Первые еврейские захоронения в Петербурге. - Преображенское кладбище. - Кладбищенская синагога. - Д.Т.Каценеленбоген. - А-Я.Гаркави. - М.Л.Маймон. - Л.И.Каценельсон. - Л.Я.Штернберг. - М.М.Антокольский. - А.М.Варшавский. - А.А.Ашанский. - Склеп семьи Поляковых. - Памятник Г.Е.Гинцбургу. - В.К.Слущкая. - М.И.Кулишер. - Памятник жертвам фашизма. - Л.А.Лубанов. - Г.И.Дембо. - Другие еврейские некрополи Ленинграда и пригородов.

СЛАВА И ГОРДОСТЬ ЕВРЕЕВ РОССИИ

Читатель легко может себе представить экскурсионную группу на улицах Ленинграда. "Город-музей", "музей под открытым небом" - этими определениями начинается почти любой экскурсионный рассказ о бывшей столице Российской империи. Экскурсанты восхищаются прославленными ансамблями, гордыми памятниками, историческими зданиями. Они слышат имена людей, составивших славу русской истории.

В 1982 году легально, а потом, до 1987 года, нелегально ходили по Ленинграду экскурсионные группы из пяти-шести евреев. Эти экскурсанты почти не любовались ансамблями площадей, редко выходили к невским просторам, и экскурсовод не рассказывал им ни о пушкинском периоде, ни об архитекторе Растрелли, ни о зодчем Росси. Экскурсии пересекали районы Коломны, Песков, ходили по Васильевскому острову, бывали на еврейском Преображенском кладбище. Водил их по городу автор этой книжки. И рассказывал он о евреях, живших в Петербурге.

Отметим, что самый факт появления этих "еврейских" экскурсий свидетельствует об изменениях в сознании советских (в данном случае, ленинградских) евреев. Им вдруг стало любопытно знать, что вот в этом доме помещалась типография "Еврейской энциклопедии", а вот здесь жил барон Гинцбург. Это означало, что они, по крайней мере, листали "Еврейскую энциклопедию" и хотя бы слышали имя барона Гинцбурга. Это означало, конечно, что у них появился интерес к еврейству.

Тексты этих экскурсий, обработанные в виде статей, были напечатаны сначала в самиздатском еврейском журнале "ЛЕА" ("Ленинградский еврейский альманах"). Когда их набралось достаточно, чтобы составить книгу, автор послал рукопись в "Новый мир" и в "Советиш Геймланд". "Новый мир" даже не ответил; "Советиш Геймланд" вежливо отказал. Отказали в сотрудничестве ленинградский "Интурист" и Музей истории Ленинграда. Автор репатриировался в Израиль в 1987 году. Здесь и выходит его книга.

Экскурсии Михаила Бейзера, который также вел в Ленинграде нелегальный кружок по еврейской истории, и его статьи о еврейской истории, опубликованные в самиздате, имеют и такого рода развитие, как появление исследования Исраэля Таяра (С.Янтовского) "Синагога - разгромленная, но непокоренная" (книга издана издательством "Библиотека-Алия" в 1987 году), работы Гринберга о могилах цадиков, альбома М.Рывкина и А.Френкеля о памятниках жертвам Катастрофы,

статьи М.Куповецкой о евреях в Москве, статей о евреях Риги и других работ.

Эта книга рассказывает о районах Петербурга, где евреи селились по преимуществу, о еврейских благотворительных и культурно-просветительных обществах, о еврейских гимназиях и издательствах, о еврейских библиотеках и коллекциях, о евреях-богачах и о евреях-интеллигентах, о взаимоотношениях в еврейской общине, о евреях знаменитых, отмеченных в справочниках и энциклопедиях, и о евреях незначительных, которым хватило столбцов статистических сводок, и о том, что было и что происходило с евреями, жившими в столице Российской империи, - кто легально, а кто и нелегально.

Вся их жизнь, все события, которые с ними происходили, записывались на полях истории Петербурга. Они жили в Петербурге, но их как бы и не было. Некоторых власти терпели за богатство или подходящую профессию, а на проживание в столице других в разные периоды смотрели иногда и снисходительно, а иногда и без всякого снисхождения. Изредка бытописатели отмечали в своих произведениях их присутствие ради верности реализму, описывали живописности ради, а чаще клеймили среди других социальных язв.

Деятельность евреев в жизни Петербурга сказывалась в тех лишь случаях, когда евреи участвовали в русской жизни в качестве талантливых и успешных представителей своих профессий, своих занятий, то есть в качестве ученых и промышленников, художников и музыкантов, адвокатов и банкиров. На жизнь Петербурга и на облик города еврейство никак не влияло, а еврейское общество было, как сказано, маргинальным. Вот почему мы не могли бы говорить ни о "еврейском Петербурге" (его не было), ни о "евреях Петербурга" (таких, в соответствии с законами, не существовало; евреи могли жить в Петербурге "при условии, если..."). И потому книжка названа так, как названа - "Евреи в Петербурге"; к началу века в городе проживало двадцать тысяч евреев.

Поскольку это историческое исследование имеет форму путеводителя, материал в нем расположен "по районам и по улицам". Но построена книга по хронологическому принципу: в одной из первых глав рассказывается о евреях, живших в городе в восемнадцатом веке, а последняя глава рассказывает о городском еврейском кладбище.

И, как всякое научное исследование, книга снабжена обширным справочным аппаратом, в том числе - статистическими таблицами и анализом этих таблиц, а также приложениями, содержащими персоналии, списки периодических изданий, политических, культурно-просветительных и прочих организаций, религиозных и

благотворительных учреждений, учебных заведений и т.п. и даже список еврейских ресторанов, столовых и магазинов.

Рассказывая о какой-либо "еврейской" достопримечательности города или о каком-нибудь еврейском деятеле, автор не может не помнить о том, что ныне интересует советских евреев. Поэтому, например, в рассказе о Петропавловской крепости, где содержался под арестом основатель хабадского движения, раби Шнеур Залман из Ляд, он чувствует необходимость кратко познакомить читателя с историей хасидизма; он найдет также место и время рассказать о сионизме, о политической борьбе между Бундом и автономистами, о Хаскале, о еврейской и русско-еврейской прессе, об истории русского антисемитизма и об истории еврейской эмиграции и тому подобном. Этот просветительский жанр - жанр беседы с читателем - придает книге особую интонацию.

Читатель может встретиться с сетованиями автора: "жаль, что мы не располагаем достоверными сведениями об этом". А где в Советском Союзе можно их раздобыть, эти достоверные сведения о евреях? Еврейские библиотеки, архивы и просветительные учреждения были разорены и уничтожены, а историей евреев (тем более, до- и послереволюционной) там никто не занимался в течение почти полувека.

Здесь в самый раз поговорить о кропотливом труде историка в Советском Союзе. Потому что источниками сведений для исследования стали (кроме "Еврейской энциклопедии") старые адресные книги и ежегодники, путеводители и разрозненные, случайно попавшие в руки, номера еврейских журналов, случайные упоминания в случайных книгах, иногда - частные архивы и свидетельства очевидцев. На основе информации, полученной из чудом уцелевших частных архивов и от очевидцев-свидетелей, написаны, например, очерки о Каценеленбогене, о Равребе, о еврейской школе, о музее на Васильевском острове; составлено описание еврейского кладбища.

Читающий эту книгу познакомится не только с историей проживания евреев в Петербурге. Перед ним пройдет отраженно вся история евреев России конца восемнадцатого начала двадцатого столетий. Он прочтет о том, как миллионы евреев стали российскими подданными и как Российская империя отнеслась к появлению своих новых подданных-евреев. Читатель узнает о маскилим (последователях просветительского движения Хаскала) и о хасидах, познакомится с процессом расслоения еврейского общества конца девятнадцатого - начала двадцатого веков, почерпнет много интереснейших фактов о еврейских политических партиях, а также об участии евреев в русском революционном движении.

О том, как была организована еврейская община в Петербурге, тоже подробно рассказывается в этой книге. Описывается и анализируется

структура общины, которая, в принципе, была точно такая же, как в Варшаве, Одессе, Меджибоже, Бердичеве или в Каире, Дамаске, Берлине, - с теми же синагогами и молельнями, благотворительными учреждениями, школами, сбором средств на бедных и тому подобным, чему имя "еврейская общественная жизнь". Позже она была физически уничтожена, но сохранилась духовно и называлась "еврейской солидарностью". В этом смысле еврейская община в Петербурге не была маргинальной и по отношению к мировому еврейству.

Перед читателем книги встанут те, кто составил славу евреям России: поэт Иехуда Лейб Гордон, общественный деятель барон Г. Гинцбург, адвокат О. Грузенберг, промышленник С. Поляков, художник М. Маймон, Любавический ребе Шнеур Залман из Ляд, педагоги И. Эйзенбет и З. Киссельгоф, историк Ш. Дубнов и многие, многие другие, чьи имена должны быть известны также и тем, кто ни разу не бывал в городе, в котором они жили. Потому что деятельность евреев, живших в Петербурге, не ограничивалась петербургской общиной. То, что они делали, имело значение для всех евреев России, а, протянувшись во времени, их деятельность оказалась полезной для всего мирового еврейства.

Вот пример: по всему миру (и, конечно, в Израиле) существуют профессионально-технические школы ОРТ с высоким уровнем преподавания и подготовки. Порой даже учащиеся этих школ не знают, что "ОРТ" означает "Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев России"; оно было основано в Петербурге С.С.Поляковым.

Маргинальность еврейского населения, жившего в имперской столице, была обозначена и топографически. Очень немногие имели дома в центральной Адмиралтейской части. Почти никто не жил на Миллионной. Разбогатевшие покупали дома и квартиры в Литейной части. Но большинство евреев селилось на окраинах, в отдаленных предместьях.

Окраиной города был тогда район Песков, где С.Гинцбург, П.Марек и Ю. Энгель создали Общество еврейской народной музыки. Они собирали еврейский музыкальный фольклор, издавали книги, устраивали концерты еврейской музыки. Общество способствовало творчеству еврейских композиторов, было инициатором теоретических исследований по древней и современной еврейской музыке.

В том же районе функционировало Еврейское литературное общество, имевшее целью изучение и развитие литературы на иврите, идите и русском, организацию бесед, чтений, издание книг, журналов и газет. На 5-й линии Васильевского острова помещалось Еврейское общество поощрения художеств, а редакция журнала "Рассвет" - на Торговой улице. В районе Офицерской улицы, где жили мелкие чиновники,

студенты, ремесленники, размещались синагога, еврейские учебные заведения и благотворительные учреждения.

Поэтому читатель не должен удивляться, что экскурсовод - автор книги уводит его в сторону от прекрасных ансамблей и зданий, в сторону от гордых памятников бывшей столицы Российской империи - на Пески, в Коломну, на Васильевский остров - на окраину, в предместья, где жили в Петербурге евреи, - слава и гордость евреев России.

Я. Цигельман

От автора

ВВЕДЕНИЕ

Провидением предуказано,
чтобы евреи не жили в С-Петербурге,
так как в летние месяцы
ночи нет (белые ночи) и,
следовательно, невозможно
определять время
утренней и вечерней молитв.
р. Лев Эпштейн, 1750-е годы

К началу нашего века еврейское население Петербурга насчитывало менее 20 тысяч человек - ничтожный процент от 5,5 миллионов еврейских подданных Российской империи (сравните, например, с Одессой, где в то же время жили 150 тысяч евреев). Образом жизни, манерами, речью петербургские евреи мало напоминали своих братьев по ту сторону черты оседлости. По сравнению с петербургскими только московские евреи были еще более ассимилированными.

Но именно эти несколько тысяч наших столичных соплеменников составляли ядро самой образованной, культурной, влиятельной и богатой части русского еврейства. Они проторили тот путь, по которому - вольно или невольно - шел весь народ. Их деятельность была очень заметна как на еврейской улице, так и среди русской общественности. Их личности, их идеи, издававшиеся ими книги, газеты и журналы имели огромное влияние на молодежь (особенно в конце девятнадцатого - начале двадцатого столетия). Эти люди в большой степени определили облик не только русского, но и мирового еврейства, в котором выходцы из России занимали и занимают далеко не последнее место.

Какими же они были, петербургские евреи? Чем дышали? Какие проблемы их занимали? За что они боролись? Кого любили, а кого ненавидели? Где они, наконец, жили и работали? Мы приглашаем вас совершить прогулку по еврейскому Петербургу. Однако подготовить ее оказалось гораздо сложнее, чем любую другую экскурсию по знаменитому своими достопримечательностями городу. Ведь даже коренной житель с трудом может показать что-то "еврейское" в родном

Ленинграде, кроме синагоги и Преображенского кладбища (некоторые, правда, припоминают, что до 1948 года на Невском проспекте была еврейская столовая).

А еще каких-то лет семьдесят-восемьдесят назад картина была совершенно иной. Петербургский еврей мог, если хотел, получить солидное еврейское образование, выписать еврейские газеты и журналы на разных языках, присоединиться к любой из множества национальных партий, общественных организаций, посетить еврейский клуб, музей, еврейскую библиотеку...

Но с каждым годом все труднее отыскать следы даже нашего недавнего прошлого. Уходят люди, исчезают книги. Не дать пропасть драгоценным знаниям, укрепить народную память - вот задача историка.

Каждый человек помнит то, что дорого его сердцу. Например, хасиды, представляя себе карту мира, видят на ней Любавичи и Меджибож куда более значительными центрами, чем, скажем, Лондон или Париж. Так же и мы, проходя по Ленинграду, будем останавливаться в основном у так называемых доходных домов, а не около известных дворцов и музеев, ибо для нас важна не столько архитектура, сколько история - еврейская история города.

Мы подходим к обыкновенному петербургскому дому. На нем нет мемориальной доски. И если можно рассказать что-то интересное о его бывших обитателях, значит, кто-то запоминал, записывал, хранил и передавал бесценную информацию.

Будем же благодарны этим людям!

Глава первая. КОЛОМНА

В ту минуту,

когда Россия нас спросит:

"Где вы, сыны мои?"

- мы ей дружно ответим:

"Мы здесь, матушка!"

Л.Леванда

Подойдем к дому № 6 в Прачечном переулке. Сейчас здесь типография, а в начале двадцатого века в этом четырехэтажном здании располагалось издательство "Брокгауз и Ефрон". Илья Абрамович Ефрон, сын коммерсанта и ученого-талмудиста, родился в Вильно в 1847 году. По материнской линии он был правнуком Виленского гаона Элияху, в честь которого мальчика и назвали. Получив солидное еврейское образование под руководством отца, Илья сдал экзамены за курс гимназии и слушал лекции в Варшавской главной школе. В 1880 году он открыл в Петербурге издательство и типографию, а в 1890 году вместе со знаменитым Лейпцигским издательством "Брокгауз" основал фирму "Брокгауз и Ефрон".

В 1890 - 1907 годах она выпустила самый большой в России энциклопедический словарь (86 полутомов). Но среди евреев Ефрон прославился тем, что в 1908 - 1913 годах вместе с Обществом для научных еврейских изданий подготовил шестнадцати томную Еврейскую энциклопедию на русском языке. Этот свод знаний о прошлом и настоящем еврейского народа включал в себя все, что имеет отношение к еврейству, начиная от ТаНаХа и Талмуда и кончая сведениями об участии евреев в революции. Вы хотите знать происхождение своей фамилии? Какие знаменитые евреи ее носили? Вам интересно, как одевались и что ели члены этнолингвистической группы "Бней-Израэль"? Загляните в Еврейскую энциклопедию. Многие материалы для этой книги почерпнуты, например, в статье "Санкт-Петербург".

Энциклопедия вышла под редакцией Льва Израилевича Каценельсона, Давида Горациевича Гинцбурга и Абрама Яковлевича Гаркави.

Редакторы проделали в короткий срок огромную работу: организовали перевод многих статей из выпущенной перед тем американской JEWISH Encyclopedia, привлекли лучших ученых к составлению оригинальных статей по истории евреев Литвы, Польши и России, некоторые

материалы написали сами. До сегодняшнего дня читателю, владеющему только русским языком, просто не найти второго такого всеобъемлющего справочника.

Сам факт издания Еврейской энциклопедии указывал на глубокие изменения, произошедшие в русском еврействе за предыдущее столетие. Действительно, в конце восемнадцатого - начале девятнадцатого века евреи России жили тесной общиной, их мир был замкнутым, но гармоничным. В Торе и Талмуде они находили ответы на все вопросы. Все знали идиш (а нередко и иврит), но почти никто не знал русского. В напечатании Еврейской энциклопедии, да еще на русском языке, евреи прошлого не мог бы увидеть большого смысла. Иудаизм он изучал не по обзорным статьям, а светская культура его не интересовала, напротив, даже пугала. И если первые еврейские просветители сороковых-пятидесятых годов девятнадцатого века (маскилим) стремились ослабить еврейскую самоизоляцию, то уже в начале нашего столетия никого не требовалось убеждать в необходимости светского образования.

Наоборот, четко обозначился отрыв еврейской интеллигенции от своего народа: забвение языка и культуры, быстрая ассимиляция, иногда и смена вероисповедания. А после погромов, революции и связанным с ними массовым бегством евреев на Запад появилась реальная угроза утраты культурных и исторических ценностей русского еврейства.

Эти опасения, понятные группе национально настроенных интеллигентов, а также быстрое развитие еврейской историографии и литературы, привели к идее создания Еврейской энциклопедии.

Пока мы с вами идем к Театральной площади, где расположены другие интересующие нас здания, вспомним, когда вообще евреи появились в Петербурге. Документы доказывают, что одновременно с основанием столицы. Сначала только выкресты: марран Ян д'Акоста - любимый шут Петра I, Абрам Энс - штаб-лекарь лейб-гвардии Семеновского полка, первый генерал-полицмейстер Петербурга Девьер - сын португальского еврея, вывезенный Петром из Голландии и крещенный в России. Наконец, вице-канцлер Петр Шафиров, родители которого были крещеными евреями, что, конечно, шокировало придворных.

Затем появились "настоящие" евреи (пока единицы, так как проживать евреям в России было запрещено). Но, как это часто бывает, когда возникает необходимость, находят способы обходить закон. Например, Зундель Гирш поставлял серебро на Монетный двор Екатерины I. По указу 1727 года его должны были выселить, но тогда казна понесла бы убытки. И по решению Тайного совета его оставили,

"пока по контракту достальное серебро из-за моря не доставит".

Примерно тогда же другой еврей, Леви Липман, выходец из Курляндии, исполнял при дворе обязанности "обер-гофкомиссара" и "коммерческого агента". Он был близок к Бирону, что дало повод одному иностранцу написать, что именно "Липман управляет Россией". После ссылки Бирона иностранная пресса сообщила и об удалении обер-гофкомиссара, но "Санкт-Петербургские ведомости" официально опровергли этот слух.

Екатерина II, считаясь с общественным мнением, официально запрещала, но, учитывая государственные интересы, тайно поощряла пребывание отдельных евреев в Петербурге. При ней, кстати, в результате грех разделов Польши (1772, 1792 и 1795 годов) Россия вдруг стала местом пребывания самой большой еврейской общины в мире.

В 1773 году Екатерина II, отвечая Дидро на его вопросы о евреях, писала: "Вся Белоруссия кишит ими, трое или четверо находятся уже давно в Петербурге. У меня был духовник, у которого они квартировали. Их терпят вопреки закону, делают вид, будто не знают, что они в столице". В 1791 и 1794 годах были изданы указы, положившие начало печально знаменитой черте оседлости. Однако русское правительство не раз пользовалось услугами евреев. Например, во время войны против Наполеона они доставляли секретные сведения о расположении неприятельских войск. Так, житель Белостока, Гирш Альперн, был в сентябре 1811 года специально вызван в Петербург для награждения пятьюдесятью червонцами и перстнем стоимостью четыреста рублей за помощь русской армейской разведке. Его принимал сам военный министр Барклай-де Толли.

Несмотря на запреты, уже в 1826 году в столице проживали 159 еврейских семей (всего 248 человек), в основном коммерсанты и ремесленники. Бывали анекдотичные случаи. В 1835 году в царствование Николая I в Петербург приехал из Могилева некто Меерзон, шлифовальных дел мастер, "дабы изучать догматы православия и принять крещение" (на родине он боялся это сделать). Полиция же, руководствуясь "Положением о евреях", которое не вникало в такие проблемы, его выслала. Чтобы впредь не допускать подобных случаев, обер-прокурор явился к царю со всеподданнейшим докладом, где предлагал смягчить законодательство в этом вопросе. Николай I передал дело на рассмотрение в Государственный совет, который отклонил ходатайство, обосновав свое решение в частности тем, что изучение догматов православия - только предлог, выдуманный евреями с целью пробраться в столицу.

Еврейское население Петербурга значительно увеличилось в пятидесятые-шестидесятые годы после реформ Александра II, когда вне "черты" было разрешено селиться купцам первой гильдии, лицам с

высшим образованием, ремесленникам и отставным нижним чинам. И все же евреи составляли не более одного процента населения столицы.

В 1868 году по официальным данным

в Спасской части проживали 635 человек,

в Московской 423,

в Казанской - 324.

Всего в Петербурге насчитывалось 2612 евреев.

В действительности их было на треть больше, ибо некоторые въехали нелегально, что подтверждается более точными сведениями 1869 года: 6654 человека.

Год - мужчины - женщины - всего - процент к населению:

1826 ----- 248 -----

1869 -- 3751 -- 2903 -- 6654 -- 1.00%

1881-- 8839 -- 7987 -- 16826 -- 1.95%

1890 -- 8079 -- 7252 -- 15331 -- 1.61%

1897 -- 8942 -- 8002 -- 16944 -- 1.34%

1900 -- 10714 -- 9671 -- 20385 -- 1.41%

1910 -- 17766 -- 17229 -- 34995 -- 1.84%

1917----- 50000 -----

1920 -- 11700 -- 13753 -- 25453 -- 3.52%

1923 -- 25739 -- 26635 -- 52373 -- 4.89%

1926 ----- 84480 -----

Следует иметь в виду, что данные до семнадцатого года не учитывают крещеных и нелегально проживавших в столице евреев. В послереволюционных переписях национальность называл сам опрашиваемый, следовательно, в них в качестве евреев не фигурируют люди, себя таковыми не считавшие (около 20 процентов, см. В.И.Биншток, С.А.Новосельский, "Демографический очерк", - В сб.: Вопросы биологии и патологии евреев. Л., 1926).

Евреи в Петербурге отличались высоким уровнем грамотности по сравнению с нееврейским населением, но не так сильно, как в провинции. В 1868 году 72 процента евреев и 47 процентов евреек столицы были грамотны (среди православных соответственно 54 процента и 41 процент). Это были в основном ремесленники, коммерсанты, а также формировавшаяся светская интеллигенция (врачи, адвокаты, журналисты). В 1881 году из 800 тысяч петербуржцев евреев было уже 17 тысяч. Из них

две тысячи человек считали родным языком русский,

500 - немецкий,

90 - польский,

50 - татарский,

37 - турецкий и

14 тысяч - идиш.

В 1910 году только 55 процентов евреев Петербурга назвали еврейский язык родным. Этим они сильно отличались от своих соплеменников в западных губерниях, где почти все говорили на идише.

В конце девятнадцатого - начале двадцатого века центр еврейской жизни в Петербурге переместился в Коломну (территория за Крюковым каналом), где и расположено большинство интересующих нас достопримечательностей.

* * *

На Театральной площади (бывшая площадь Большого театра) находится важный в историческом отношении дом № 2, в котором помещались редакция и типолитография популярнейшего русско-еврейского журнала "Восход". Его издатель, Адольф Ландау, остался в истории под именем еврейский Сытин. Журнал был основан в 1881 году и выходил как бесцензурный ежемесячный учебно-литературный и политический журнал до апреля 1906 года. Для того, чтобы понять роль "Восхода" в общественной жизни русско-еврейства, необходимо хотя бы кратко остановиться на двух важнейших и тесно связанных с журналом явлениях: Хаскале и русско-еврейской литературе.

Хаскала ("просвещение" на иврите) - общественно-культурное движение, возникшее в Германии в конце восемнадцатого века и распространившееся в России в середине девятнадцатого столетия. Деятели Хаскалы - маскилим ("просветители") - боролись с ортодоксальным раввинизмом за реформу иудаизма, пропагандировали

светское образование и европейскую (главным образом русскую) культуру в еврейской среде. Они считали, что эмансипироваться в русском обществе евреи смогут тогда, когда их культура и образ жизни станут такими же, как у христианских соседей. "Будь гражданином на улице и евреем дома" - вот один из главных лозунгов Хаскалы.

Движение маскилим вызвало к жизни целый ряд внутренних и внешних причин: влияние идей Французской революции и немецкого просветителя Моисея Мендельсона, уничтожение еврейского общинного самоуправления Николаем I, быстрое развитие капитализма в России и реформы Александра II, кризис в традиционном иудаизме, возросший интерес к быстро развивающейся русской культуре и, в частности, к литературе, пробуждение национального сознания, вытесняющего религиозное мировоззрение, у малых народов во всем мире, увлечение национальной историей и культурой.

Зачинателями русской Хаскалы были выходцы из важных торговых и культурных центров вблизи западных границ империи: Соломон Раппопорт, Иосиф Перл, Нахман Крохмал, позже - Лев Мандельштам, Осип Рабинович, Лев Леванда, Л.И.Гордон...

Хаскала не была однородной, как уже не была единой некогда монолитная еврейская община. В движении наметились национальное, ассимиляторское и революционное течения. Тем не менее, три цитаты, приведенные ниже, очень типичны для мировоззрения большинства маскилим шестидесятых годов.

"Мое сердце говорит мне, что со временем русские полюбят нас. Мы заставим их полюбить нас. Как? Своей любовью" (Сарин, герой романа Л.Леванды "Горячее время").

"Рабами были мы в Египте, а что мы сейчас? Разве не опускаемся ниже с каждым годом? Разве мы не связаны веревками абсурда, тросами софизмов, всякими предрассудками? Иноверец больше не угнетает нас, наши тираны в нас самих. Наши руки уже не скованы, а души в цепях" (И.Гордон).

"В то время, когда все думающие люди в России захвачены новыми идеями Чернышевского и Писарева, которые предлагают решение великой проблемы всемирного счастья, наши великие писатели поднимают шум из-за какого-нибудь комментария к библейской фразе и штудируют древние тома, чьи идеи высохшие, как опавшие листья" (М.Лилиенблюм).

Сложное явление, Хаскала оказала глубокое и противоречивое воздействие на еврейскую общественную жизнь: с одной стороны, вызвала развитие иврита, идиша и литературы на них, еврейской

исторической науки, пробудила интерес к национальному прошлому и Эрец-Исраэль, с другой - способствовала разрушению патриархальной общины, ассимиляции и даже крещению среди еврейской интеллигенции, появлению в еврейской среде социалистических идей.

Ей же мы обязаны рождением русско-еврейской литературы, то есть литературы на еврейские темы, созданной евреями на русском языке. Вначале еврейские писатели хотели просветить русскую общественность и таким образом улучшить ее отношение к евреям (см., например, "Вопль дочери иудейской" Л.Неваховича). Эту же цель частично преследовал и первый русско-еврейский журнал "Рассвет", появившийся в Одессе в 1860 году. Его издателем и редактором был Осип Рабинович. Вскоре, однако, стало ясно, что коренное население мало интересуется еврейскими делами, и все русскоязычные издания стали ориентироваться на тех еврейских читателей, для которых русский язык стал уже более привычным, чем идиш- Все, что в эти годы привлекало светски образованного еврея: материалы по истории и культуре, отражение общественной жизни, полемики вокруг борьбы за равноправие, - все можно было найти в этих журналах, Теперь понятно, какой вес имел "Восход" - столичный русско-еврейский ежемесячник, типичный продукт Хаскалы.

Его выпуску предшествовало издание (с 1871 года) десяти историко-литературных сборников под общим названием "Еврейская библиотека". В них печатались статьи и беллетристика известных просветителей, в частности роман Л.Леванды "Горячее время" и его работа "Школюбознь", направленная против ортодоксов, не желавших отдавать своих детей в казенные школы. Так как маскилим вели непримиримую войну с хасидизмом, упомянем статью И.Оршанского "Мысли о хасидизме". Любопытно, что она была перепечатана в шестидесятых годах нашего века в советском сборнике "Критика иудейской религии". Крупный еврейский поэт И.Л.Гордон поместил в двух томах "Еврейской библиотеки" свои литературные обзоры. "Еврейская библиотека" находилась там же, где впоследствии размещалась редакция "Восхода". Как альманах, так и журнал издавал уже упоминавшийся Адольф Ландау.

"Восход" появился в сложное для русского еврейства время. Погромы и "Майские правила" вызвали кризис идеалов Просвещения. Многие не верили в возможность равноправия в России и призывали к эмиграции. В журналах шла полемика, куда ехать: в Америку или Палестину. Решившие остаться общественные деятели думали над тем, что предложить пятимиллионному еврейскому населению черты оседлости в качестве альтернативы эмиграции. Вот как описывает деятельность "Восхода" крупнейший еврейский историк Семен Маркович Дубнов:

"Были еще верующие, догматики прогресса, надеявшиеся на скорую перемену во внутренней политике России и считавшие своим долгом продолжать борьбу и за гражданскую эмансипацию и за внутренние реформы в еврействе. Наиболее независимые представители этого направления в печати группировались вокруг "Восхода"... После прекращения двух других русско-еврейских органов ("Рассвет" и "Русский еврей" перестали выходить в 1883 и 1884 гг.) "Восход" был единственным выразителем мнений прогрессивной интеллигенции, проникнутой западноевропейскими идеалами... Он долго служил цитаделью, где после поражения прежних борцов за эмансипацию укрепились последние "зелоты" прогресса и равноправия".

В ежемесячных книжках "Восхода" печаталось все лучшее из того, что могла дать еврейская мысль на русском языке. Здесь появились стихотворения С.Фруга, последние повести Л.Леванды и Г.Богрова, исследования по еврейской истории Польши и России А.Гаркави и С.Бершадского. "Восход" долго не уступал старых позиций семидесятих годов новому национальному движению, но свой долг борьбы за еврейское равноправие исполнял добросовестно.

Откроем, для примера, несколько номеров журнала за 1894 год. В одном из них напечатана статья "Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине". Речь идет об обществе, основанном бароном Морисом де Гиршем (Хиршем), с целью переселить часть русских евреев в Аргентину, где они могли бы заниматься сельским хозяйством на специально приобретенных для этого землях. Автор статьи, Лапин, был хорошо знаком с этим вопросом, так как сам ездил в Аргентину по делам общества и прочитал в Петербурге доклад о ходе колонизации. Он привел географические и экономико-политические сведения об Аргентине и оценил возможности переселения туда большого числа евреев из России.

Интересен материал известного французского историка Эрнеста Ренана "Евреи во владычестве Рима. Ирод Великий". В том же номере - сентиментальный роман "Дочь сапожника", рассказывающий о трагедии образованной еврейской девушки из бедной семьи, которая покончила с собой из-за несоответствия идеалов с реальной жизнью. Журнал опубликовал переводы из Библии, хозяйственный отчет еврейских колонистов Херсонской губернии, доклад барона Давида Гинцбурга по экзегетике с цитатами на латыни, иврите, немецком и французском, а также обзор недавно вышедшей литературы на еврейские темы на иврите, идише, русском и немецком языках.

Обращает на себя внимание рецензия на роман П.Боборыкина "Перевал" известного юриста О.Грузенберга, помещенная под рубрикой "Литература и жизнь". Главный герой романа заявляет, что вражда к евреям не имеет расовой и экономической подоплеки, а связана с их

отрицательным влиянием на европейскую и русскую культуру и философию:

"Они (евреи. - М.Б.), их пророки и учителя поколебали вековечное и здоровое понятие о добре и зле. По их учению вышло, что все, что испокон веку было хорошо, - сильно, блестяще, богато, даровито, великодушно, храбро, - все это считается злом. Еврейская мораль с проповедью самоотверженной любви к ближнему представляется опасной и вредной для человечества. Юдофобия - это бунт, бунт не против евреев, а против их "нищенско-больничной морали".

Герой "Передела" недвусмысленно становится на сторону антисемитов. Рецензент, отождествляя героя романа с автором, находит в его словах отражение философии Ницше, который писал, что евреи отомстили за свое рабство, заразив Европу своей рабской моралью,

"Восход" и сегодня интересно читать. А для своего времени его публикации были уникальными. Достаточно сказать, что первый перевод "Иудейских древностей" Иосифа Флавия на русский язык, сделанный Г.Генкелем с греческого оригинала, был напечатан в приложении к журналу "Восход" в 1896 - 1898 годах. "Борцом за еврейское равновесие" назвал "Восход" С.М.Дубнов.

Напротив редакции "Восход" расположено здание Ленинградской консерватории, основанной в 1862 году Антоном Рубинштейном. Он же был директором консерватории в 1862 - 1867 и 1887 - 1891 годах. Каким же образом еврей, пусть гениальный музыкант и композитор, занял в России столь высокий пост? Дело в том, что родители Рубинштейна перешли в православие и крестили своих детей, Антона и Николая. Это помогло братьям оставить заметный след в истории русской музыки и культуры.

Крещение долгое время служило панацеей от бесправия для любого еврея. Еще при Николае I известен случай, когда выкрест М.Позен стал богатым помещиком на Полтавщине и был назначен управляющим канцелярией военного ведомства (кстати, в "Редакционных комиссиях" по освобождению крестьян он возглавлял правое крыло и предлагал отпускать крестьян без земли).

Однако до восьмидесятых годов в другую веру переходили (если не считать насильственно крещенных кантонистов) лишь единицы. К концу девятнадцатого века купить себе такой ценой гражданские права решались все больше интеллигентов, индифферентных к религии. Но теперь уже и крещение не гарантировало еврею равных с православными возможностей. При Александре III известны первые случаи, когда выкрестов не назначали на ответственные государственные должности, мотивируя это их происхождением.

Религиозный антисемитизм стал в России вытесняться антисемитизмом расовым. Даже в весьма благополучной истории с А.Рубинштейном мы видим, что сограждане композитора не лучшим образом воздали ему за заслуги в развитии русской музыки. Основанная им консерватория не удостоилась носить его имя, и памятника Рубинштейну в Ленинграде вы не найдете.

Интересно, что великий музыкант, в отличие от других выкрестов, не порвал связи со своим народом. Рубинштейна часто можно было видеть в доме барона Горация Гинцбурга, стипендиаты которого учились в консерватории.

Выдающийся скрипач Генрих Венявский был профессором консерватории по классу скрипки с 1862 по 1868 год. Еще более заметный след в истории консерватории оставил другой известный скрипач и педагог Леопольд Ауэр (он крестился), преподававший в консерватории почти полвека (с 1868 по 1917 год). Школа Ауэра имела громкую славу. У него учились такие знаменитости, как Яша Хейфец, Ефрем Цимбалист, Виктор Вальтер, Михаил Вольф-Израэль, Иосиф Ахрон, Борис Сибор (Лифшиц), Миша Эльман. Талантливые пианисты-евреи С.Савшинский, Н.Перельман, Хальфин преподавали здесь и в советское время. С Петербургской консерваторией связаны судьбы композиторов М.Гнесина, А.Веприка, много сочинявших на темы еврейского фольклора.

Малый зал консерватории не раз арендовала петербургская еврейская община. А в 1907 году бундовцы устроили здесь литературно-музыкальный вечер в честь посетившего Петербург известного еврейского писателя Леона (Ицхока Лейбуша) Перца. Концерт начался в девять часов вечера. Когда на сцену вышел Перец, одетый в безукоризненно сшитый черный сюртук, переполненный зал разразился долгими аплодисментами. Но оказалось, что польский диалект идиша, на котором писатель начал читать свой рассказ, не совсем понятен публике. Послышался шум. Кто-то крикнул: "Говорите по-еврейски!" Перец обиделся и покинул сцену. К счастью, его удалось уговорить выступить во втором отделении. На этот раз слушали внимательно.

В мае 1917 года в здании консерватории проходил Седьмой всероссийский съезд сионистов.

* * *

Еще одна достопримечательность на Театральной площади - здание бывшей еврейской гимназии (дом №18). Проблема светского образования была для евреев России чрезвычайно острой. Процентная норма существовала не только в высших учебных заведениях, но и в гимназиях. Среди еврейской молодежи распространилась традиция

сдавать экзамены на аттестат зрелости экстерном. Этот путь был труден, но все же давал надежду получить заветный аттестат, а следовательно, право на дальнейшее образование. Затем правительство ввело ограничения и для экстернов, закрыв практически для еврейских юношей и девушек путь в вуз.

Некоторые родители побогаче стали отдавать детей в немногочисленные частные учебные заведения с менее строгими правилами в отношении приема евреев. Однако люди со средствами хотели, чтобы кроме общего образования их дети получали какое-то еврейское воспитание. Эту задачу поставил перед собой учредитель и директор первой частной еврейской гимназии в Петербурге кандидат философских наук Илья Гиларович Эйзенбет.

Гимназия открылась в 1906 году в Никольском переулке, 7 (сейчас улица Мясникова), а затем переехала в старинное здание на Театральной площади. Эйзенбет сумел организовать преподавание на очень высоком уровне. Он пригласил лучших учителей, среди которых были З.А.Киссельгоф и А.Е.Марков. Если память одного из бывших выпускников правильно сохранила факты, то русскую литературу преподавал специалист по Достоевскому А.С.Долинин, историю - будущий профессор ЛГУ С.Н.Валк, французский язык - дружившая с Метерлинком А.И.Пинскер, географию - путешественник М.М.Шницлер, иврит - один из организаторов еврейского светского школьного образования М.М.Чернин.

Многие выпускники гимназии впоследствии стали известными людьми. Жаль, что пока мы не располагаем более подробными сведениями об истории этого важного начинания.

* * *

Выйдем теперь с Театральной площади на канал Грибоедова (бывший Екатерининский). Здесь, в доме №13 по набережной канала жил издатель известной в восьмидесятых-девяностых годах либеральной газеты "Новости" Иосиф Нотович; здесь же находилась и редакция. Судьба Нотовича типична для определенной части еврейской интеллигенции. Он родился в 1849 году в семье керченского раввина, окончил юридический факультет Петербургского университета, получил степень доктора философии и стал журналистом. После революции 1905 года эмигрировал за границу.

Г.Розенцвейг в очерке "Штрихи прошлого" ("Еврейская летопись", Л., 1926) вспоминает, что "Новости" были очень популярны среди евреев черты оседлости и расходились тиражом в десятки тысяч экземпляров. Евреи думали, что Нотович очень влиятелен в "сферах" и запросто беседует с министрами. Многие обращались в газету за помощью, веря,

что редактор действительно может помочь. Мемуарист рассказывает о таком смешном и грустном случае.

В редакцию явился еврей и попросил посодействовать в получении права жительства в Петербурге. Сотрудник "Новостей" решил подшутить над провинциалом и предложил подписаться на газету:

"Как покажете нашу квитанцию в полицейском участке, красный штемпель (распоряжение о высылке. - М.Б.) снимут".

Еврей поторговался и в конце концов ушел со "спасительной" бумажкой в кармане. Конечно, его выгнали из столицы, и через некоторое время в редакции "Новостей" получили письмо;

"Уважаемый г. Нотович! Меня давно уже выслали, вышлите мне, по крайней мере, свою газету..."

Журналистика становилась популярнейшим занятием среди образованных евреев, отошедших от религии. Действительно, на государственную службу поступить было нельзя, поэтому доступными оставались профессии врача, адвоката и особенно - журналиста. Большая русская литература была еще не по плечу тем, чьи родители, как правило, вообще не знали русского языка.

Однако в газетах и журналах евреи освоились очень быстро. Это был естественный путь для новой интеллигенции: еврейско-русская литература - русская журналистика - русская литература. В следующем поколении появятся первые крупные поэты и писатели - выходцы из еврейской среды - Осип Мандельштам, Саша Черный, Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий. А пока антисемиты писали, что евреи заполонили газеты, да и саму прессу называли "жидовским изобретением", хотя почти никогда евреи - сотрудники русских газет не выступали за права своих собратьев.

Даже в "Восходе" однажды появилось стихотворение, в котором отравленное слово пройдохи-редактора уподоблялось водке, а сам он - еврею-шинкарю.

Полно, газетчик-чудак!

Разницы с жидом в вас нету:

Жид открывает кабак,

Ты открываешь газету.

Кроме Нотовича, из газетных издателей следует упомянуть крупного банкира Максима Проппера и его сына Станислава, выпускавших газету

деловых кругов "Биржевые ведомости". Люди эти, хотя и не перешли в православие, почти полностью ассимилировались и были весьма индифферентны к еврейской жизни. Это естественно для евреев, избравших полем деятельности русскую журналистику и литературу. Ведь в известной мере язык диктует темы. Тот, кто не знает, не чувствует родной культуру народа, на языке которого пишет, никогда не добьется успеха. Промежуточное состояние не может быть устойчивым. Поэтому так мало высокохудожественных произведений о евреях и для евреев, написанных евреями на русском языке.

* * *

Подойдем теперь к дому №24 по Большой Подъяческой улице, в котором жил академик живописи Моисей Маймон.

Живопись и скульптура, как их понимают европейцы, у религиозных евреев существовать не могли. Поэтому в Академии художеств еврей-студенты появились позднее, чем в других учебных заведениях. Первым евреем, закончившим академию, был художник Бахман, а уже в начале нашего века целый ряд еврейских мастеров составлял славу русского искусства:

М.Антокольский, И.Гинцбург, И.Левитан, Л.Бакст, М.Шагал, Н.Альтман, Р.Фальк.

Хотя еврейская традиция запрещала занятие изобразительным искусством, многие евреи, разумеется, преступали эту заповедь. Очень интересен пример Маймона - художника, большая часть творчества которого посвящена еврейской тематике. Он родился в 1860 году в одном из бесчисленных местечек черты оседлости. В возрасте двадцати лет приехал в Петербург и поступил в Академию художеств. По его воспоминаниям, на курсе было всего семь-десять евреев. Поначалу их никто не преследовал, а некоторые либеральные преподаватели даже опекали. Но с воцарением Александра III пришла реакция, и юношей стали травить - как начальство, так и студенты.

Еврею-провинциалу одиноко жилось в Петербурге. Поэтому Маймон сблизился с семьей небогатых евреев, таких же, как и он, новичков в столице. Сюда он ходил, чтобы побыть в еврейской атмосфере, отметить субботу, - словом, отогреть душу. Однажды, будучи приглашен в эту семью на пасхальный седер, художник стал свидетелем жестокой, но, увы, характерной для той жизни сцены. В квартиру ворвались городовые, заявили, что документ хозяина на право жительства в Петербурге не в порядке, схватили и увели главу семьи, а его близких оставили под домашним арестом. Потрясенный гоноша ушел с неудавшегося праздника, долго бродил по пустынным улицам и наконец

решил, что не успокоится, пока не напишет картину на сюжет поразившего его события. Осуществил он свое намерение не сразу.

Окончив академию в 1887 году в звании "классного художника первой степени" и с золотой медалью (дипломная работа "Смерть Иоанна Грозного"), Маймон быстро приобрел известность как хороший портретист. Его мастерство росло, и соответственно увеличивалось количество заказов. В 1893 году академия собиралась провести конкурс живописи, а годом раньше исполнялось 400 лет со времени изгнания евреев из Испании. Маймон решил представить жюри картину, которая показала бы современникам трагедию еврейского бесправия.

Предложенная историческая тема "Марраны и инквизиция в Испании" ни у кого не вызвала подозрения. Художнику даже выделили в академии большую мастерскую. Но он приступил к работе не раньше, чем объездил Испанию, Португалию, Голландию и Англию, собирая материал. В те времена картины создавались не в один день. Добросовестный мастер должен был изучить среду и эпоху, сделать множество эскизов. Достоверность изображаемого, точность деталей тогда еще ценились классической школой. По возвращении живописец уже представлял, какую будет картина, первые наброски были готовы.

На полотне (его репродукция есть в Еврейской энциклопедии) изображен дом богатых марранов в Испании конца пятнадцатого века. Семья собралась на тайный пасхальный седер. Во главе стола седой старик с волевым лицом в белом одеянии. В этот момент в комнату врываются стражники и монахи. Несчастных евреев ожидает теперь только одно - смерть на костре.

Картина была наполовину готова, срок конкурса приближался, но художник все еще не мог найти натурщика для главного персонажа - старика, ведущего седер. И вот однажды на светском приеме он увидел своего героя. В зал вошел знаменитый генерал от артиллерии Арнольди, увешанный орденами участник нескольких войн. Дистанция между художником и генералом была немалая, но Маймон все же сумел познакомиться с ним и уговорил позировать. Старик стал приезжать в студию, очень заинтересовался сюжетом. На последнем сеансе художник наконец узнал, почему генерал принял его предложение. Оказалось, что старый солдат происходил из евреев. Мальчиком его взяли кантонистом в николаевскую армию и крестили. Своего народа и его культуры он почти не знал. Помнил только, что евреи празднуют Пейсах и Иом-Киппур. Арнольди сказал живописцу:

"Я потому сразу согласился вам помочь, что вы угадали во мне еврейскую душу, которую я ношу уже восьмой десяток, хотя вместе с крестом на шее".

М.Маймон. История одной картины. "Еврейская летопись", Пг., 1923.

"Марраны" имели шумный успех на конкурсе. За эту работу тридцатитрехлетний Маймон был избран академиком. Академия постановила купить полотно для Музея Александра III (теперь Государственный Русский музей), но его все же не взяли ввиду "антихристианского содержания". Картину возили в Вильно, Варшаву и другие города. Толпы евреев ходили ее смотреть. Каждый видел то, что хотел показать художник, - судьбу российских евреев. Теперь "Марраны", по всей видимости, находятся в одном из американских музеев.

У Маймона есть и другие работы на еврейские темы. Например, картина "Опять на родине" изображает раненого еврейского солдата, вернувшегося с японской войны и нашедшего свой дом разграбленным погромщиками.

* * *

За Театральной площадью и Крюковым каналом, в доме №11 по улице Союза Печатников (бывшей Торговой) в начале десятых годов нашего века находились издательство и книжный склад "Восток". Эта фирма интересна тем, что ее деятельность была тесно связана с новым явлением в еврейской общественной жизни - палестинофильством, а затем и с сионизмом.

В 1882 году в Берлине появилась изданная на немецком языке брошюра известного одесского врача и общественного деятеля Льва Семеновича Пинскера "Автоэмансипация!". Вскоре она была переведена на русский язык. В этой работе Л.Пинскер утверждал, что истинное равноправие евреев недостижимо без собственного государства, и побуждал народ принять активное участие в строительстве собственного будущего,

"Теперь или никогда!" - да будет нашим лозунгом. Горе нашим потомкам, горе памяти современных евреев, если мы не воспользуемся настоящим моментом!.. Помогите себе сами, и Бог вам поможет!"

- писал автор. Волна погромов в России, идеи Пинскера, появление политического сионизма на Западе (книга Т.Герцля "Еврейское государство" вышла в 1895 году, а Первый сионистский конгресс состоялся в 1897 году) - все это вызвало мощный подъем национальных чувств у еврейской интеллигенции.

У меня в руках проспект издательства "Восток" 1913 года. Что он рекламирует? Сборник стихов Хаима Нахмана Бялика "Песни и поэмы" в переводах Владимира (Зеева) Жаботинского, "Фельетоны" Теодора Герцля с предисловием Вл.Жаботинского и, наконец, книгу самого Жаботинского, в которую включены все его основные статьи и речи за

предыдущие восемь лет. Все три книги выпущены в твердых переплетах на хорошей бумаге. Тут же помещены отзывы на эти новинки в русской и еврейской печати.

Вот что писал "Современник" о Х.Н.Бялике:

"На долю поэзии выпала большая радость, какой она давно уже не знала. Мы говорим о той поэзии, которая для всех одина, на каком бы языке или наречии она первоначально ни звучала. Теперь ее песни зазвучали на седом, но живом языке еврейского народа, и поет их Х.Н.Бялик. Это имя надо запомнить, ибо оно принадлежит истинному поэту... Бялик - певец-пророк для своего народа, а для нас, людей иной расы, иного быта, - он прежде всего замечательный художник слова..."

Корней Чуковский рецензирует стихи Бялика в "Ежегоднике", приложении к газете "Речь":

"Как не упомянуть, например, о значительной книге Вл.Жаботинского... где с видимым напряжением, с натугой, почти через силу даровитый публицист-журналист пытается передать своим твердым... стихом страстную библейскую поэзию нового пророка израильского".

Действительно, горячая любовь Бялика к своему народу превратила его в поэта-пророка, в поэта-борца. Он не только обличал врагов Израиля, но и боролся с рабской психологией евреев диаспоры, что сближало его с сионизмом. Своими набатными стихами он надеялся вызвать духовное возрождение народа.

Как сухая трава, как поверженный дуб,

Так погиб мой народ - истлевающий труп.

Прогремел для него Божий голос с высот -

И не внял, и не встал, и не дрогнул народ...

* * *

Раб уснул и отвык пробуждаться на клич,

Подымают его только палка да бич.

* * *

Даже в утро Борьбы, под раскатами труб,

Не проснется мертвец и не двинется труп...

Перевод Вл.Жаботинского.

"Фельетоны" Т.Герцля удостоились статьи в литературном приложении к популярнейшему русскому журналу "Нива":

"Знаменитый... вождь современного еврейского национального движения показал себя в этой книге с той стороны, с которой имя его менее известно. Если бы имя Герцля не было так тесно связано с сионизмом, одни фельетоны эти спасли бы его от забвения. Это не та беспардонная болтовня невежды обо всем, к которой нас приучила газетная пошлость наших дней и которая скомпрометировала самый литературный род фельетонов... Фельетон Герцля - тихая интимная беседа светского человека и вместе с тем мудреца. На всем лежит печать глубокого и истинно культурного ума, превосходной и не тяжелой образованности и доброй, ясной души... Трудно найти такого ласкового друга, такого понимающего и остроумного собеседника..."

Наверное, вы заметили, что во всех трех рекламируемых "Востоком" изданиях участвовал Вл.Жаботинский, будущий вождь ревизионистов, один из идеологов и лидеров сионистского движения.

Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880 - 1940) родился в Одессе, учился в гимназии, затем изучал право в Римском и Бернском университетах. В литературу вступил семнадцати лет, печатался сначала в русской либеральной прессе, а затем, примкнув к сионизму, в еврейских изданиях. Еврейская энциклопедия пишет о Жаботинском как об энергичном партийном деятеле, прекрасном ораторе и журналисте. Можно не разделять взглядов Жаботинского, но трудно отрицать масштабность его личности. Этому необыкновенно образованному и талантливому человеку все было по плечу: политика, журналистика, поэзия, проза, драматургия, история, военное дело...

* * *

Еврейских журналов под названием "Рассвет" было в России всего три. Один издавался в Одессе в 1860 году, другой выходил в Петербурге с 1879, а третий - с 1 января 1907 года. Редакция последнего помещалась сначала в доме №17 по Торговой улице, а в 1913 году переехала на Торговую, №11.

"Рассвет" заменил несколько журналов, издававшихся одной и той же редакцией с 1904 года и последовательно закрывавшихся царской цензурой: "Еврейская жизнь", "Хроника еврейской жизни", "Еврейский народ". В редколлегию входили М.Рыбкин, И.Сорин, А.Идельсон и другие публицисты сионистского направления. Их взгляды и отражал еженедельник "Рассвет", который боролся с ассимиляцией, обсуждал практические вопросы колонизации Палестины, полемизировал с Бундом

и другими несионистскими группами. Там печатались иногда и те, кто придерживался иных взглядов, например С.Дубнов. Появлялись и художественные произведения. Постоянными авторами "Рассвета" были Д.Пасманик и Вл.Жаботинский. Последний опубликовал здесь в 1909 году статью "Новая Турция и наши перспективы", в которой анализировал положение в Турции в связи с сионистскими устремлениями в Палестине.

В 1912 году еженедельник поместил финансовый отчет деятельности Палестинского комитета, находившегося в Одессе. Из него следует, что за три предыдущих года комитет собрал 231 тысячу рублей.

В одном 1910 году

в Одессе было собрано 16 тысяч рублей,

в Москве - 13,

в Варшаве - 9,

в Лодзи - 10

в Петербурге - 8,7 тысячи.

Деньги шли на организацию эмиграции, покупку земель в Эрец Исраэль и строительство новых поселений.

До "Рассвета" на Торговой, №17 была редакция старейшей в России ивритской газеты "Ха-мелиц" ("Заступник"). Она издавалась с 1861 года знаменитым еврейским журналистом и общественным деятелем А.Цедербаумом. "Ха-мелиц" была близка к самобытной народной интеллигенции и впоследствии даже склонялась к палестинофильству, но в ней принимали участие и такие писатели, как Л.Гордон, редактировавший газету с 1886 по 1889 год. В начале нашего столетия редактором "Ха-мелиц" стал Л.А.Рабинович, который сделал ее ежедневным изданием европейского типа.

* * *

Сам дом №17 принадлежал одному из сыновей барона Горация Гинцбурга, банкиру и промышленнику Александру Горациевичу.

От бывшей редакции "Рассвета" пройдем немного назад по Торговой улице и, свернув налево, остановимся у здания ленинградской хоральной синагоги на Лермонтовском проспекте, №2. Если даже несколько десятков тысяч евреев живут разбросанно в большом городе, они не составляют общину, которая не может существовать без целого ряда традиционных институтов: начальной школы (хедера), похоронного

общества (хебра кадиша), бассейна для ритуальных омовений (миквы) и, конечно, синагоги.

Можно считать, что история еврейской общины Петербурга началась в 1802 году, когда в пинкасе (летописи общины) появилась первая запись. Она гласила, что на Волковском кладбище у лютеран куплен участок для захоронения евреев. Вскоре, однако, записи в пинкасе обрываются. Община приходит в упадок.

Когда в царствование Александра II в Петербурге появилось достаточно богатых и интеллигентных евреев, они не захотели молиться с простым людом - отставными николаевскими солдатами и нижними чинами из расквартированных в столице воинских частей, у которых раввином был "рядовой из полицейской команды". Купцы открыли свою молельню у Львиного мостика и добились назначения раввином образованного человека. В 1868 году по инициативе Д.Фейнберга начались хлопоты о постройке хоральной синагоги, и через год "высочайшее разрешение" было получено.

Правление общины образовалось в апреле 1870 года - Через два года ее председателем был избран Евзель Гинцбург, Первым казенным раввином назначили доктора философии А.Неймана, которого впоследствии сменил выпускник Воложинской иешивы Абрам Дабкин, имевший также солидное светское образование и звание доктора философии. Духовным раввином в семидесятые годы был Ицхак Блазер, ученик рабби Исраэля Салантера. Среди видных деятелей петербургской общины следует кроме того упомянуть поэта И.Гордона, ученых А.Гаркави, И.Маркона. После Евзеля Гинцбурга председателями общины были последовательно Г.Е.Гинцбург, Д.Г.Гинцбург, М.А.Варшавский, Г.Е.Слиозберг; после революции: Я.Б.Эйгер, С.М.Лесман, А.М.Печерский. Раввинами служили М.Ольшвангер, З.Ланде, Д.Каценеленбоген, М.Айзенштадт, М.Глузкин, А.Лубанов (последние двое - после 1917 года).

Хотя власти в принципе разрешили строительство синагоги, непросто было найти для нее подходящее место. Во-первых, запрещалось открывать синагоги вблизи церквей, а во-вторых, возражали окрестные домовладельцы, опасавшиеся, что скопление евреев отпугнет квартиросъемщиков-христиан. Наконец в 1879 году удалось найти соответствующее место для здания и получить одобрение начальства.

В обсуждении проекта синагоги горячее участие принял знаменитый критик В.Стасов. Он предложил создать здание в мавританском стиле, полагая, что доля евреев в культуре арабского возрождения очень велика и поэтому архитектура Альгамбры должна быть ближе всего к еврейским национальным эстетическим представлениям, К совету прислушались, и проект, разработанный профессором Петербургской

академии художеств Шапошниковым, был решен в позднемавританском стиле. Будущее здание даже на бумаге выглядело таким роскошным, что правительство приказало переделать проект, опасаясь, что синагога будет конкурировать со стоящим неподалеку Никольским собором. Тем не менее, ленинградская синагога поражает своим величием. Главный зал рассчитан на 1200 мест.

Оформление интерьера выполнил Бахман - первый еврей, поступивший в академию. Ажурную решетку вокруг здания создал архитектор Я.Г.Гевирц, автор проекта молельни на Преображенском кладбище. Строительство, обошедшееся в 500 тысяч рублей золотом, затянулось до 1893 года. Большую часть этой суммы покрыл барон Гораций Гинцбург.

Члены общины, имевшие право избирать правление и ревизионную комиссию, должны были вносить ежегодно по 25 рублей. Однако таких никогда не набиралось более 500 человек. Еще примерно тысяча евреев платили меньшие суммы. Объяснялось это часто не величиной взноса, а индифферентностью многих обеспеченных петербургских евреев к религии. Действительно, в 1881 году среди них

только купцов первой гильдии насчитывалось 166 человек,

имеющих ученую степень - 82 человека,

высшее образование - 115 человек.

Впрочем, для бедной части петербургского еврейства и 25 рублей были большими деньгами.

* * *

Соседний с синагогой угловой дом (улица Декабристов, №42) тоже принадлежал общине. С 1893 по 1917 год здесь находилась общинная библиотека с прекрасным фондом иудаики. Там же размещались мужское и женское ремесленные училища Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ). В январе 1902 года здесь получали навыки ремесла 221 мальчик и 208 девочек. Плата за обучение была установлена от 7 до 18 рублей в год, но с бедных родителей (а таких было большинство) ничего не брали.

Мужское училище было девятиклассным, женское - восьмиклассным. Детям преподавали Танах, основы иудаизма (девочкам - сокращенный курс), иврит, русский язык, историю (еврейскую и русскую), арифметику, географию, природоведение, физику (только мальчикам), рисование, пение. Из ремесел мальчиков учили слесарному и столярному делу.

Девочки получали профессии белошвейки и дамской портнихи. Их обучали также делать искусственные цветы,

Педагоги и воспитатели обоих училищ устраивали ребятам экскурсии за город, ходили с ними в музеи, на фабрики и заводы, читали им вслух, отмечали вместе с ними праздники. Некоторые дети пели в синагогальном хоре. Ребята имели возможность пользоваться богатой библиотекой училища. Летом ослабленных детей вывозили на дачу, где питание и медицинская помощь были бесплатными. Хорошо оборудованные мастерские давали возможность получить серьезную профессиональную подготовку. В подвале даже установили учебную паровую машину. Некоторые выпускники сами впоследствии становились преподавателями в столичных или провинциальных еврейских училищах.

В начале 1902 года мужским училищем заведовал А.М.Конштам, женским - П.П.Антокольская. Среди педагогов мы встречаем имена известных в Петербурге деятелей культуры и просвещения:

З.А.Киссельгофа, А.Е.Маркова, писателя М.С.Ривесмана, журналиста М.Д.Рывкина, А.И.Конгиссера, И.Я.Красного. Иврит преподавали М.М.Чернин и будущий составитель первого советского иврит-русского словаря Ф.Л.Шапиро. Позднее, перед революцией мужским училищем руководил Моисей Соломонович Югенбург, бывший директор образцового начального еврейского училища в Витебске. Делами обоих училищ занималась попечительская комиссия, избиравшаяся на заседаниях комитета ОПЕ.

Огромное значение имело то обстоятельство, что выпускники училищ, успешно выдержавшие экзамены, могли жить вне черты оседлости. Однако получить право на поступление в училище ОПЕ в Петербурге иногородним было очень трудно. Почти за каждого ребенка община должна была подавать прошение министру внутренних дел, хотя не существовало закона, запрещавшего евреям учиться ремеслу вне черты оседлости. Это положение поддерживало правительство, опасавшееся проникновения в столицу революционных элементов под видом попечителей еврейских детей.

После революции в этом доме вместо училища ОПЕ была открыта 5-я национальная еврейская школа (заведующий Т.Я.Цейтлин), которую в 1931 году перевели по адресу: переулок Матвеева, № 1а, и назвали 43-й национальной средней еврейской школой (она просуществовала до 1933 года).

* * *

Теперь нам придется вернуться к Мойке. На фоне дореволюционной застройки выделяется группа домов на Крюковом канале, явно возведенных в последние шестьдесят лет. Когда-то здесь стояла Петербургская следственная тюрьма - Литовский замок. Двухэтажный тюремный комплекс, построенный в царствование Екатерины II, составлял архитектурный ансамбль с расположенными напротив сооружениями Голландской гавани. Подобно Бастилии, Литовский замок был разрушен народом после Февральской революции. Та же участь постигла и здание окружного суда на Литейном, № 4. Советская власть восстановила традицию и построила на том месте, где был царский суд, "Большой дом" - управления КГБ и МВД Ленинграда.

Все это пришлось к слову потому, что в 1879 году в Литовском замке отбывал шестинедельное заключение уже упоминавшийся нами известный еврейский поэт и просветитель, староста петербургской общины и секретарь ОПЕ Лев (Иехуда Лейб) Гордон. Он угодил в тюрьму по ложному доносу и отделался сравнительно легко - одним годом ссылки в Олонецкую губернию. Благодаря хлопотам родных и друзей Гордон вскоре вернулся в Петербург.

Интересны воспоминания поэта об этой отсидке. Вместе с сыном его поместили в камеру, где был еще один заключенный - студент. Времена были относительно либеральными, и это сказывалось на тюремных порядках. Днем, пока камеру убирали, заключенные могли выходить во двор, гулять и общаться друг с другом. После утреннего чая надзиратель обходил камеры и принимал заказы на покупку продуктов в городе. К ужину еду доставляли заключенным. Гордон вспоминал, как уже на третий день пребывания в тюрьме ел апельсины, переданные ему братом. Обед И.Л.Гордону приносили из соседнего ресторана, так как он отказывался есть котлеты, приготовленные тюремным поваром. Конечно, такие "излишества" могли себе позволить лишь те, у кого были средства. К счастью, Гордон захватил с собой во время ареста все наличные деньги и драгоценности, что обеспечило ему относительные удобства в тюрьме и по дороге в ссылку.

* * *

По нечетной стороне улицы Декабристов (бывшей Офицерской) дойдем до сквера, в котором сегодня расположен спортивный комплекс Института физической культуры имени Лесгафта. На этом месте в 1908 году находился театр знаменитой русской актрисы Веры Комиссаржевской. С 30 марта до конца апреля 1908 года в помещении театра проходили гастроли популярной тогда еврейской труппы А.М.Каминского из Варшавы.

Надо сказать, что еврейский театр был слабо развит в царской России прежде всего потому, что с 1883 года играть спектакли на идише

запрещалось. Но как только запрет ослабевал, появлялись талантливые театральные коллективы. Труппа А.М.Каминского была очень популярна в Варшаве и заслуженно вошла в историю еврейского театра. Жена Каминского Эстер-Рахель и дочь Ида стали первоклассными актрисами, В Петербурге приезд театра Каминского совпал с гастролями знаменитого МХАТа. Станиславский, Качалов, Москвин и другие русские мастера сцены посетили один из спектаклей Каминского. После представления они прошли за кулисы и похвалили актеров за прекрасную игру.

* * *

В доме №50 по улице Декабристов в начале \ века размещались редакция журнала "Ха-кедем" ("Восток") и Общество любителей древнееврейского языка. Мы уже говорили, какой большой вклад внесла Каскада в развитие еврейской истории и иврита. Бывший до этого почти исключительно языком богослужения, иврит стал литературным и даже разговорным языком маскилим. За полвека светская литература на иврите прошла путь от подражательного романтизма Аврахама Мапу до блестящих стихов Х.Н.Бялика. Появились ивритские газеты и журналы, а главное - на своем древнем языке евреи заговорили в повседневной жизни.

Общество любителей древнееврейского языка, ставшее самостоятельной организацией в 1907 году (до этого оно существовало как комиссия при ОПЕ), способствовало пропаганде иврита и развитию ивритской литературы. Председателем общества был Д.Г.Гинцбург, вице-председателем Л.И.Каценельсон. В нем активно участвовали И.Ю.Маркон, А.Д.Идельсон, И.И.Марголин. В своей практической деятельности общество заботилось об обеспечении надлежащего уровня преподавания иврита в хедерах, иешивах и частных учебных заведениях. Оно издавало произведения И.Гордона, П.Смоленскина, И.Эртера и других ивритских писателей, субсидировало педагогический журнал в Палестине, помогало еврейским библиотекам. Все входящие в общество обязывались говорить между собой только на иврите. В 1910 году общество имело шестьдесят отделений в разных городах, например Варшаве, Лодзи, Екатеринославе, Белостоке.

Хотя "Ха-кедем" не являлся органом общества, они были связаны друг с другом, ибо задачи и цели этой организации и журнала во многом совпадали. Некоторые члены общества участвовали в журнале. "Ха-кедем" начал выходить под редакцией И.Маркона и А.Зарзовского с 1907 года ежеквартально. В нем печатались статьи по семитологии и древней еврейской истории не только на иврите, но и на европейских языках.

Один из редакторов ивритского журнала и лидер Общества любителей древнееврейского языка надворный советник И.Ю.Маркон жил здесь же,

в доме № 50, занимая со своей семьей пятикомнатную квартиру на втором этаже. Исаак Юльевич Маркон родился в Рыбинске в 1875 году. Окончил восточный факультет Петербургского университета и там же защитил кандидатскую диссертацию. Женившись на дочери Выдрина, известного талмудиста и родственника банкиров Поляковых, И.Маркон упрочил свое финансовое положение и авторитет в Петербургской общине. Его назначили старостой синагоги.

Однако призванием Маркона, без сомнения, была наука - востоковедение и гебраистика. Он активно участвует во всех начинаниях, связанных с развитием этих наук в России: редактирует "Хакедем", руководит Обществом любителей древнееврейского языка, преподает на Курсах востоковедения Д.Гинцбурга и изучает еврейские рукописи в Публичной библиотеке. Маркон был феноменально эрудирован в еврейской истории и гебраистике. Может быть, именно поэтому его собственные научные достижения остались довольно скромными. Говорят, он так много знал и помнил, что если начинал писать, то писал цитатами. В двадцатых годах Маркона пригласили преподавать еврейскую историю в Минск. В 1926 году ему удалось уехать в Германию. В конце жизни он поселился в Англии, в Рэмсгейте, родном городе Моше (Мозеса) Монтефиоре. Маркон работал там в колледже, носящем имя знаменитого филантропа.

* * *

Если мы пройдем дальше по улице Декабристов до ее пересечения с проспектом Маклина, то увидим на углу сравнительно недавно выстроенное здание. До революции на его месте стоял дом №60, где открылось Еврейское колонизационное общество (ЕКО). Восьмидесятые годы прошлого века были переломными для российского еврейства. В начале царствования Александра III разразились жестокие погромы. Политика преследования евреев все усиливалась. Многие не видели перспектив для нормальной человеческой жизни в стране, где родились. Оставалось эмигрировать. Некоторые молодые люди, воодушевленные сионистскими идеями, направлялись в Палестину. Большая же часть беженцев устремилась в Америку, широко открывшую двери всем угнетенным. Только в одном 1892 году из империи в США уехали 76 тысяч еврейских эмигрантов.

Надо сказать, что в то время эмиграция для многих была делом непростым. Добраться до Америки для местечкового еврея было так же трудно, как до луны. Мешали крайняя бедность, огромные семьи, отсутствие профессиональной подготовки и образования, вековая привычка бояться всего на свете. Да и никто на Западе не ждал евреев с распростертыми объятиями. Однако политика русского правительства явно поощряла эмиграцию в качестве пути решения еврейского вопроса.

В 1888 году на отчете подольского губернатора, в котором указывалось, что

"выселение... еврейского пролетариата было бы весьма желательно",

Александр III сделал пометку:

"И даже очень полезно".

В 1891 году в Лондоне было создано Еврейское колонизационное общество. ЕКО было детищем немецкого миллиардера и еврейского филантропа барона Мориса де Гирша, разбогатевшего на строительстве железных дорог в Турции. Щедрый благотворитель, Гирш стал особенно чувствителен к страданиям евреев после смерти единственного сына. Изучив положение восточноевропейских евреев, он понял, что, во всяком случае, в России, у них нет будущего. Эксперты Гирша указали на Аргентину, как на страну, где массы евреев могли бы жить в безопасности, занимаясь производительным трудом, в особенности сельским хозяйством. ЕКО выпустило 20 тысяч акций на два миллиона фунтов стерлингов. 19990 акций приобрел Гирш.

В Петербурге отделение общества открылось в 1893 году. По просьбе Гирша его возглавил барон Гораций Гинцбург, сам не сочувствовавший эмиграции, но не считавший возможным остаться в стороне от этого массового движения. Кабинет министров поддержал инициативу ЕКО, предполагавшего за двадцать пять лет вывезти из России три с четвертью миллиона евреев. Переселенцев освобождали от воинской повинности и бесплатно выдавали им выездные документы. Для них установили льготный тариф на железных дорогах, а морской министр даже предложил платить несколько рублей каждому еврею, покидающему Россию,

Слухи о благодеяниях барона Гирша срывали с места десятки тысяч людей. Но хотя денег на переселение тратилось немало, эффект от деятельности общества оказался значительно меньше ожидаемого. В первые три года после начала эмиграции в Аргентину прибыло только шесть тысяч человек, половина из них осела в Буэнос-Айресе. Что касается сельскохозяйственных поселений, то положение их было весьма тяжелым. Корреспондент "Восхода", побывавший в Аргентине в 1894 году, писал, что посевы пострадали от засухи и набегов саранчи. Администрация ЕКО ничего не понимает в сельском хозяйстве. Колонисты не берегут материальные ценности, так как им не ясны финансово-правовые отношения с обществом, и они думают, что получили оборудование даром. Очень трудно бывшим торговцам, посредникам, коммивояжерам привыкать к физическому труду. Журналист так описывал жизнь "американских пионеров":

"...Отец - бывший купец - пашет, бывший гимназист или даже получивший аттестат зрелости сын пасет скот, дочь, играющая на рояле, доит корову, мать, полусветская дама, варит обед; все оборваны, живут в ранчо, т.е. в избе с глинобитными стенами, соломенной крышей без пола и потолка".

Все же, несмотря на трудности, ЕКО существенно облегчило муки эмиграции для десятков тысяч людей.

Только в 1906 году услугами общества воспользовались 19 тысяч эмигрантов,

в 1909 году - 33 тысячи.

Впоследствии ЕКО расширило сферу своей деятельности, стало помогать выезду во все страны (в том числе в Америку и Палестину), занялось профессиональной подготовкой и образованием евреев и многим другим.

* * *

В двухэтажном кирпичном доме по набережной канала Грибоедова, № 140 находились еврейские благотворительные учреждения: Общество пособия бедным евреям (ОПБ), дешевая столовая и миква (бассейн для ритуальных омовений). Известно, что помощь бедным (гмилут хасадим) является у евреев не сентиментальным актом, а требованием религиозного закона. Поэтому по-другому благотворительность называется на иврите цдака - "справедливость". Каждому еврею заповедано помогать неимущим, посещать больных, присутствовать на похоронах, утешать скорбящих по усопшему, способствовать выкупу пленных и выдаче замуж бедных девушек. Мудрецы Талмуда постоянно указывают на то, что давать цдаку надо с открытой душой и, по возможности, незаметно, чтобы не оскорбить самолюбие нуждающегося. Вообще, цдака считается у евреев столь же полезной для дающего, сколь для берущего. Римский вельможа однажды спросил у раби Акивы:

"Если ваш Бог любит бедных, почему Он Сам не обеспечивает их?"

Мудрец ответил:

"Чтобы дать возможность людям исполнить заповедь цдаки".

ОПБ было образовано в апреле 1907 года. Раньше благотворительность находилась в ведении разных традиционных общинных организаций:

"Биккур хойлим" ("Посещение больных") и "Цдоко-гдейло" ("Милость велика"). Оба общества, расходовавшие около шести тысяч рублей в год, были подотчетны правлению синагоги. Кроме того,

функционировала специальная комиссия "Моэс хитим" ("Копейки на пшеницу"), доставлявшая бедным мацу на Пейсах, и дешевая кошерная столовая. ОПБ было призвано объединить средства благотворителей и улучшить помощь всем нуждающимся евреям Петербурга. Какое большое значение евреи придавали благотворительности, видно по тому, что в правление ОПБ вошли видные деятели Петербургской общины: Б.А.Каменка (казначей), И.С.Соловейчик, В.З.Фридлянский, А.М.Лесман. Председателем был избран барон Г.Е.Гинцбург.

Масштабы деятельности общества выглядят весьма внушительно. К концу 1907 года ОПБ выдавало 213 пенсии старикам, больным и калекам на общую сумму 916 рублей в месяц 981 человек получил временные пособия на сумму 5309 рублей. Заболевших (особенно иногородних) общество снабжало кошерными продуктами. По специальным рецептам общества двадцать еврейских аптекарей города отпускали бедным лекарства бесплатно или за половину стоимости. ОПБ помогало вернуться домой иногородним, оказавшимся в Петербурге без средств. Заключенные-евреи получали по три рубля к каждому еврейскому празднику.

Еврейская народная дешевая столовая существовала с 1879 года. К моменту перехода в ведение ОПБ в ней давно уже наладили порядок дамы-попечительницы: баронесса М.Ю.Гинцбург, В.А.Гурьян, А.А.Соповейчик и А.Р.Нисселович. Обеды были субсидированными: десятикопеечный (суп с мясом, каша и фунт хлеба) отпускался за шесть копеек; обед ценой двадцать копеек (суп, жареная говядина, хлеб) был дешевле на пятак; тридцатикопеечный "улучшенный" обед стоил двадцать пять копеек. По пятницам и субботам бесплатные обеды получали солдаты-евреи, а в праздники - все желающие. В 1907 году столовая отпустила 33 тысячи дешевых и 23 тысячи бесплатных обедов на 8768 рублей. В том же году список жертвователей ОПБ насчитывал 630 человек.

В начале двадцатого века количество еврейских благотворительных учреждений в России достигало нескольких тысяч. Они были очень активны и существенно облегчали неимущим слоям тяготы войн, революций, эмиграции. Известно, например, что солдатам-евреям, участникам русско-японской войны, высылались из Петербурга кошерная пища и маца на Пейсах. По существу, все еврейское население России разделялось на две группы: благотворителей и призреваемых. Согласно Еврейской энциклопедии, в 1909 году в Одессе из 150 тысяч евреев бедняков насчитывалось 60 тысяч, в Харькове - 4 тысячи (из 11-тысячного еврейского населения), в Могилеве - 43 процента от всех живущих там евреев.

* * *

Заканчивая прогулку по Коломне, подойдем к дому № 123 по Садовой улице. Здесь в конце прошлого века жил выдающийся юрист (тогда еще помощник присяжного поверенного), общественный деятель и публицист Оскар Осипович (Израиль Иосифович) Грузенберг. Он родился в 1866 году в городе Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Когда в 1889 году юноша окончил юридический факультет Киевского университета, ему предложили остаться на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому экзамену. Но Грузенберг отказался, так как этот шаг требовал перемены вероисповедания - поступка, по его мнению, унижительного, Грузенберг переехал в Петербург и в скором времени выделился как талантливый защитник и знаток уголовного права. Однако из-за еврейского происхождения он до 1905 года не мог получить звание присяжного поверенного.

Наряду с уголовными делами Грузенберг вел политические процессы, защищая видных писателей и общественных деятелей; М.Горького, В.Короленко, Н.Анненского, Пошехонова, П.Милюкова, Петрожицкого, К.Чуковского, Л.Троцкого. Времена были такие, что судили часто, и работы у хороших юристов в России было сколько угодно.

В девяностых годах и позже Грузенберг участвовал в процессах по рабочим и аграрным конфликтам. Он вел дело Совета рабочих депутатов Петербурга, защищал депутатов Первой Государственной Думы, подписавших Выборгское воззвание с призывом отказаться от уплаты налогов и службы в армии в знак протеста против роспуска думы.

К нему обращалась армянская интеллигенция по наиболее острым национальным делам. Вопреки мнению общины, что адвокатам-евреям не стоит брать на себя защиту соплеменников, Оскар Осипович, начиная с дела о Минском погроме, принимал участие во всех крупных еврейских процессах (дело о Кишиневском погроме, дело Дашевского, дело Блондеса).

Наибольшую известность принесло Грузенбергу знаменитое дело Бейлиса, в котором он возглавил защиту. Суд над Менделем Бейлисом вошел в историю как образец фабрикации "кровавого навета". О ритуальных убийствах так много написано в антисемитской литературе, что хочется спросить себя: может быть, и вправду где-нибудь в еврейских источниках сказано нечто о крови христианских младенцев, которую добавляют в мацу? Ведь этому верили Лютер, Николай I, Державин и другие знаменитые личности. В одной только России прогремели десятки больших и малых дел о ритуальных убийствах: Велижское. Саратовское, Кутаисское... Самым известным, однако, стал процесс Бейлиса.

20 марта 1911 года на окраине Киева было найдено тело мертвого мальчика Андрея Ющинского. Все указывало на то, что ребенок был убит

бандой воров во главе с известной полицией уголовницей Верой Чеберяк. Но правительство решило воспользоваться этим случаем, чтобы дать выход народному недовольству и отвратить революционные волнения. Киевскому прокурору приказали организовать еврейский процесс. Одновременно поступило тайное распоряжение найти истинных убийц, что и было сделано, но результаты этого расследования хранились полицией под замком вплоть до 1917 года.

Дело закрутилось по известному со средних веков сценарию. Два подкупленных профессора медицины показали, что ребенка обескровили, когда он еще жил. Затем арестовали еврея, управляющего кирпичной фабрикой, Менделя Бейлиса и обвинили его в ритуальном убийстве. Все доступные методы были использованы, чтобы добиться от него признания. Бейлис отказался оговорить себя, и тогда его соседи по камере показали следователю, что обвиняемый якобы признался им. Не побрезговали даже показаниями самой Веры Чеберяк. Процесс Бейлиса был настолько нагло сфабрикован, что вызвал бурю протестов во всем мире. Даже дело Дрейфуса опиралось на более правдоподобные "улики".

К середине 1912 года беспомощность следствия и дикость обвинения стали очевидны любому нормальному человеку. Многие общественные деятели открыто выражали свое возмущение. Либеральный журналист Бразуль-Брушковский начал собственное расследование. Он нашел, что Бейлис невиновен, и указал на истинных убийц. Когда журналист опубликовал результаты своего частного расследования, ведущие адвокаты Киева и Петербурга публично заявили, что не верят официальной версии. Некоторые из них предложили бесплатно защищать Бейлиса. В 1913 году Мендель Бейлис был оправдан.

Показательно, что правительство вело себя так, будто вина Бейлиса была доказана. После суда Николай II сам распределял ордена, титулы и подарки тем, кто участвовал в этом позорном спектакле. Таким образом, кровавый навет стал одной из главных составляющих российской внутренней политики в двадцатом веке.

Что касается Грузенберга, то его популярность после процесса Бейлиса очень выросла. После Февральской революции он был назначен первоприсутствующим в одном из департаментов Сената (весьма почетная должность для юриста).

Не приняв Октября, он эмигрировал: жил сначала в Германии, потом в Латвии, позднее - во Франции, где и умер в 1940 году. По завещанию Грузенберга его прах был в 1950 году перевезен в Израиль.

Классической для еврейской истории темой "кровавого навета" мы и завершим нашу первую экскурсию.

Глава вторая. АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

Раба бар Земина говорил:

"Если прежние наши (мудрецы. - М.Б.)

ангелам подобны были,

мы простым смертным подобны;

если же они простыми смертными были,

то мы недалеко от ослов ушли,

и не от таких, каким был осел раби Ханины бен Досы

или раби Пинхаса бен Яира, а от самых обыкновенных".

Агада

Мы направляемся в центр города, и поэтому речь пойдет о довольно состоятельных петербургских евреях, ибо жилье в Адмиралтейской части всегда стоило дорого. В девяностых годах прошлого века цена на квартиру превышала сто рублей в год. Кроме того, Адмиралтейская часть - один из старейших районов бывшей столицы, и значит временной диапазон событий, которые нам предстоит вспомнить, расширяется, по крайней мере, до двух столетий.

Начнем экскурсию у дома № 24 по набережной Мойки. Здание не раз перестраивалось, поэтому ординарный фасад ничего не говорит о его былом предназначении. Только по выходящему во двор подъезду, сохранившему остатки украшений, можно догадаться, что некогда здесь было не обычное жилое помещение. И действительно, с двадцатых годов прошлого века до времен нэпа здесь располагался один из самых фешенебельных ресторанов Петербурга "Донон". О том, почему некошерный ресторан сыграл важную роль в судьбе российских евреев, повествует известный в свое время журналист газеты "Речь" Лев Клячко в очерке "Таинственный кабинет".

"Донон" посещала в основном аристократическая публика. В уютном дворике ресторана можно было увидеть министров, великих князей. Вина, коньяки подавались только дорогих сортов. Кухня была образцовой, а официанты вышколены, как в "Максиме". Ко всем посетителям обращались по имени-отчеству. На втором этаже был специальный кабинет, предназначенный для особо важных гостей. Его

стены видели Г.Распутина, Е.Азефа, Г.Гапона. Когда в 1906 году казалось, что власть перейдет к кадетам, Д.Ф.Трепов тайно встречался здесь с лидерами этой партии.

Еще в начале восьмидесятых годов привыкшие ничему не удивляться официанты бывали свидетелями таких загадочных сцен: в кабинете за столом с остатками роскошного ужина дремал полный генерал в расстегнутом мундире. По коридору прогуливались трое мужчин. Двое из них, очевидно, были евреями:

"Один высокий, дородный, осанистый, с орлиным носом; другой - небольшого роста, с седенькой бородкой, необычайно подвижным лицом, умными, не по годам блестящими глазами".

Третий - высокий худой бесцветный мужчина - имел явно чиновничью внешность.

Неожиданно маленький отделился от группы и на цыпочках осторожно заходил в кабинет. Подойдя к генералу, он одной рукой тихонько приподнимал полу его мундира, а другой лез в собственный карман. Остальные "заговорщики" подсматривали в приоткрытую дверь. Можно было ожидать, что сейчас его превосходительство зарежут или подсыпят ему яду в вино, или, по крайней мере, что-нибудь украдут. Ничего такого не случилось. Наоборот, маленький седой еврей вынимал из своего кармана конверт и опускал его во внутренний карман генеральского мундира. Затем он так же тихо покидал кабинет и присоединялся к остальной компании,

Через несколько минут все трое заглядывали в комнату. Генерал продолжал спать. Тогда описанная процедура повторялась, и еще один конверт исчезал во вместительном кармане спящего толстяка. И так иногда по несколько раз, пока, наконец, важная особа не просыпалась и не звонила в колокольчик. Вот тут-то троица "заговорщиков" намеренно шумно входила в кабинет, приветствуя генерала. Тот улыбался им:

"Да, соснул малость. Пора и по домам. Весьма доволен. Все, что можно, будет сделано".

После этого он удалялся с худым подобострастным чиновником. Все как будто оставались довольны.

Что же это было? Антиправительственный заговор? Продажа тайн генерального штаба иностранной державе? Неудавшееся покушение? Кто эти люди - участники таинственных событий? Спящий генерал - министр внутренних дел в правительстве Александра III граф Н.П.Игнатъев. Чиновник - его секретарь. Высокий дородный мужчина - знаменитый благотворитель, председатель правления еврейской

общины Петербурга Гораций Евзелевич Гинцбург. Маленький, седенький - видный еврейский общественный деятель, один из организаторов строительства петербургской синагоги и секретарь Гинцбурга Давид Фаддеевич Файнберг. Весь спектакль придуман самим Игнатьевым для получения взяток от евреев. В конвертах были всего-навсего кредитные билеты. Если граф находил сумму недостаточной, то "сон" продолжался. Окончательно "просыпался" министр тогда, когда "взнос" удовлетворял его вполне. А ублажить Игнатьева нужно было обязательно, так как он мог предотвратить новые репрессии против евреев (им же самим организованные).

Например, Игнатьев был инициатором нового антиеврейского законодательства, вошедшего в историю как "Майские правила" (приняты правительством 3 мая 1882 года). Предыстория "Майских правил" такова. В 1881 году после убийства императора Александра II по черте оседлости прокатились погромы. Многие считали, что они инспирированы правительством, опасавшимся вспышки революционного движения. Погромов было так много, что Александр III предложил Игнатьеву заняться расследованием их причин и выработать предложения по предупреждению подобного в будущем. Граф подготовил доклад, из которого следовало, что в погромах виноваты... сами евреи, которые якобы беспощадно эксплуатируют крестьян. Поэтому предлагалось выселить евреев из деревень (идея, заметим, не новая).

Министр не жаловал евреев, но очень любил деньги, которых ему всегда не хватало. Поэтому прежде чем нести доклад царю, Игнатьев показал его Гинцбургу и намекнул, что за два миллиона рублей (по другим источникам - за миллион) он может быть совершенно изменен. Барон не сумел достать неслыханную сумму, но все же за меньшую взятку (около ста тысяч рублей) закон был несколько смягчен.

С момента введения "Майских правил" евреям было запрещено селиться в деревнях черты оседлости и приобретать там недвижимость. Им не разрешалось торговать спиртным. Сельским сходам предоставлялось право выгнать из деревни любого еврея, жившего там до принятия нового закона.

"Майские правила" были столь жестоки и грозили таким разорением для евреев, что царь даже не решился поставить их проект на утверждение Государственным советом, как все другие законы. Эти репрессивные меры были приняты под видом "временных", чтобы избежать обсуждения в Совете, который, кстати, состоял отнюдь не из либералов. Но, как известно, нет ничего постоянного временных мер. "Майские правила" просуществовали вплоть до падения самодержавия в 1917 году.

* * *

Пройдем теперь по набережной Мойки до Невского проспекта. Здесь, на Народном (бывшем Полицейском) мосту 4 июня 1903 года произошло событие, о котором заговорил весь Петербург. Оно вошло в историю как "дело Дашевского". Но сначала несколько слов о Кишиневском погроме.

Все, конечно, хоть сколько-нибудь знают об этом жутком событии. Одним из главных его вдохновителей был П. Крушеван, издатель единственной в то время в Молдавии газеты "Бессарабец", печатавшей в основном антисемитские подстрекательские статьи. В одном из рассказов Шолом-Алейхема говорится, что евреи всегда покупали "Бессарабца", чтобы узнавать, какие новые беды их ожидают. В. Плевел - тогдашний министр внутренних дел - не только отказывался разрешить какое-либо другое издание в губернии, но и щедро субсидировал именно этот черносотенный листок.

Можно утверждать, что, когда весной 1903 года крестьяне нашли на окраине изувеченное тело русского ребенка, жители города были уже морально подготовлены к погрому. И хотя дядя мальчика открыто сознался в преступлении, "Бессарабец" обвинил евреев в ритуальном убийстве. На русскую Пасху эмиссары правительства приехали в Кишинев для секретных переговоров с Крушеваном и местными властями. Вскоре появились листовки, отпечатанные в типографии Крушевана и призывавшие "кровью отплатить евреям". В местах публичных сборищ открыто заговорили о погроме.

В воскресенье 6 апреля 1903 года толпа молодых хулиганов, очевидно по сигналу, начала громить еврейские дома и лавки. Полиция не вмешивалась. К вечеру от грабежей перешли к убийствам. В течение суток, пока полицейские были в казармах, бандиты безнаказанно убивали евреев. Наконец, по получении телеграммы от Плевела, в 5 часов вечера 7 апреля, солдаты вышли на улицы и рассеяли толпу. К этому времени полторы тысячи лавок и домов были разграблены, 45 человек убиты, 86 ранены и искалечены. Свидетели видели трупы, разорванные надвое, с выколотыми глазами и отрезанными языками, тела детей с разбитыми черепами, кастрированных мужчин, женщин с отрезанными грудями и вспоротыми животами. Об ужасах этой резни написал в своей гневной поэме "Сказание о погроме" Х.Н. Бялик.

Весть о кровавом побоище в Кишиневе быстро распространилась по России и всему миру. Многие представители русской интеллигенции резко выразили свое возмущение. Массовые митинги протеста прошли в столицах стран Европы и Америки. Гнев народов был столь силен, что русское правительство вынуждено было предпринять несколько робких шагов, чтобы успокоить общественное мнение. Сместили генерал-

губернатора Бессарабии, нескольких бандитов - участников погрома - отдали под суд, но приговоры были очень мягкими,

Поэтому нет ничего удивительного в том, что молодой сионист - студент Киевского политехнического института Пинхас Дашевский (1879 - 1934) решил постоять за честь своего народа и сам покарать того, кого справедливо считал главным виновником кровавого преступления, - П.Крушевана. К тому времени черносотенец переехал в Петербург, где жил на Большой Морской, а обедать ходил в ресторан "Медведь" на Большой Конюшенной улице (там сейчас Театр эстрады). Именно здесь, на Полицейском мосту, юноша напал на издателя "Бессарабца" и ударил его ножом в шею. Опыта у Дашевского, естественно, не было, и покушение не удалось: нож попал в крахмальный воротничок, сильно ослабивший силу удара, и лишь оцарапал кожу. Рана оказалась незначительной. Крушеван даже отказался от первой помощи, когда его отвели в ближайшую аптеку и он узнал, что аптекарь - еврей. Вероятно, опасался, что здесь его дорежут или отравят.

Дашевского арестовали. Окружной суд заседал при закрытых дверях. Представитель Крушевана А.Шмаков произнес антисемитскую речь, обвиняя евреев в ритуальных убийствах. Суд признал Дашевского виновным в покушении на убийство с заранее обдуманном намерением, но заслуживающим снисхождения. Приговор: пять лет арестантских рот и лишение всех прав и имущества. Кассации в Сенат адвокатов Миронова и уже знакомого нам О.Грузенберга положительного результата не дали. Только в 1906 году после настойчивых ходатайств Грузенберга, по "высочайшему повелению" Пинхас Дашевский был досрочно освобожден без восстановления, в правах. Так вершилось правосудие для евреев.

Ушел от возмездия Крушеван, но не избег его В.Плеве, санкционировавший Кишиневский погром. Он погиб от руки эсера-террориста Е.Сазонова в 1904 году. Что касается П.Дашевского, то он уже в советское время был арестован как сионист и умер в 1934 году в лагере.

* * *

В доме №15 по Невскому проспекту сейчас находится кинотеатр "Баррикада". Здание построено в 1768 - 1771 годах для генерал-полицмейстера Н.И.Чичерина архитектором Ж.Б.Валлен-Деламотом в стиле раннего классицизма. Здесь жил издатель "Сына отечества" И.Греч, обедал А.Пушкин (в ресторане "Талон"), бывали Н.Чернышевский, Н.Некрасов, Д.Писарев, Н.Помяловский. В конце девятнадцатого века в здании помещалось Благородное собрание, где на литературных вечерах выступали И.Тургенев, Ф.Достоевский. Здесь же находилась квартира купца Елисеева.

А в первой половине восемнадцатого века на этом месте стоял Новый гостиный двор (старый, построенный еще в первые годы основания Петербурга, находился на Троицкой площади на Петроградской стороне). Здесь, на Адмиралтейском острове, близ Нового гостиного двора 15 мая 1738 года произошло событие, напоминающее мрачные времена средневековья. Петербуржцы стали свидетелями аутодафе: сожжению были преданы откупщик Борох Лейбов из Смоленской губернии и отставной капитан-поручик флота Александр Возницын.

Двести пятьдесят лет назад, во времена Анны Иоанновны, когда еще не была разделена Польша, евреев в России почти не было. Смоленский откупщик Борох Лейбов частенько ездил по торговым делам в Москву. Там он познакомился с Возницыным и близко с ним сошелся. Дружья неоднократно вместе путешествовали, а затем капитан-поручик вдруг поехал с Лейбовым в Польшу, где тайно перешел в иудаизм. Донесла на Возницына жена. Она заметила, что муж молится, повернувшись лицом к стене, а не к образам, и не все ест за общим столом. Однажды он вдруг зашел в домашнюю часовню и повыбрасывал все иконы в реку.

К доносу отнеслись очень серьезно. В памяти русских государственных деятелей были живы и новгородская "жидовская ересь" шестнадцатого века, когда к иудаизму склонялись даже члены царской семьи, и различные секты, близкие к еврейству. Лейбова и Возницына арестовали и доставили в Петербург. По личному распоряжению Анны Иоанновны следствие провели со всей строгостью. Возницына пытали. Допросили крестьян в его имении, кучеров, владельцев постоялых дворов, где останавливались "преступники". В результате Возницын был приговорен к сожжению за переход в "жидовскую веру", а Лейбов - за его соращение. Имение Возницына перешло к его жене в качестве платы за донос. Народ согнали на казнь. Возницын подбадривал упавшего духом брата по вере. В столице Российской империи Санкт-Петербурге стояло просвещенное восемнадцатое столетие.

* * *

Квартал между Невским проспектом и Кирпичным переулком застроен сравнительно новыми домами. А в восемнадцатом веке здесь стоял деревянный дворец цесаревны Елизаветы, воздвигнутый, в свою очередь, на месте дворца вице-канцлера (министра иностранных дел) Петра I Петра Павловича Шафирова - с него фактически начинается история евреев Санкт-Петербурга.

Вот что написано об этой семье в "Энциклопедическом словаре" Брокгауза и Ефрона:

"Шафировы - угасший баронский род, происходящий от крестившегося в 1654 г., с именем Павла, еврея Шафира. Сын его, Павел Павлович, был

переводчиком посольского приказа, а внук Петр Павлович (см.) - известный государственный деятель в первой четверти XVIII в., которому в 1710 г. было пожаловано Петром Великим баронское достоинство, снятое им же в 1723 г. и возвращенное Екатериной I в 1726 г. Внуки Петра Павловича умерли, не оставив потомства".

В.О.Ключевский в "Курсе русской истории" пишет, что барон Шафиров был сыном пленного еврея, крестившегося и служившего при дворе боярина Хитрова, а потом бывшего сидельцем в лавке московского купца. Здесь видно противоречие с Брокгаузом и Ефроном. Вероятно, Ключевский путает сына с внуком. Любопытно, что еврейское происхождение барона было известно всем придворным и, конечно, их возмущало.

Не менее раздражала невежественных дворян петровского времени и образованность вице-канцлера. У того же Ключевского мы встречаем такую оценку: "Люди образованные и заслуженные, как Брюс, Шафиров, Остерман, не были расположены порывать связей своего нового отечества с западноевропейским миром, а своим образованием и заслугами кололи глаза невежественному и дармоедному большинству русской знати".

Хотя первый в русской истории баронский род Шафировых угас из-за отсутствия наследников по мужской линии, известно множество знаменитых потомков пятерых дочерей вице-канцлера.

Среди них стоит упомянуть хотя бы друга А.Пушкина П.Вяземского, председателя Совета министров и министра финансов при Николае II С.Витте, писателя А.Толстого, князя Ф.Юсупова - убийцу Распутина.

* * *

На углу Невского проспекта и улицы Гоголя (бывшей Малой Морской) стоит внушительный дом из финского гранита, напоминающий итальянское палаццо (сейчас здесь агентство "Аэрофлота"). Здание построено в 1911 - 1912 годах архитектором М. М.Перетятковичем для банкирского дома "Гуне Нусен Вавельберг". До этого банк располагался рядом с Казанским собором в доме №25 по Невскому проспекту, там, где теперь ресторан "Кавказский".

Основателем фирмы был Ипполит Андреевич (Гуне Нусен) Вавельберг (1843 - 1901) - один из богатейших польских банкиров. Его карьера, как и возвышение многих других еврейских финансистов, тесно связана с либерализацией внутренней политики во времена Александра II и вовлечением еврейских капиталов в экономическое развитие России. Вавельберг вырос в Варшаве, там же окончил гимназию, учился в Ново-Александрийском политехническом институте, а затем в Коммерческой

академии. В 1869 году он переехал в Петербург, где основал собственный банкирский дом. В результате успешных финансовых операций Вавельберг в короткое время стал обладателем крупного состояния.

Банкир жил в эпоху, когда большая часть еврейской интеллигенции и представителей деловых кругов видели только один путь к равноправию: отказ от еврейской обособленности и даже от принадлежности к единой нации. Считалось, что евреи - это только религиозная корпорация, и потому вполне резонно называться, например, немцем иудейского вероисповедания, как существуют, скажем, немцы-католики и немцы-протестанты. Подобные взгляды были результатом гиперболизации историками значения государства и материальных факторов в становлении нации.

Считалось, что государство, включающее национальные меньшинства, рано или поздно смешает их всех в одну нацию. Более того, такой процесс признавали прогрессивным и ему следовало всемерно содействовать. Духовные истоки формирования национального самосознания считались второстепенными. При этом игнорировался тот непреложный факт, что еврейский народ сумел на протяжении двух тысячелетий сохранить свое национальное "я", не имея таких "основных" признаков, как собственная территория, государственность и внутренние торгово-экономические связи.

Воспитанный на идеях Моисея Мендельсона, Вавельберг стремился заслужить уважение поляков и много жертвовал на развитие польской культуры и науки. На его деньги выпускались дешевые издания Мицкевича, Сенкевича, Ожешко и других польских писателей. Одновременно он учредил премию Львовского университета за сочинение по истории евреев Польши.

Однако настроения менялись не только в России, но и в Польше. Антисемитские выступления росли, а надежды ассимиляторов таяли. Поэтому к концу жизни Вавельберг отступил от первоначально разработанных принципов и начал проявлять больше интереса к делам своего народа. Он стал членом петербургского правления ОПЕ, а затем казначеем и активным участником ЕКО.

Здание банка построили наследники Вавельберга через десять лет после его смерти.

* * *

Пройдем по Адмиралтейскому проспекту от Невского до улицы Дзержинского (бывшей Гороховой). Угловой дом № 2 построен в конце восемнадцатого века по проекту архитектора Д.Кваренги. Здесь до

революции помещалось Управление петербургского градоначальства. А с декабря 1917 года по март 1918 в этом здании находилась Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), о чем свидетельствует мемориальная доска.

Мы мало уделяем внимания участию евреев в революционном движении по двум причинам. Во-первых, потому, что в Петербурге почти не было еврейского пролетариата. Бунд, например, действовал главным образом в черте оседлости. Во-вторых, большинство революционеров, от "правых" до "левых", совершенно отошли от национальных и культурных традиций. Поэтому их принадлежность к еврейству, которой они сами не придавали никакого значения, вряд ли является основанием для того, чтобы уделять им значительное внимание в этой книге.

Однако известно, что революционная деятельность была наиболее характерным занятием для активной части еврейского населения в России и что участие евреев в политической борьбе и в обеих революциях было непропорционально большим. Во всех революционных партиях евреи обязательно входили в группу лидеров.

У кадетов - М.Винавер, И.Гессен, Я.Иоллос, М.Острогорский;

у меньшевиков - Ф.Дан (Гурвич), А.Аксельрод, Л.Мартов (Ю.Цедербаум), М.Либер (Гольдман), Н.Суханов (Гиммер);

у эсеров - М.Гоц, А.Гоц, М.Бобров (Натансон), И.Штейнберг, Г.Гершуни;

у большевиков - Л.Троцкий, Г.Зиновьев, Л.Каменев, Я.Свердлов, К.Радек.

Был еще трудовик Л.Брамсон,

ну и, конечно, весь Бунд со своими вождями: Р.Абрамовичем, М.Рафесом, Г.Эрлихом.

Так как история народа неполна без изучения всех общественных течений, особенно наиболее типичных и многочисленных, то, воспользовавшись тем, что мы находимся рядом с домом ВЧК, расскажем об одном из ее руководителей Моисее Соломоновиче Урицком.

Урицкий родился в 1873 году в Черкассах в семье купца. В 1897 он окончил юридический факультет Киевского университета. В революционном движении участвовал с начала девяностых годов. Первый раз его арестовали и сослали на пять лет в Якутскую область в 1897 году за организацию тайной социал-демократической типографии в Бердичеве. Когда в 1898 году создается РСДРП, он становится одним из первых ее активистов. После Второго съезда РСДРП, состоявшегося в

1903 году, Урицкий примкнул к меньшевикам. За радикальную деятельность и участие в революции 1905 года его неоднократно ссылали в Сибирь. После Февральской революции Моисей Соломонович возвратился из эмиграции в Петроград. На Шестом съезде РСДРП(б) он вместе с группой "межрайонцев" перешел в большевистскую партию и тогда же был избран в ЦК. В октябрьские дни и после них Урицкий - член Петроградского ревкома, а затем комиссар Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания и министр иностранных и внутренних дел коммун Северной области.

Будучи противником Брестского мира, Урицкий вместе с другими "левыми" коммунистами сотрудничал в издававшемся ими журнале "Коммунист". С марта 1918 года он - председатель Петроградской ЧК. Здесь и произошла историческая встреча Урицкого с Исааком Бабелем. О ней писатель упоминает в автобиографическом рассказе "Дорога". Бабель описывает Петроград декабря 1917 года, куда он приехал из армии, замерзший и голодный. В бывшем здании градоначальства в вестибюле стоят два пулемета. Писателя направляют в Аничков дворец, где находится его друг, следователь-чекист Калугин. Бабель идет по мертвому Невскому проспекту, не надеясь дойти до цели. "Так отпадает необходимость завоевывать Петербург", - думает он и пытается вспомнить имя человека, задавленного копытами арабских скакунов в самом конце пути. (Бабель имеет в виду Иехуду ха-Леви, еврейского поэта и философа одиннадцатого века, по преданию погибшего, когда он наконец достиг Иерусалима.)

Калугин встречает изможденного Бабеля, дает ему халат, рубаху, кальсоны и носки из витого шелка, принадлежавшие некогда Александру III. Друзья курят диковинные папиросы - подарок султана Абдул Хамида русскому государю. Остаток ночи проходит за разбором игрушек Николая II, его барабанов и паровозов, тетрадок и крестильных рубашек. Наутро Калугин знакомит Бабеля с Урицким.

"Комиссар внутренних дел коммун Северной области вышел из кабинета раскачивающейся своей походкой. За стеклами пенсне вываливались обожженные бессонницей, разрыхленные, запухшие веки.

Меня сделали переводчиком при иностранном отделе. Я получил солдатское обмундирование и талоны на обед. В отведенном мне углу зала бывшего Петербургского градоначальства я принялся за перевод показаний, данных дипломатами, поджигателями и шпионами.

Не прошло и дня, как все у меня было, - одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране.

Так начиналась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья".

Эта "превосходная" жизнь кончилась для Исаака Бабеля в 1939 году, когда он снова попал в ту же организацию, но уже не как сотрудник, а как жертва сталинских репрессий (погиб он, по-видимому, в 1941 году - точная дата неизвестна). Что касается Урицкого, то он прожил после встречи с Бабелем чуть более полугода.

В августе 1918 Моисей Соломонович был убит другим евреем, Леонидом Канегиссером, как пишет БСЭ (первое издание), в результате заговора, руководимого членами ЦК партии правых эсеров А.Гоцем и Д.Донским. В действительности покушение было личной инициативой Канегиссера, который таким образом хотел смыть позор с евреев, обвиняемых в участии в красном терроре. Он застрелил Урицкого в приемной Министерства внутренних дел, которая располагалась в здании генерального штаба на Дворцовой площади. Канегиссера расстреляли, а Урицкого торжественно похоронили на Марсовом поле. Дворцовая площадь некоторое время носила его имя.

* * *

Теперь наш путь лежит к Неве. Мимо зданий Сената и Синода выйдем на набережную Красного Флота (бывшую Английскую) к дому № 4. Его знает каждый, кто интересуется историей и архитектурой Ленинграда. Когда-то здесь стоял один из дворцов графа Строганова, построенный при участии архитектора Воронихина. Затем здание было переделано Тома де Томоном по заказу графини Лаваль. Под этим именем - дом Лавалья - оно и вошло во все путеводители по Петербургу,

О доме можно рассказать много занимательного. Например, как он был украшен. Госпожа Лаваль обладала изысканным вкусом и не стеснялась в средствах. Из своего свадебного путешествия по Европе она привезла массу картин, греческих статуй, других ценностей, включая мозаичный пол виллы Нерона на острове Капри. Интересна история ее брака, которому способствовал сам Павел I. Месье Лаваль был незнатным французским дворянином, бежавшим от революции в Россию. Родители невесты не хотели этого союза, ссылаясь на то, что

"веры он не нашей (то есть католик), большого чина не имеет, и вообще не знает его никто".

На это Павел возразил:

"Веры он нашей - христианской, знаю его я, а чины у него будут".

В начале девятнадцатого века у графини Лаваль был популярный салон, получить приглашение в который почитал за честь любой иностранный посланник. Здесь бывали А.Пушкин, В.Жуковский, М.Лермонтов, И.Крылов и многие другие поэты, писатели, художники, музыканты. Здесь 19 мая 1828 года Пушкин читал "Бориса Годунова" А.Мицкевичу и А.Грибоедову. Поскольку дочь Лавалей Екатерина была замужем за декабристом С.П.Трубецким, одним из руководителей Северного общества, избранным диктатором восстания, то, стало быть, именно в доме № 4 князь принял роковое решение не выходить на Сенатскую площадь. И отсюда в 1827 году его жена отправилась за мужем в сибирскую ссылку.

К середине прошлого века семья Лавалей обеднела. Большая часть художественных ценностей была продана, а дом перешел в руки Самуила Соломоновича Полякова, которым он, а затем его наследники владели с 1870 по 1911 год.

Поляков родился в 1836 году в местечке Дубровно в семье мелкого торговца, умер в 1888 году в Петербурге, в чине тайного советника. Карьера Самуила Соломоновича началась с места десятника на прокладке железной дороги где-то в Белоруссии. Благодаря своим высоким деловым качествам и упорству, он в короткий срок стал крупнейшим в России подрядчиком и банкиром-миллионером. Он построил Козлово-Воронежско-Ростовскую железную дорогу, Орлово-Грязскую, Курско-Харьково-Азовскую и многие другие. Поляков заботился о развитии русской железнодорожной сети, писал об этом, основал в Ельце первое в России железнодорожное училище. Он открыл целый ряд банков: Московский земельный, Донской земельный, Азово-Донской коммерческий. В последние годы Поляков стал принимать участие в жизни еврейской общины столицы. При его содействии была построена в Петербурге хоральная синагога. За большие пожертвования русским благотворительным учреждениям Самуил Поляков был возведен в дворянство и стал тайным советником (чин, который обычно присваивался министрам). У Полякова было два брата: Лазарь жил в Москве, а Яков - в Петербурге. Оба дворяне, тайные советники.

К чести новоявленного дворянина следует отметить, что, приобретя дворец Лавалей, он не стал в нем ничего менять и перестраивать, положившись на вкус потомственной русской аристократии. После смерти Полякова дом перешел к его сыну Даниилу, надворному советнику, владельцу Петербургского коммерческого банка и председателю Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (ОРТ).

Затем особняк был продан в казну и передан расширившемуся Сенату.

Конечно, евреи России в массе своей жили очень бедно, и люди, подобные Поляковым, составляли редкое, но весьма характерное исключение. В результате либерализации в царствование Александра II в центральных городах в короткий срок объявилось несколько очень богатых евреев - промышленников и банкиров. Чаще всего источником их первоначального капитала были винный промысел или торговля с Западом. После отмены крепостного права, в атмосфере экономического оживления, когда евреям - купцам первой гильдии разрешили проживать вне черты оседлости, некоторые наиболее преуспевающие дельцы, используя финансовые связи с еврейскими банками Европы, добились впечатляющих успехов на коммерческом поприще. Кое-кто составил себе значительное состояние на прокладке железных дорог, большинство из которых строились подрядчиками-евреями: Поляковым, Кроненбергом, Рафайловичем, Натансоном, Эфрусси. Вавельберг имел банки в Варшаве и Петербурге. Банк Эфрусси занимался экспортом зерна из Одессы, банк "Мейер и К^о" был одно время вторым по величине Петербургским банком после банка Гинцбурга. Все знают крупнейшего торговца чаем Высоцкого. В сахарной промышленности, на треть монополизированной евреями, выделялись Бродские и Зайцевы.

И все же, как ни была далека, на первый взгляд, полная изобилия и утонченной роскоши жизнь богачей от жизни беднейших еврейских слоев черты оседлости, и на них падала зловещая тень погромов, кровавых наветов, бесправия и постоянного страха.

Нетрудно себе представить, как выглядело первое поколение еврейских нуворишей: богатые, но безвкусно одетые, с провинциальными манерами, плохо говорившие по-русски, они чувствовали себя чужими в аристократических салонах. Еврейские предприниматели раздражали светскую знать и даже интеллигенцию. Похоже, именно это чувство вылилось у Некрасова а примечательных строках:

Стоит только на ложи взглянуть,

Где уселись банкирские жены, -

Сотни тысяч рублей, что ни грудь...

В этих ложах мужчины - евреи...

И далее:

Доблесть, молодость, сила пленяли

Сердце женское в древние дни.

Наши девы практичней, умней;

Идеал их - телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Достоевский же в "Дневнике писателя" за 1877 год прямо пишет, что Бисмарк, Биконсфильды, Французская республика и Гамбетта - все это мираж перед истинным владыкой Европы - "жидом и его банком".

Но что бы тогда ни писали, вполне очевидно, что евреи вложили немало сил, средств и таланта в развитие торговли и промышленности Российской империи и продолжили в этом смысле традицию, начатую Зунделем Гиршем, Ворохом Лейбовым, Нотой Ноткиным.

* * *

Правительствующий Сенат на площади Декабристов (бывшей Сенатской). Почему мы решили остановиться у этого отнюдь не "еврейского" экскурсионного объекта? К концу девятнадцатого века в России было издано столько противоречивых антиеврейских законов, что разобраться в них стало почти невозможно. А ведь от них иногда зависело само существование еврея. Например, дипломированные фармацевты имели право жительства вне "черты", если только занимались своей профессией, и теряли его тогда, когда становились, скажем, торговцами. Другие могли обосноваться в крупных городах именно как торговцы и подлежали выселению при перемене занятий. Сохранился анекдот тех времен, отражавший эту абсурдную ситуацию:

В вагоне поезда, выехавшего из Петербурга, встречаются два еврея, оба Хаимы Рабиновичи.

- Вас за что выселяют?

- Я дантист, мне надоело лечить зубы, стал торговать. А вас за что?

- Я приказчик, мне опротивело стоять за прилавком, и меня выселяют за то, что я торговлей не занимаюсь.

- Знаете, есть комбинация.

- Какая?

- Давайте поменяемся документами; не все ли равно русскому правительству, какой Хаим Рабинович торгует, а какой служит!

Естественно, такое запутанное законодательство рождало массу злоупотреблений. Несправедливо высланные евреи обращались в Сенат. Жалоб было так много, что в 1908 году Сенат вдвое увеличил состав первого департамента, разделив его на два отделения. Чиновники делали карьеру на еврейском вопросе. Некоторые жалобы рассматривались даже в Государственном совете, а его решение утверждалось царем.

Большой резонанс, например, получило мистическое дело "О правах еврейских покойников". Старое еврейское кладбище Витебска переполнилось, но люди продолжали умирать, не соблюдая никаких процентных норм. Община приобрела участок для новых захоронений, но губернатор не утвердил купчей, так как по "Майским правилам" евреям нельзя было приобретать землю вне городской черты. Однако другой закон запрещал хоронить внутри города. Полетела жалоба в Сенат. Там вопрос долго обсуждался. Либералы вспомнили, что евреям запрещено покупать землю вследствие желания оградить крестьян от "еврейской эксплуатации". Но ведь кладбище - не поле и не пастбище. Да и сможет ли мертвый еврей эксплуатировать бедных русских селян, как бы хитер и изворотлив он ни был при жизни? Правые сенаторы слушать ничего не хотели и заявили, что ограничительные законы толкованию не подлежат. Дело тянулось много лет. Евреи Витебска чуть ли не хоронили покойника на покойнике. Наконец в первом департаменте Госсовета либералы взяли верх, и покупку земли под кладбище разрешили.

* * *

Проидем под арку, соединяющую здания Правительствующего Сената и Святейшего Синода. Здесь начинается одна из старейших улиц Петербурга - Красная (бывшая Галерная), застроенная старинными особняками. Гулять по ней особенно приятно, сюда почти не доносится шум современного города. Много любопытного можно увидеть на Галерной и тем, кто интересуется еврейской историей. Вот дом № 20 с единственным балконом на фасаде. На аттике хорошо виден картуш, где когда-то располагался герб владельца. Следующее за ним огромное, сейчас ярко-бордовое здание имеет сразу три адреса:

Красная улица, № 22, переулок Леонова (бывший Замятин), № 4 и бульвар Профсоюзов (бывший Конногвардейский проспект), № 17, Дом этот некогда принадлежал едва ли не самому богатому и известному в Петербурге еврею - барону Горацию Евзелевичу Гинцбургу. Мы уже неоднократно упоминали его имя. Пришло время подробно рассказать об этой семье.

Г.Е.Гинцбург родился в 1833 году в Звенигороде Киевской губернии, а умер в 1909 году в Петербурге. Его родители большую часть жизни

провели в Париже, Сам Гораций получил в детстве хорошее домашнее образование. Древнееврейскому языку и Талмуду его обучал известный знаток иврита Сухоставер. В двадцать лет Гинцбург женился на своей двоюродной сестре Анне Гесселевне Розенберг, имевшей огромный авторитет в семье и большое влияние на тестя Евзеля.

Еще будучи совсем молодым, Гораций Евзелевич стал главным помощником и компаньоном отца в коммерческих делах и общественной деятельности. В 1859 году он вместе с отцом основал в Петербурге банкирский дом "И.Е.Гинцбург" (Иосиф Евзель Гинцбург), ставший первым в России банком современного типа. Банк находился в том же доме (Замятин переулок, № 4). Молодой финансист, будучи фактически главой банка, преуспел и сумел добиться для своей фирмы исключительного положения в Петербурге, а затем и в Европе.

Уже в самом начале своей карьеры, с шестидесятых годов, Гинцбург проявил себя как меценат и крупный благотворитель. В его доме собирались лучшие представители научных кругов и мира искусства. Здесь бывали М.М.Стасюлевич, К.Д.Каверин, В.Д.Спасович, профессора, оставившие университет после польского восстания 1863 года. Близки с Гинцбургом были известный литературный и музыкальный критик В.В.Стасов и знаменитый писатель И.С.Тургенев; в его доме гостили М.Е.Салтыков-Щедрин, И.А.Гончаров, И.М.Крамской, Вл.Соловьев, А.Г.Рубинштейн. Скульптор М.Антокольский благодаря Гинцбургу сумел получить академическое образование.

В соответствии с еврейской традицией, Гинцбург щедро жертвовал молодым и бедным талантам, как евреям, так и русским. Он же был учредителем Института археологии. Института экспериментальной медицины (вместе с принцем Ольденбургским) и других научных учреждений. Единственным условием его участия в общерусских благотворительных начинаниях было требование открытых дверей для людей всех вероисповеданий.

Гораций Евзелевич состоял гласным Петербургской думы (до 1892 года), был членом совета фондовой биржи, имел чин действительного статского советника (генерала), был награжден высшими русскими орденами. Будучи в 1868 - 1872 годах гессен-дармштадским консулом в России, Гинцбург вместе с потомством был возведен Великим герцогом в баронство. Вскоре этот титул получил его отец Евзель, и император Александр II даровал всей семье наследственное дворянство.

В промышленности главной сферой деятельности Гинцбурга стала золотодобыча. Он основатель Ленского, Забайкальского, Березовского, Алтайского и других приисков. Среди его предприятий была, например, Компания цепного пароходства по реке Шексне и акционерное общество "Платина",

На протяжении сорока лет барон Гинцбург был признанным главой еврейской общины Петербурга да, пожалуй, и всего еврейства России. Сложно назвать все дела, по которым он выступал ходатаем, все еврейские предприятия, которые он финансировал. Неудивительно, что в этих очерках мы то и дело упоминаем имя знаменитого филантропа. Гинцбург пожертвовал крупную сумму на постройку петербургской синагоги, на его деньги издавались книги в защиту евреев. Он был председателем ЕКО, хотя и не одобрял эмиграцию, председателем ОПЕ. Его жена, Анна Гесселевна, учредила на Васильевском острове сиротский дом. Эта семья всегда щедро помогала жертвам пожаров, неурожаев, погромов и других бедствий в черте оседлости.

В завещании Гинцбург просил похоронить его в Париже, там, где покоился прах отца. Это решение в значительной степени было принято под влиянием ухудшавшегося положения евреев в России в начале двадцатого века. Церемония отправки тела Гинцбурга во Францию была обставлена чрезвычайно торжественно. Присутствовали делегации из многих городов. До Парижа гроб везли специально выделенные посланцы.

Несомненно, это был выдающийся человек. Почему же тогда, например, при выборах в Первую государственную думу не Гораций Гинцбург стал еврейским депутатом? Почему его даже не выдвигали на этот пост и никто не явился к нему за советом? Может быть, забыли его заслуги перед еврейским миром? Конечно, нет. Просто времена изменились. Гинцбург был слишком традиционным еврейским лидером. В строгом соответствии с еврейским учением, он считал, что евреи должны неукоснительно следовать законам страны проживания. Лояльность правительству, царю была для него священным принципом. Что он мог? Пожертвовать деньги, много денег, как-то задобрить чиновника, дать взятку (как в истории с графом Игнатьевым). Ну и, конечно, просить, ходатайствовать,

Такой лидер в России начала двадцатого века большинство евреев уже не устраивал. Политическая ситуация внутри страны быстро менялась. Антисемитизм набирал силу, разразились страшные погромы. Да и само еврейство давно уже не составляло монолитную общину, а распалось на группировки, боровшиеся друг с другом. Надо было не просить, а требовать, кричать, чтобы быть услышанным. Чтобы чего-то добиться или хотя бы защитить свой дом, приходилось брать в руки оружие. Государство не собиралось охранять евреев от произвола, а само в этом произволе участвовало, видя в чужеродной нации причину распространения революции и подходящего козла отпущения. Николай II в телеграмме, направленной в июне 1907 года одному из руководителей Союза русского народа, заявил:

"... да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка".

Ну что мог барон Гинцбург выпросить у императора, для которого основой правопорядка был Союз русского народа?! Любому мыслящему человеку тогда было ясно, что спасение евреев или в эмиграции, или в революционной борьбе. В озлобленном, находящемся в кризисном состоянии обществе не было места компромиссам. Но Гинцбург не сочувствовал ни революционерам (ни левым, ни правым), ни эмиграции, ни сионизму. Поэтому на выборах в Государственную думу евреи голосовали не за него, а за новых лидеров, которые смели и умели не просить, а требовать. Еврейский народ, как и другие народы России, уже ничего просить не хотел. Это считалось унижительным и бессмысленным. Время таких вождей, как Гораций Евзелевич Гинцбург, безвозвратно ушло. Совсем другие идеи, иная стратегия нужны были народу, чтобы пережить тогдашнюю ситуацию и хоть как-то подготовиться к тяжелейшим испытаниям, ждавшим его впереди.

* * *

На Красной (Галерной) улице, №25 располагалась некогда (впоследствии переехавшая на Загородный проспект, №23) старейшая в стране еврейская организация современного типа - Общество для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), основанное в 1863 году. Оно обладало солидными средствами и пользовалось известностью во многих городах и местечках Российской империи. Среди руководителей ОПЕ мы встречаем

и богатых деловых людей: Г.Е.Гинцбурга, Д.Г.Гинцбурга, И.А.Вавельберга, Д.Н.Полякова, М. А. Варшавского,

и интеллигентов-маскилим: Л.И.Каценельсона, Я.М.Гальперна, И.Л. Гордона, А.Я.Гаркави, М.И.Кулишера.

Такое сочетание приносило успех: финансисты давали деньги, образованные просвещали народ.

ОПЕ, детище Хаскалы, было, по сути, инструментом этого культурного движения. Оно способствовало изданию книг (в основном на русском языке) о еврейской культуре и истории, оказывало помощь бедным еврейским студентам, содействовало распространению светских знаний среди евреев, разрабатывало программы для еврейских школ. Такие возникшие позднее объединения, как Общество любителей древнееврейского языка, Общество поощрения высших знаний, Еврейское историко-этнографическое общество и подобные им, были организационно или духовно связаны с ОПЕ. Общество имело десятки отделений в Одессе, Москве, Екатеринославе, Ковно и других городах.

Позиция реформаторов еврейского быта, культуры, а отчасти и религии, занимаемая обществом, неизбежно способствовала развитию ассимиляторских настроений среди его активистов (И.Оршанский, Л.Леванда). Надо ли напоминать, что немалая часть молодежи, получив светское образование благодаря ОПБ, в дальнейшем порвала всяческие связи с еврейством.

Погромы и "Майские правила" отрезвили многих маскилим, понявших, что образование далеко не решает всех проблем. Борьбу с ассимиляцией возглавил журнал "Ха-шахар" ("Рассвет") Переца Смоленскина. Новые настроения проникли и в ОПЕ. Например, казначей общества Л.М.Розен-таль, выступивший в журнале "Восход", причиной упадка литературы на иврите (а сейчас мы считаем, что тогда был подъем!), исчезновения у образованной молодежи интереса к религии и национальным делам назвал именно просвещенческую деятельность ОПЕ (в том числе и распространение знания русского языка). Но так как от просвещения отказываться нельзя, Розенталь предложил наложить старую заплатку на новое платье: обучать "новых евреев" основам иудаизма.

Есть и другая мысль в статье Розенталя, отразившая свежие веяния в общественной жизни. Автор рекомендовал ОПЕ, до того ограничивавшемуся только культурно-просветительной деятельностью и целиком лояльному к правительству, участвовать в движении за еврейские права (поначалу хотя бы в скромных масштабах). В частности, предлагалось обратиться в Высшую комиссию по пересмотру законов о евреях с ходатайством рассмотреть положение евреев-ученых, отменить закон о "черте" в отношении лиц со средним образованием, учредить пенсии учителям.

Издания ОПЕ сохранили интересную статистику, характеризующую положение еврейского народа в те времена (сбором статистических данных активно занималось и ЕКО). В помещении общества часто устраивались лекции, доклады, семинары и другие, как теперь говорят, культурные мероприятия. Но главной заслугой ОПЕ было, пожалуй, воспитание целого поколения еврейских интеллигентов нового типа. И хотя, как мы уже отмечали, некоторые из них забыли свой народ, остальные в короткий срок жизни одного поколения сумели поднять на должную высоту еврейскую историческую науку, этнографию, языковедение, литературу, музыку. Не надо забывать, что большинство этих подвижников были врачами, инженерами, адвокатами, служащими в банках и конторах, то есть зарабатывали на жизнь не творческой деятельностью. Как эти люди "в свободное от основной работы время" создали столько культурных обществ, издали такую массу книг, написали такое количество интереснейших научных исследований остается для нас неразрешимой загадкой.

* * *

По адресу Красная улица, №61, в доме, принадлежавшем сыну Г.Е.Гинцбурга, директору-распорядителю Ленского золотопромышленного товарищества Альфреду Горацевичу Гинцбургу, находилось Общество гигиенических дешевых квартир для еврейского населения, учрежденное при участии ЕКО в 1900 году. Председателем его был Г.Е.Гинцбург. Общество, частично субсидируемое из благотворительных фондов, ставило целью обеспечить небогатых евреев западных губерний, живущих трудом своих рук, дешевыми квартирами, помещениями для мастерских, небольшими участками под сады и огороды. Таким образом, устроители общества стремились уменьшить число людей без постоянных доходов, облегчить для евреев жилищную проблему - словом, пытались улучшить нелегкий быт еврейского местечка. Естественно, в условиях царской России с ее узаконенным бесправием по отношению к евреям общество не могло предпринять ничего кардинального. Однако оно, как и Общество ремесленного и земледельческого труда, как и ЕКО, вносило свой вклад в облегчение критического положения обнищавшего российского еврейства.

* * *

Нечетные дома по Красной улице имеют, как правило, "двойников" на набережной Красного флота (бывшей Английской). Так они строились: парадное здание смотрело на набережную, а дом с более скромным фасадом выходил на Галерную. Между домами образовывался дворик. Обычно их так и продавали - парами. Две пары таких домов принадлежали братьям Самуила Полякова - Лазарю (набережная Красного Флота, № 12, Красная улица, № 11) и Якову (№ 62 и № 63 соответственно). Смотреть на эти дома, конечно, лучше всего с набережной.

Яков Соломонович Поляков (1832 - 1909) был старшим в знаменитой троице. Свою деятельность он традиционно начал с откупов, позднее с братьями занимался строительством железных дорог и банковским делом.

Лазарь Поляков (1842 - 1914) жил в основном в Москве (с 1870 года). Там он учредил и возглавил несколько банков, основал промышленные предприятия. Лазарь Соломонович был председателем московской общины и принимал в ее делах большое участие, в частности, помог построить московскую синагогу на улице Архипова. Имелась у него и собственная домашняя молельня. В Петербурге Л.С.Поляков почти не жил. Дом на Английской набережной был куплен больше для престижа.

* * *

По нашим прогулкам мы можем судить, как расслоилась некогда монолитная (конечно, идейно, а не экономически) еврейская община. К концу девятнадцатого - началу двадцатого века еще сохранилось традиционное мировоззрение и отношение к стране проживания. Это означало стремление к автономной религиозной и национальной жизни и безусловное соблюдение законов той страны, где довелось обосноваться евреям, Представителей власти пытались задобрить, неуступчивых - подкупить. Примером такой политики могут служить бароны Гинцбурги.

Другая, еще не умершая к тому времени, руководящая идея - Хаскала, то есть сохранение и даже развитие национальной жизни с помощью реформы иудаизма и приобщения евреев к ценностям европейской цивилизации. Маскилим считали, что просвещение решит проблемы национальной отчужденности, антисемитизма, уродливой социальной структуры местечка, обнищания и т.д. От властей ждали сотрудничества или хотя бы терпимости. Такими планами были захвачены И.Гордон, Л.Каценельсон, Л.Леванда - в общем, все те, кто группировался вокруг ОПЕ и родственных организаций. Но даже в этой среде стали понимать, что никакое просвещение не даст народу гражданских прав.

Путь ассимиляции привлекал тех, кто не видел перспектив решения еврейского вопроса в ближайшем будущем или отказывался его обсуждать. Эти люди выбрали на первый взгляд легчайшую дорогу перехода в господствующую культуру, а иногда и религию, отказываясь от всего еврейского. Они предлагали улучшить социальное положение народа ценой национального самоубийства-Революционеры (Урицкий, Мартов) вообще не признавали существования еврейского национального вопроса. Левые, особенно марксисты, считали, что такие "надстроечные" институты, как религии, нации, порождены вполне определенной экономической формацией - капитализмом. С изменением социальной структуры общества, с уничтожением частной собственности и нации и религии отомрут. Надо бороться не с антисемитизмом, а с его причиной - капиталистическим строем. Поэтому не стоит сохранять национальную культуру; это даже вредно, ибо на смену национальному самосознанию идет классовое.

Существовали, наконец, сионисты, которые считали, что евреи до тех пор будут испытывать притеснения, пока не получат, как и все остальные народы, свою территорию, свое государство. В рассеянии при любом социальном строе еврейский вопрос справедливо решен быть не может. Сионизм стал одним из последних по времени национальных движений в Европе и в идейном отношении не отличался оригинальностью. К моменту его появления мощные народные движения уже привели к образованию единых Германии и Италии, балканских государств. Недалека была победа национальных сил в Чехии,

Глава третья. ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

Итак, пойдём и будем работать! Работа наша будет происходить на почве прошедшего, но жатва её будет всецело принадлежать настоящему и будущему. Покажем, что мы, русские евреи, не только ветвь "наиболее исторического" народа, но что мы сами имеем богатое прошлое и умеем ценить его. Народ-старец, убеленный сединами, умудренный многовековым опытом, имеющий поистине беспримерное прошлое, - неужели такой народ может отворачиваться от своей истории? С.М.Дубнов

Изучая город, мы постепенно реконструируем существенную часть его истории - историю еврейского присутствия в нём. Среди ленинградских евреев немало знатоков прекрасной архитектуры Петербурга. Им известно, когда и в каком стиле построено то или иное здание, как выглядел его фасад сто лет назад, что изменилось в лепке на карнизе. Здесь - барокко, тут - русский неоклассицизм, а на это и смотреть не стоит, сразу видно - эклектика. К сожалению, гораздо меньше интереса проявляется к людям, которые жили в этих домах, к человеческим судьбам. Так история города подменяется историей архитектуры, то есть наименее существенным с еврейской точки зрения. Мы же вновь и вновь будем обращаться к главному - истории нашего народа, волею судьбы переплетённой с историей столицы Российской империи. В этих прогулках нам будет открываться другой, неведомый ранее еврейский Петербург.

Васильевский остров - в прошлом далеко не самая "еврейская" часть Санкт-Петербурга. По переписи 1868 года здесь проживали всего 139 евреев (82 мужчины и 57 женщин). По численности еврейского населения район стоял на восьмом месте в столице. Тут, однако, произошло много интересных событий.

Прогулку по Васильевскому острову лучше начать со Стрелки. Отсюда виден парадный, официальный Петербург: дворцы, соборы, Адмиралтейство и царская политическая тюрьма - Петропавловская крепость. Кто только ни сидел в ней, начиная от царевича Алексея до членов Временного правительства! Последними узниками крепости были матросы - участники Кронштадтского мятежа 1921 года. Петропавловка не расположена на Васильевском острове. Но поскольку она стоит в стороне от основного маршрута наших экскурсий, остановимся ненадолго и вспомним, что одним из первых узников-евреев в тюремно-крепости был хасидский цадик раби Шнеур Залман Борохович - знаменитый Любавический ребе.

Но сначала несколько слов о хасидизме, который родился в середине восемнадцатого века на Украине и быстро распространился среди евреев Подолии, Галиции и Волыни, тяжело переживавших последствия хмельнитчины и лжемессианского движения Шабтая Цви. Хасидизм не только не отвергал основ иудаизма, но наоборот - побуждал к более строгому исполнению законов. Хасидизм дал простым людям уверенность, что их бесхитростная молитва не менее важна для Бога, чем познания ученого раввина. Основатель хасидизма Баал Шем Тов (Бешт) учил, что Всевышнему угоднее служение с радостным сердцем, нежели со слезами. Проще говоря, хасиды проявили заботу об обыкновенных, не слишком образованных евреях, согрел и облагородив их нелегкую жизнь. Удивительным был успех нового религиозного движения в уже вступившей в эпоху рационализма Европе. Отстань Просвещение еще на сто лет, и, кто знает, быть может, сейчас все мы были бы хасидами. Триумфальное шествие хасидизма, рожденного буквально в гуще народа, было остановлено не столько противодействием ему внутри иудаизма, сколько хаскалой.

А тогда, в восемнадцатом веке, первым врагом хасидизма стало образованное польско-литовское еврейство, видевшее в учении Бешта угрозу традиции, раскол и сектантство. В культе цадика видели склонность к мессианству, которое уже не раз наносило огромный вред евреям и иудаизму. Борьбу возглавил Виленский гаон Элияху и его ученики. К сожалению, противники хасидов (митнагим) не пренебрегали помощью официального Петербурга, который отнюдь не сочувствовал ни одной из сторон, а стремился лишь к разрушению еврейской общины в целом. Одним из таких недозволенных приемов был донос Павлу I бывшего Пинского раввина Авиغدора Хаймовича на лидера хасидов-хабадников Шнеура Залмана Боруховича, по вине которого рабби Авигдору пришлось покинуть свой пост.

В доносе поведение хасидского цадика представлялось как безнравственное и антигосударственное. В частности, утверждалось, что хасиды с преступными целями переправляют большие суммы денег во враждебную России Турцию (в действительности деньги шли на поддержку еврейской общины в Эрец Исраэль). Это обвинение в совокупности с негативным отзывом о Ребе сенатора и поэта Гавриила Державина, имевшего столкновение с цадиком в Белоруссии, вынудило правительство в 1798 году доставить Шнеура Залмана в Петербург для расследования дела. Туда же прибыл и его обвинитель Авигдор Хаймович. Ребе пришлось защищать себя, своих учеников и весь хасидизм в целом. Первый арест продолжался недолго, но митнагим не отступали, и 9 ноября 1800 года цадика вторично арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Здесь ему снова пришлось выдержать формальное следствие и отвечать письменно и устно на множество обвинений. Павел I сумел понять истинные причины вражды и разрешил существование хасидизма, но самого рабби Шнеура Залмана, освободив

из крепости, продержали в Петербурге до восшествия на престол Александра I в марте 1801 года.

Мы уже отмечали, что митнагдим боролись с хасидизмом, видя в нем раскол и лжемессианство. Но главная причина популярности хасидизма в народе в том и заключалась, что он провозгласил не отказ от традиции, а укрепление ее путем возрождения некоторых концепций, содержащихся в самом иудаизме, в частности в кабале. Рабби Шнеур Залман, которого его последователи стали называть Алтер Ребе (Старый Ребе) внес в хасидизм элементы традиционной раввинской учености. Его система интеллектуального хасидизма - хабад (акроним слов хохма - мудрость, бина - понимание, даат - знание) до сегодняшнего дня остается одним из наиболее жизнеспособных направлений в иудаизме.

Родился Шнеур Залман в местечке Лиозно Могилевской губернии в 1745 году. В восемнадцать лет он переехал в Межерич и стал учеником Дов Бера, преемника Бешта. Свое учение Алтер Ребе изложил в книге "Тания", которую ревностно изучают все хасиды-хабадники. Умер Шнеур Залман в Пенах возле Курска 25 декабря 1812 года, а похоронен в Гадячах (Полтавская губерния).

Так как резиденция цадиков, наследников рабби Шнеура Залмана, нередко переносилась из местечка в местечко, из города в город (Лиозно, Ляды, Любавичи, Ростов, Ленинград, Нью-Йорк), то хабадников часто называют любавическими или лядскими хасидами. Жизнь хасидских цадиков овеяна легендами. Одну из них, связанную с заключением Алтер Ребе в Петропавловскую крепость, приводит в своей книге "Путь человека" еврейский философ Мартин Бубер.

Однажды в камеру Ребе вошел шеф жандармов. По величественному и спокойному лицу цадика, который так глубоко погрузился в размышления, что не сразу заметил посетителя, шеф жандармов, человек проникательный, понял, что перед ним незаурядная личность. Он заговорил с узником и задал ему множество вопросов касательно Священного писания. Под конец тюремщик спросил, как следует понимать вопрос Бога к Адаму: "Где ты?" Ведь Бог всеведущ!

- Верите ли вы, - спросил Ребе, - что Писание вечно, что оно верно для всех эпох и всех народов?

- Я верю в это, ответил шеф жандармов.

- Так вот, - сказал цадик, - в каждую эпоху Бог обращается к каждому человеку: "Где ты? Прошло так мною дней из отпущенных тебе; что ты успел сделать в этом мире?" Всевышний говорит примерно так: "Ты прожил сорок шесть лет, как далеко ты ушел?"

Осознав, что назван его точный возраст, шеф жандармов сделал над собой усилие и, положив руку на плечо Ребе, воскликнул:

- Bravo!

Легенда есть легенда. В ней важны не исторические подробности, а мораль. В действительности цадика посетил, как видно, начальник тюрьмы - при Павле 1 жандармы еще только появились. Важно другое: в словах Любавического ребе выразилась основная идея осмысленного человеческого существования, одухотворенного исполнением Божьих заповедей. И узник, живущий по законам Торы, оказался сильнее своего тюремщика.

* * *

Здание бывшей Кунсткамеры (Университетская набережная, № 3) построено в 1718 - 1734 годах архитекторами Г.Магарнови, Н.Гербелем, Г.Киавери и М.Земцовым. В середине восемнадцатого века здесь находилась Императорская академия наук, в которой тогда заседали почти одни иностранцы. М.Ломоносов, работавший здесь с 1741 по 1765 год, являл собой исключение. Примерно в то же время почетным членом академии состоял знаменитый врач, выходец из Португалии, Антонио Нунес Рибейру Санчес.

Вот что сообщает о Санчесе (Саншесе. Санхесе) Еврейская энциклопедия. Он родился в 1699 году в зажиточной и образованной семье в Пегна Макор (Португалия). По окончании медицинского факультета работал у знаменитого врача Бургавы, который и рекомендовал его русскому правительству, искавшему ученых медиков. В 1731 году Санчес переехал в Россию. Он состоял "физикусом" (врачом) при Медицинской канцелярии и Москве, был врачом в действующей армии, затем медиком при сухопутном шляхетском корпусе в Санкт-Петербурге. Здесь он приобрел славу отличного специалиста и стал вторым лейб-медиком императрицы Елизаветы. В 1744 году Санчес излечил опасно больную невесту принца Петра Федоровича, будущую императрицу Екатерину II. В 1747 году из-за болезни глаз Санчес ушел в отставку и уехал в Париж. Тогда же академия избрала его почетным членом и назначила жалованье двести рублей в год. Но неожиданно, через год, по приказанию Елизаветы, президент академии Разумовский отобрал у Санчеса и титул и оклад.

Больной, оказавшийся без средств ученый написал оправдательное письмо в академию, думая, что его исключили по подозрению в неблагонадежности. Оказывается, причина была совсем иная - предполагаемое еврейство Санчеса. Разумовский узнал эту новость от канцлера Бестужева (или Шувалова) и передал ее Санчесу в письме так:

"Она (императрица. - М.Б.) полагает, что ее совесть не позволяет ей оставить в своей академии человека, который оставил знамя Христа и решился сражаться под знаменем Моисея и ветхозаветных пророков".

Санчес отвечал:

"Такое обвинение ложно и есть тем более клевета, что я католической религии, но что я не забочусь опровергнуть это, потому что мне от рождения суждено, чтобы христиане признавали меня за еврея, а евреи за христианина и что сверх того провидением это предназначено крови, текущей в моих жилах, той самой, что была и у первых святых церкви и святых апостолов, униженных, преследуемых и мучимых при жизни, чтимых и поклоняемых после их смерти".

Вся эта переписка дает веские основания полагать, что Санчес был родом из марранов и, возможно, интересовался иудаизмом или даже придерживался каких-то еврейских обрядов. Ведь мы знаем, что многие марраны продолжали после насильственного крещения тайно соблюдать еврейские обычаи. Что-то в поведении Санчеса показалось придворным подозрительным.

Вступив на престол, Екатерина II вспомнила о престарелом опальном ученом, спасшем ей когда-то жизнь. Санчес вновь стал членом академии, и ему назначили пожизненную пенсию тысячу рублей в год. Умер Санчес в Париже, оставив немало научных трудов по медицине, в частности хорошо известную в свое время работу о лечении сифилиса, а также книгу о лечебных свойствах русских бань. В переводе с французского ее название звучало так:

"О парных российских банях, поелику споспешествуют оне укреплению, сохранению и восстановлению здоровья".

И, наконец, после Санчеса осталась неопубликованная рукопись

"Происхождение преследования евреев",

содержание которой не оставляет никаких сомнений в еврейском происхождении автора.

Лысый череп, худая шея, выдающиеся скулы, сильно выраженные надбровные дуги - таким изображен Антонио Санчес на маленькой иллюстрации в сборнике "Академия наук СССР". Выдающийся человек, которому религиозные фанатики восемнадцатого века не простили даже еврейских предков.

* * *

Подойдя к зданию бывшего Петербургского университета (Университетская набережная, № 7), вспомним в первую очередь известного деятеля ранней русской Хаскалы Л.И.Мандельштама, который стал первым евреем, закончившим российский университет. Леон Иосифович (Лейба Иоселевич) Мандельштам (1819 - 1889) родился в местечке Новые Жагоры на полпути между Вильно и Ковно, Он получил не только традиционное еврейское образование, но успел познакомиться с работами последователей немецко-еврейского просветителя Моисея Мендельсона, изучал иностранные языки. Вот как об этом вспоминает сам Мандельштам:

"... денно и ночью занимался Талмудом и в 12 лет получил эпитет "илуй" (отличный) и симптомы чахотки. Мною читал, благодаря отцу и старшим братьям, из учеников Мендельсона, потом философию Маймонида, Спинозы. Языкам учили офицеры, приходившие на бильярд".

Семнадцати лет Мандельштам женился, но вскоре развелся из-за конфликта с родителями жены. Прочитанные книги толкают его продолжать образование. Он делает попытку сдать экстерном экзамены за курс виленской гимназии и проваливается. Второй "заход" оказался успешнее. Вот что писал попечитель белорусского учебного округа ректору Московского университета:

"По вторичному испытанию Мандельштама совет виленской гимназии хотя и не признал оказанных им сведений соответствующими полному гимназическому курсу, но нашел их, однако же, достаточными для дозволения поступать ему в университет... Основываясь на этом заключении и приняв в соображение природные способности помянутого Мандельштама, составляющего необыкновенное среди единоверцев своих явление, его любовь к наукам и т.д., я решился отправить его в Московский университет вольным слушателем".

Не правда ли, странно? Еврей показывает на экзамене не слишком блестящие знания, а чиновник, тем не менее, выдает ему аттестат, да еще снабжает рекомендательным письмом в университет. Чтобы понять этот феномен, надо представить себе политику русского правительства по отношению к евреям в те времена, С 1825 года на престоле сидит Николай I, ревностный гонитель всякого инакомыслия в стране, а следовательно, и иудаизма. Стремясь превратить страну в казарму, а подданных в безликих солдат, он избирает силу как главное средство в достижении своей цели. Для евреев это означает роспуск кагалов (общинного самоуправления), введение воинской повинности и института кантонистов с целью насильственного крещения еврейских детей, усиление цензуры на еврейскую печать, даже сжигание признанных "вредными" книг, введение дополнительных налогов на традиционную одежду, субботние свечи и т.д.

Однако через пятнадцать лет даже Николаю I и его чиновникам стало ясно, что кавалерийским наскоком твердыню еврейской религии не возьмешь. А так как причиной всех зол (в который раз!) был признан Талмуд, то было решено подорвать изнутри систему традиционного еврейского образования, создав для этой цели сеть переходных "христианизирующих" школ. Двигателем нового курса стал министр народного просвещения С.Уваров.

Привыкшие не ждать ничего хорошего от правительства, еврейские общины восприняли "просветительную" кампанию Уварова как новое средство склонить евреев к перемене религии. В народе так прямо и говорили, что "прежде крестили через казарму, а теперь будут крестить еще и через школу". Неудивительно поэтому, что никто из родителей и не думал отдавать своих детей в новые школы, и "просветительная" реформа вскоре провалилась. (Забегая вперед скажем, что обучение в русских учебных заведениях стало популярным среди еврейской молодежи только во время правления Александра II, когда диплом стал давать некоторые гражданские права без условия перемены религии.)

Тогда же, в 1840 году, правительству очень важно было пробить брешь в пассивном сопротивлении "упрямого народа" и втянуть хотя бы отдельных лиц в систему русского образования. Политика властей в данном случае совпала с устремлениями первых маскилим, видевших в светском образовании залог лучшего будущего для своего народа. В те годы просветители еще нередко сотрудничали с правительством, которое преследовало свои собственные цели и поддерживало нарождавшуюся еврейскую интеллигенцию до тех пор, пока та боролась за реформу традиционного образа жизни, не требуя для народа гражданских прав.

Теперь нам ясны и мотивы поведения русских чиновников, и взгляды самого Мандельштама, о которых мы узнаем из его "Записок":

"Три идеала управляли донине моим духом и сердцем: образование, родина и моя нация".

Отправляясь в далекое путешествие в Москву, Мандельштам ощущал исключительную значимость своего поступка, почти мессианское свое предназначение и огорчался непониманием своей выдающейся роли соплеменниками.

"Так я стою теперь - дикий, сильный, свободный сын природы, любящий свое отечество и язык родимого края, но несчастный несчастием своих единоверных братьев. Я разгневан на их ожесточение, губящее их способности, но я привязан узами родства и чувства к их бедствиям. Цель моей жизни есть оправдать их перед светом и помочь им удостоиться этого оправдания. Они не злы и не неизлечимо испорчены,

но они лежат как отчаянный больной со стиснутыми зубами и не хотят целительных капель из рук врача, но, может быть, их сын родной, часть их души, страдающий с ними вместе, успеет их к этому склонить".

Легко понять недоверие, с которым относилось традиционное еврейство к "новому курсу" правительства и к призывам кооперировавшихся с ним маскилим. Вот цитата из письма к Мандельштаму его брата, выросшего, как и он, не в самой ортодоксальной семье: "Отец дал тебе платье, ты его перемеришь, мать играла твоими кудрями, ты их срежешь. Ты станешь говорить языком, для нас непонятным, и будешь писать рукою, для нас незнакомою. Лишь не измени своей детской любви к отцу и матери нашим... брат, брат, не забудь своих родных".

На пути в Москву юноша встретил кантора, который, узнав о цели его путешествия, спросил:

"Зачем вы едете? Вы могли быть первым в своем народе, а оставляете все, чтобы быть последним среди ученых христиан". Мандельштам ответил:

"В Талмуде сказано:

- Будь лучше последним у львов, чем первым у зайцев".

Мандельштам поступил в Московский университет, потом перевелся в Петербургский, который закончил в 1844 году со степенью кандидата философии (общая словесность). В соответствии со своими юношескими устремлениями он посвятил свою жизнь просвещению родного народа. Печатался в "Еврейской библиотеке", находясь за границей, впервые перевел Пятикнижие и псалмы на русский язык для евреев; книги с параллельным еврейским текстом вышли сначала в Вене и только через несколько лет - в 1869 году - в России. Там же, за границей, Мандельштам занялся научной работой, изучал философию. После бегства в Америку главного помощника Уварова в осуществлении "просветительных" реформ еврея М.Либиенталя (тот, по слухам, эмигрировал, когда в министерстве ему открыто предложили креститься) Мандельштам был назначен на должность "ученого еврея" при Министерстве народного просвещения и содействовал открытию государственных училищ для евреев. Он даже составил ряд учебных пособий для этих заведений, но, так как план провалился, Мандельштам в 1857 году покинул свой пост и опять уехал за границу.

Последние свои годы ученый доживал в Петербурге в большой нужде. Библиотека его была описана приставом. Умер он на пароходе при переезде с Васильевского острова на Петроградскую сторону, но не был опознан как еврей и похоронен вместе с православными. Только впоследствии его прах перезахоронили на Преображенском кладбище.

Современники писали о Леоне Иосифовиче как о человеке, исполненном чувства собственного достоинства, отзывчивом к чужому горю, мечтательном и романтическом. Он издал много книг (нередко за свой счет), которые предназначены были просвещать еврейский народ. Интересно, что Мандельштам стал первым переводчиком стихов А.Пушкина на иврит. В один из своих учебников он включил отрывок из поэмы "Медный всадник". Доживая свой век в нищете, всеми забытый, он никому не жаловался на свое положение. Его мемуары, опубликованные в 1909 году под названием "Из записок первого еврея-студента в России", полны интересных и остроумных наблюдений о быте евреев в середине девятнадцатого века.

Еще при жизни Мандельштама ситуация с образованием резко изменилась. Еврейская молодежь восьмидесятых годов штурмовала университеты, как как диплом обещал лучшую жизнь и право селиться вне черты оседлости. Но теперь поступить в вуз могли отнюдь не все желающие. Процентная норма, введенная в 1887 году, разрешала принимать не более десяти процентов евреев от общего числа студентов в университеты западных губерний, пять процентов - в учебные заведения вне черты оседлости и три в университеты Петербурга и Москвы. Кроме того, некоторые высшие учебные заведения (например, Институт железнодорожных инженеров и Медико-хирургическая академия) были полностью закрыты для евреев, а в черте оседлости вузов было крайне мало. Тот, кто не попадал в российские университеты, если позволяли средства родителей, получал образование за границей. Справочная книга "Рассвета" за 1910 год специально с этой целью сообщала условия приема в учебные заведения Европы.

После революции 1905 года советы профессоров вузов получили право самостоятельно формулировать условия приема студентов. Это привело к временной отмене процентной нормы. Вместе с либеральными преподавателями за отмену дискриминации стояли и многие студенты. На одной из студенческих сходов Петербургского университета в 1906 году было решено "признать принцип открытых дверей в университет, т.е. прием без различия национальности, вероисповедания, возраста и пола; упразднить процентное ограничение для евреев; принять в настоящее время всех евреев явочным порядком".

В 1908 году процентная норма опять была введена законом, что резко снизило количество еврейских студентов, обучавшихся в русских вузах. Вообще, в Министерстве просвещения считали, что евреи учатся для уклонения от воинской повинности и для того, чтобы получить право проживания в крупных городах. Никто не сомневался, что еврейские студенты верховодят в студенческом самоуправлении, причем "влияние студентов-евреев поддерживается присущей этой национальности взаимопомощью".

По данным ОПЕ, в 1886 году (до введения процентной нормы)

в Петербургском университете обучалось 268 евреев (11,4 процента от общего числа учащихся).

В 1911 году (через три года после вторичного введения процентной нормы) - 661 еврей (7,8 процента).

Данные по Одесскому университету за те же годы соответственно:

172 (29,8 процента) и

513 (19 процентов).

За границей в 1913 году обучалось 12 тысяч студентов из России, 60 процентов из них были евреями. Из всех студентов

35 процентов учились в Германии,

25 - во Франции.

С 1911 года еврейская общественность пыталась организовать в России частный политехнический институт без процентной нормы, чтобы хоть как-то улучшить положение с высшим образованием для евреев. Эти попытки усилились, когда из-за первой мировой войны отпала возможность учиться за рубежом. 21 января 1917 года в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) был, наконец, открыт Политехнический институт. Он принял триста первых студентов-евреев. Устав института предполагал изучение еврейской истории и литературы. Свободным от занятий днем стала суббота. Впоследствии институт вошел в государственную сеть вузов.

Перечислить всех известных евреев, окончивших Петербургский (Ленинградский) университет, конечно, невозможно. Отметим хотя бы тех, кто потрудился в Петербурге на ниве еврейского просвещения. Это барон Д.Г.Гинцбург, востоковед, кандидат университета и председатель петербургской общины;

И.Г.Эйзенбет, учредитель и директор еврейской гимназии на Театральной площади (окончил юридический и восточный факультеты);

И.Ю. Маркон, востоковед, редактор журнала "Ха-кедем" (восточный факультет);

М.И.Шефтель, председатель Общества для научных еврейских изданий (юридический факультет);

С.М.Михоэлс, знаменитый деятель еврейского театра (юридический факультет).

Профессорами в самом университете были этнограф Л.Я.Штернберг и историк С.Н.Валк. Необходимо также назвать профессора С.А.Бершадского, нееврея, но одного из первых добросовестных исследователей еврейства Литвы и Польни.

* * *

На Университетской набережной Васильевского острова, сплошь застроенной архитектурными шедеврами, выделяется массивное, отовсюду заметное здание Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина (бывшая Академия художеств). Оно возведено в 1764 - 1788 годах архитекторами А.Ф.Кокориновым и Ж.-Б.Валлен-Деламотом. Каменный спуск от академии к Неве сторожат египетские сфинксы, вдохновившие не одно поколение художников и поэтов. Они воспеты на многих языках, в том числе и на иврите - поэтом Давидом Шимоновичем:

Эта полночь полна волшебства.

Мрамор зданий сияньем облит,

И во сне беспокойном Нева

Плещет и черный, недвижимый гранит.

И встают средь ночной синевы

Два гиганта два сфинкса у вод...

Тихо слушают ропот Невы,

Белый Север им песню поет.

Я иду к ним в сияньи немом,

В царстве белых волнующих чар.

Город спит, отягченный грехом,

И во сне его душит кошмар.

Над дворцами застыли рои

Легких тучек - лазурных, как лед.

Вот изгнанники братья мои -

Сфинксы дремлют у северных вод...

(Перевод С.Маршака)

Быть может, еще помнящие поколение исхода, эти сфинксы сто лет назад стали свидетелями дотоле невиданного процесса появления в стенах Академии художеств еврейских студентов. В главе "Коломна" мы уже рассказывали о первых выпускниках академии. Дополнением к этому рассказу послужат краткие очерки о наиболее известных художниках и скульпторах - евреях, окончивших академию и преподававших в ней.

Скульптор Илья Яковлевич Гинцбург родился в 1860 году в Вильно, а умер в Ленинграде в 1939 году. Когда Гинцбургу было только одиннадцать, на талантливого мальчика обратил внимание тогда еще молодой Антокольский и взял с собой в Петербург. В первые годы Гинцбург учился в студии самого Антокольского, затем в академии (1878 - 1886) и закончил художественное образование за границей на средства своего однофамильца барона Гинцбурга.

Известность и славу Илье Яковлевичу принесла галерея скульптурных портретов его великих современников: Л.Толстого, А.Рубинштейна, П.Чайковского, Н.Римского-Корсакова, И.Шишкина, Л.Пастернака, Д.Менделеева, Г.Гинцбурга, М.Антокольского, Ф.Родичева, П.Милюкова, Ф.Шалапина. Он - автор богатырской скульптуры В.Стасова на надгробном памятнике знаменитому критику в Александро-Невской лавре, надгробья Антокольского на Преображенском кладбище (1909, не сохранилось), памятника Н.Гоголю на Полтавщине (1910). Еще два бронзовых монумента работы И.Я.Гинцбурга были установлены в Ленинграде при советской власти: Г.В.Плеханову (1925) у Технологического института и рядом, около Института метрологии, Д.И.Менделееву (1932).

Интересны воспоминания скульптора "Из прошлого", где замечательно описаны детство И.Гинцбурга в Вильно, его многолетняя дружба с М.Антокольским, встречи с Л.Толстым, П.Кропоткиным, Г.Гинцбургом, С.Боткиным, В.Стасовым, В.Верещагиным, В.Серовым. Илья Яковлевич участвовал в работе еврейских организаций. Он был товарищем председателя Еврейского общества поощрения художеств, а затем директором Еврейского историко-этнографического музея. Жил скульптор рядом с академией, на Второй линии Васильевского острова.

Художник Исаак Львович Аскназий родился в местечке Дрисса Витебской губернии в 1856 году, умер в 1902 году в Москве. Ныне он почти не известен, а, между тем, в свое время был очень популярен. И.Л.Аскназий учился в академии в 1870 - 1880 годах и стал ее членом, не достигнув

тридцати лет, - первый российский еврей - академик живописи. Тематика его работ (написанных в академическом стиле), была, как правило, глубоко еврейской: библейские и исторические сюжеты, бытовые сцены. К лучшим его картинам принадлежат "Авраам изгоняет Агарь и Исаила", "Моисей в пустыне", "Екклесиаст", "Смерть Иуды Галеви", "Еврейская свадьба", "Канун субботы".

Но наиболее известным произведением Аскназия стало полотно "Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году". Сюжет основан на историческом факте. В ходе войны с Польшей русская армия захватила Полоцк, где была значительная еврейская община. На запрос воеводы, что делать с евреями, Иван Грозный приказал их всех крестить, а кто откажется - топить в реке. Картина хранилась в Петербурге, в коллекции С.Л.Гуревича. Где она сейчас, мы не знаем. До своего переезда в Москву И.Л.Аскназий также жил на Васильевском острове в Малом проезде, № 10.

Юрий (Иехуда) Моисеевич Пэн родился в Ново-Александровске Минской губернии в бедной еврейской семье. В 1879 году он по совету Аскназия поехал держать экзамен в Академию художеств, но его не приняли. Поступил Пэн в академию в 1882 году. Его товарищами стали А.Серов и М.Врубель. В 1891 году Юрий Моисеевич поселился в Витебске, где основал школу живописи и скульптуры - первую во всей Белоруссии.

Именно эта студия сделала имя художника знаменитым. Ведь из нее вышли М.Шагал, С.Юдовин, З-Азгур, С.Гершов. Не случайно именно в Витебске в 1919 году на базе пэновской студии Марк Шагал открыл Академию живописи, в которой, кроме него и Пэна, преподавали К.Малевич, Е.Лисицкий, А.Куприн. Пэн прожил в Витебске до самой своей смерти в 1937 году. Многие художники гордились тем, что были его учениками. Работы Пэна, которые украшают многие коллекции, в том числе музеи Витебска, выполнены в традициях русского реализма, хотя в них ощущаются и новые веяния. Среди его персонажей часто встречаются простые евреи: портные, часовщики, швея, дети, старики и старухи. Он писал виды родного Витебска, пейзажи, жанровые сцены. Интересны его автопортрет и портрет Шагала. Картины Пэна запоминаются надолго, как любое настоящее произведение искусства.

Совсем иных взглядов и эстетических принципов придерживался в своем творчестве Леон Бакст (Лев Самойлович Розенберг, 1866, Гродно - 1924, Париж). Он представлял новое поколение живописцев (учился в академии с 1883 по 1887 год) и был весьма ассимилированным евреем. Бакст входил в группу художников, которые в значительной степени обеспечили успех русской живописной школы в начале двадцатого века. Вместе с Л.Бенуа, Б.Анисфельдом, М.Добужинским и другими он основал творческий союз "Мир искусства". Кто сейчас не знает о "мирискусниках"?

В Русском музее, Третьяковской галерее хранятся работы К.Сомова, Е.Лансере, А.Бенуа, К.Габаря. Есть картины и Бакста.

Он много работал в книжной графике и станковой живописи, но самые замечательные его достижения принадлежат театру. В "Александринке" Бакст оформлял спектакли в греческом духе (трагедия Еврипида "Ипполит", 1902 - 1903). Бакст совершил поездку в Грецию, интерес к древнему искусству которой, а также к Востоку, прослеживается во всем его творчестве. В молодости, по романтической причине художник крестился, но позднее демонстративно вернулся в лоно иудаизма. Когда в 1909 году власти выслали его за это из Петербурга, он примкнул к балетной труппе С.Дягилева и переехал в Париж, где стал главным художником всех спектаклей знаменитого постановщика: "Египетских ночей" Аренского (1909), "Шахеразады" Римского-Корсакова (1910), "Жар-птицы" Стравинского (1910).

Считается, что Леон Бакст оказал большое влияние на развитие европейского театра, сделав яркие стилизованные костюмы и декорации важнейшим элементом театрального зрелища. Его костюмы усиливали эффект спектакля, подчеркивали динамику танца актера. Помимо работы с Дягилевым, Бакст оформил немало спектаклей в театрах Парижа, Лондона, Рима, Нью-Йорка. Его петербургский адрес: Звенигородская улица, № 22. У Бакста, как и у Пэна, учился молодой Шагал.

Художники, скульпторы, архитекторы часто селились на Васильевском острове, вблизи академии. Архитектор Яков Германович Гевирц, автор проекта молельни на еврейском кладбище, жил в Среднем проезде, дом №11. В академии он много лет был профессором.

Прямо напротив академии, в доме Воронина (Пятая линия, № 4) в 1870 - 1872 годах жил М.М.Антокольский (см. также пятую главу). Его квартира находилась на четвертом этаже. Когда Марк Матвеевич привез одиннадцатилетнего И.Гинцбурга в Петербург, мальчик первое время жил именно в этой квартире. Мастерская Антокольского помещалась в самой академии, на четвертом этаже. Там скульптора в 1871 году посетил Александр II.

На Первой линии, возле Румянцевского садика, в доме № 4, принадлежавшем в прошлом Давиду Гинцбургу, жил в 1922 году Натан Исаевич Альтман. Он учился не в Петербургской академии, а в Одессе и Париже. Кроме знаменитых портретов В.Ленина, А.Луначарского, А.Ахматовой художник создал много костюмов и декораций для еврейского театра. Он оформил спектакль "Ха-диббук" (1922), "Уриэль Акоста" (1921), был художником кинофильма "Еврейское счастье" (по Шолом-Алейхему). Широко известны его иллюстрации к произведениям еврейских писателей - С.Галкина ("Бар Кохба"), И.Л.Переца

"Горит"(1940). Замечателен его портрет С.Михозлса. Список можно продолжить. Интерес к еврейскому искусству не покидал художника никогда.

* * *

Недалеко от дома Д.Гинцбурга, в красивом трехэтажном здании на углу Третьей линии и Большого проспекта жил действительный статский советник, купец первой гильдии Лев Павлович (Арье Лейб Файвелевич) Фридлянд (1826 - 1898). Он был заметной фигурой в еврейском Петербурге. В семидесятых годах избирался членом правления общины. На Преображенском кладбище до сих пор существует склеп семьи Фридлянд. В историю же купец вошел главным образом благодаря библиографу и библиофилу Самуилу Еремеевичу Винеру (1860 - 1923), жившему неподалеку: Соловьевский переулок, № 23 (сейчас улица Репина).

Это был, по образной характеристике С.Дубнова, "человек с пергаментным лицом и сам живой пергамент с начертаниями заглавий всех старопечатных еврейских книг". Именно Винер уговорил Льва Павловича поставить памятник умершей жене в виде хранилища старопечатных книг и манускриптов. Вдовец скупал целые библиотеки, включавшие редкие рукописи и инкунабулы, через того же Винера, а затем завещал все это собрание Российской академии наук для помещения в Азиатский музей (Университетская набережная, №5) при условии назначения своего Друга на должность библиотекаря и библиографа.

Винер был типичным еврейским вундеркиндом. Еще в детстве он прославился тем, что составил сводный каталог всех изданий, хранящихся в библиотеках родного города. Не имея высшего образования, он получил право жительство в Петербурге, правда, временно, до окончания составления каталога коллекции Фридлянда. Ничего удивительного, что библиотекарь не торопился. За тридцать лет он описал меньше половины всех книг.

После Азиатского музея библиотеку Фридлянда унаследовал Институт востоковедения АН СССР. "Гам ее каталогизация ведется по сей день.

* * *

Учащиеся и преподаватели Ленинградского издательско-полиграфического техникума на Пятой линии Васильевского острова, №28 вряд ли знают, что в этом скромном двухэтажном доме в 1917 - 1922 годах помещалось отчасти родственное техникуму учреждение: еврейское издательство "Кадима" ("На восток" или "Вперед"),

выпускавшее литературу сионистского направления. Это видно по его продукции, включавшей книги Т.Герцля, М.Нордау, Л.Пинскера.

Впрочем, для еврейского историка наибольшую ценность представляет изданный "Кадимой" "Еврейский ежегодник на 1918 - 1919 гг.". До 1912 года он выходил в Вильно, но уже четвертое издание (1912 - 1913) было конфисковано правительством, а против редактора возбужден судебный процесс. Виленская судебная палата разрешила выпуск календаря при условии, что 120 страниц, посвященных Палестине, будут изъяты. Предисловие к послереволюционному петроградскому выпуску заканчивается оптимистической нотой: "Только в 1917 году, после падения самодержавного режима, стало возможным приступить к подготовительным работам для нового издания".

В календаре содержится множество интересных статистических сведений о жизни евреев. Приводится, например, численность евреев по всем странам и многим городам. Мы узнаем, что в европейской России до первой мировой войны жили

6 миллионов 321 тысяча евреев и еще 177 тысяч - в Закавказье, Средней Азии и Сибири.

В России в бывшей черте оседлости проживали в 1917 году 3 миллиона 305 тысяч евреев;

в Польше и Литве - 2 миллиона 448 тысяч.

В Ковно и Варшаве евреи составляли 40 процентов всего населения,

в Бердичеве - 78.

Интересны данные об уровне образования русских евреев.

В 1910 году в Петербурге было 33 хедера, где 35 учителей преподавали 176 мальчикам и 21 девочке. Среднее образование еврейские дети Петербурга большей частью получали в коммерческих и частных училищах, где они составляли соответственно 30,4 и 37,3 процента всех учащихся. В высших учебных заведениях России в 1909 - 1910 годах обучался 7241 еврейский студент, то есть 11 процентов общего числа всех студентов. Показательна таблица смертности в Российской империи по возрастам и вероисповеданиям на 1896 - 1897 годы.

Например, уровень смертности на каждую тысячу детей до года составлял

среди православных 282,8;

у лютеран - 178,5;

у католиков - 149;

у магометан 166,4;

у евреев 130,4.

Одним словом, важность информации в "Еврейском ежегоднике" для историка трудно переоценить. В нем есть данные об эмиграции, еврейской преступности, описание большинства еврейских обществ в России и за рубежом с указанием их адресов. В конце календаря - перечень основных событий еврейской жизни года. Конечно, в петроградский сборник вошли сведения о Палестине - те самые, из-за которых издателей судили в Вильно.

Ленинградцы помнят, что в доме №33 по Десятой линии еще недавно находился математико-механический факультет ЛГУ. До революции здесь размещались Высшие женские курсы, более известные под названием Бестужевских. Не углубляясь в историю самих курсов, впрочем, весьма интересную, отметим, что и к еврейской истории они имеют отношение.

Известный адвокат М.Айзенберг в статье "Плеве и еврейки-бестужевки" вспоминает, что некая Двойра Рафайлович, окончившая курсы в 1902 году, поселилась отдельно от отца, но ее право жительства в столице как обладательницы диплома о высшем образовании не было признано полицией, ибо министр внутренних дел Плеве приказал полицейскому управлению не делать евреям снисхождения. Айзенберг занимался делом Д.Рафайлович восемь лет(!), пока наконец в мае 1910 года Государственный совет не признал Бестужевские курсы высшим учебным заведением, До этого на протяжении восьми лет статус курсов оставался сниженным специально для того, чтобы изгнать из Петербурга нескольких выпускниц-евреек.

В 1904 году в "Бсстужевкс" училась дочь историка С.М.Дубнова Софья (впоследствии жена члена ЦК Бунда Г.Эрлиха). В том же году ее исключили за участие в студенческих волнениях. Именно тогда девушка написала пророческие стихи о Плеве - гонителе евреев. В них Плеве сравнивался с Хаманом⁷, японцы, угрожавшие русским, с Киром⁸, а царская Россия с Вавилонией⁹. Стихи были напечатаны "Восходом", но весь тираж конфисковали. Однако предсказанное С.Дубновой сбылось: министр внутренних дел был вскоре убит эсером Сазоновым.

В десятых годах на Бестужевских курсах существовал кружок по изучению еврейской истории под руководством профессора Карташова. В двадцатых в здании курсов разместился трехгодичный рабфак (директор Шульман), в котором были и национальные отделения. Еврейским отделением, где обучение велось на идише, заведовал

Гитлиц, математику здесь преподавал З.А.Киссельгоф, а черчение и рисование - С.Б.Юдовин.

* * *

Первое еврейское учебное заведение на Васильевском острове появилось не позднее 1879 года. В газете "Ха-мелиц" от 16 (28) октября было опубликовано сообщение о том, что частная еврейская гимназия и коммерческая школа Вайдемана теперь возглавляются доктором Эрделем и переехали по новому адресу: Девятая линия, №44.

В последующие годы небольшая, но сплоченная община Васильевского острова постоянно содержала какие-либо учебные заведения, главным образом хедеры, при небольших синагогах. На Третьей линии в доме № 48 на втором этаже (вход со двора) в начале двадцатого века находилась одна из таких синагог. При ней действовало еврейское училище для детей бедняков под руководством Софьи Афанасьевны Зельцер. Его поддерживало Общество для оказания помощи бедным евреям Васильевского острова и Галерной гавани ("Цдоко гдейло"), расположенное в доме №33 по Среднему проспекту. Председателем был доктор Л.И.Вейнгероф. Программа училища, рассчитанная на три-четыре года, включала наряду с религиозными предметами иврит и основы еврейской истории (по-русски). В 1918 - 1920 годах еще одна аналогичная синагога с хедером находилась на Среднем проспекте, №16.

* * *

На Васильевском острове сохранилось здание, которое более полувека было связано с воспитанием и образованием еврейских детей. Это дом №37 на Десятой линии, рядом с Бестужевскими курсами. Он окружен небольшим садом за высокой оградой. Около 1890 года жена знаменитого барона Горация Гинцбурга Анна Гсселевна основала здесь еврейский сиротский приют. Впоследствии финансирование этого учреждения взял на себя ее сын, золотопромышленник Александр Горациевич. Управление приютом перешло к дамскому попечительскому комитету под председательством баронессы Матильды Юрьевны Гинцбург (вероятно, жены Давида Гинцбурга). Лечил детей Григорий Исаакович Дембо, врач еврейской богадельни представитель знаменитой петербургской династии врачей (см. о нем также в четвертой главе).

Революция окончилась общинными приютами. Их сменили государственные детские дома. Так как еврейское население черты оседлости страшно пострадало в результате войн и погромов, они не пустовали. В начале двадцатых годов поезд из десяти вагонов привез в Петроград еврейских сирот из Белоруссии и Украины. Дети много

испытали за свою короткую жизнь. Среди них были будущие математики и музыканты, комсомольские активисты и герои грядущей войны. Их принял бывший еврейский приют на Десятой линии, названный впоследствии 76-м детским домом. Настоящим отцом детей стал вновь назначенный заведующий Зиновий Аронович Киссельгоф.

З.А.Киссельгоф, ярчайшая личность, педагог в самом высоком смысле слова, был известен в общественной жизни Петербурга еще с десятых годов двадцатого века. Он входил в ЦК ОПЕ, в комитет Общества еврейской народной музыки, был преподавателем в еврейской гимназии Эйзенбета и в еврейском ремесленном училище при ОПЕ на Офицерской улице, №42. Благодарные потомки будут помнить его как талантливого педагога, организатора еврейского образования, хорошего музыканта и блестящего знатока и страстного собирателя еврейского фольклора.

В 1917 году Киссельгоф вместе с другими ведущими педагогами столицы организовал Петроградское еврейское учительское общество. В первом обращении общества говорилось:

"Наконец-то наступил момент, когда многое из того, о чем мы мечтали многие годы, может и должно воплотиться в жизнь. Теперь, товарищи, цепи рабства пали. Созданы большие возможности, горизонты нашей работы расширились и углубились. Теперь, когда вся страна и каждая группа в отдельности приступают к организации своих сил... нам, евреям, безусловно, необходимо как можно скорее осуществить и зафиксировать наши естественные культурные права... В союзе с другими нацменьшинствами упрочится и наша собственная позиция..."

Учредители общества были полны решимости поднять уровень еврейского школьного образования.

Новая должность в определенной степени давала возможность Зиновию Ароновичу осуществить планы общества. Впоследствии на базе детского дома была организована 14-я полная национальная еврейская школа, а затем (с 1938 года) - 11-я неполная национальная школа. Киссельгоф был назначен ее директором. Детским же домом стала заведовать Юдифь Михайловна Дворкина. К 1931 году в школе насчитывалось 267 учащихся (по 30-35 человек в классе). Детдомовцы составляли не более десяти процентов учеников, но именно они говорили на идише и были национальным ядром школы. Приходящих детей притягивал общий высокий уровень преподавания, а идиш, который они изучали наряду с другими иностранными языками два-три раза в неделю, воспринимался скорее как обуза. Получать за него высокие баллы считалось даже как-то неприлично. Дирекция сделала было попытку в начале тридцатых годов перевести преподавание большинства предметов на идиш, но от этого

пришлось отказаться, так как многие языком владели плохо и успеваемость стала быстро падать,

Зато процветала внеклассная самодеятельность на идише. Зиновий Аронович поощрял художественные, музыкальные и драматические кружки. В школе был хор, многие дети проявили большие музыкальные способности. Сам Киссельгоф играл на концертино. На третьем этаже, в актовом зале, где во времена сиротского приюта была синагога, часто устраивали замечательные концерты. В благоприятной обстановке у многих ребят открылись творческие таланты. Фрида Юдборовская (она погибла во время войны) обладала замечательным сопрано, одинаково хорошо исполняла русские классические романсы и еврейские песни. В памяти бывших воспитанников до сих пор сохранилась бесхитростная колыбельная, которую она часто пела:

Шлоф, шлоф, шлоф.

Дайн тате вет форн ин дорф,

Вет эр бренген а ниселе.

Вет зайн гезунд ди фиселе.

Шлоф, шлоф, шлоф.

Дайн тате вет форн ин дорф,

Вет эр бренген ан эпеле.

Вет зайн гезунд ди кепеле...

Спи, спи, спи.

Твой папа поедет в деревню,

Привезет орешки.

Будут здоровы ножки.

Спи, спи, спи.

Твой папа поедет в деревню,

Привезет яблоки.

Будет здорова головка...

Миня Вейсман, Арон Рубинштейн, Сема Жаровский и другие играли в драматическом кружке. самого талантливого из них. Леву Шмидта, Михоэлс взял в свою труппу. кипела жизнь и у юных живописцев, работавших под руководством учителя рисования Бориса Ефимовича Цирлина. Оформлялись выставки на русском и идише о жизни школы, выпускалась стенгазета "Детдомовец". Один из кружковцев по фамилии Кацман стал профессиональным художником. Он погиб во время войны.

Для Киссельгофа фольклор был не собранием забытых текстов, а частью современной культуры народа. И он щедро дарил его своим ученикам. Школу нередко посещали знаменитые тогда еврейские актеры, писатели, многие из которых были друзьями директора: Эпельбаум, С.Михоэлс, В.Зускин, П.Маркиш. Приезжал еврейский вокальный ансамбль "Евоканс". Да и сами дети выступали с концертами в Евдомпросвете, в ленинградском отделении Общества по земельному устройству трудящихся-евреев (ОЗЕТ), в трамвайном парке имени Леонова, который шефствовал над школой.

Любовь к детям, педагогический талант, огромный опыт, мощная эрудиция помогли Киссельгофу сделать школу родным домом не только для сирот, но и для всех учеников. Он буквально жил школой. Его квартирка, состоящая из одной комнаты и кухни, находилась рядом с учительской, и преподаватели заходили сюда запросто. Штат Зиновий Аронович подбирал придирчиво, но уж тот, кто был принят, оставался работать надолго. Между учителями установились самые дружеские, неформальные отношения. Как и директор, они были незаурядными специалистами и неумными энтузиастами. Знания, которые получали ребята, выходили далеко за рамки школьной программы. Неудивительно, что почти все они окончили впоследствии вузы, а многие защитили кандидатские и докторские диссертации.

Тем не менее все сказанное еще не объясняет, что же особо замечательного было в этом коллективе. Ведь и в других школах работали квалифицированные преподаватели и учились способные дети. Еврейская культура? Но о каких серьезных знаниях можно говорить без иврита, еврейской истории, Танаха? Да и идиш преподавали весьма поверхностно. Почему же тогда загораются глаза у бывших воспитанников Киссельгофа, лишь только вспоминают они школьные годы? Почему они ищут своих старых учителей, переписываются, перезваниваются, встречаются друг с другом? Вероятно, причина тому - атмосфера доброты и братства, которую смог создать в то нелегкое время педагог милостью Божьей Зиновий Аронович Киссельгоф. Все помнят его согнутую фигуру (что-то у него было с позвоночником), заложенные назад руки, лысую голову и небольшие усы. Характер он имел вспыльчивый, иногда даже кричал на учеников, но этого никто не боялся, зная доброту директора.

Многие воспитанники не дожили до сегодняшнего дня, особенно мальчики, ведь к началу войны они достигли призывного возраста. Погибли на фронте Арон Рубинштейн, Ефим Гамбург, Яша Гершкович, Ролик Гильбергер... Гершкович был большим эрудитом и прекрасным оратором. Рубинштейну прочили большое будущее в науке. Эти надежды не сбылись. Те, кто выжил, стали химиками, биологами, юристами, искусствоведами... Бывший пионервожатый Лйзик Шпильберг окончил еврейский рабфак, а затем юридический факультет университета, стал еврейским писателем и журналистом, живет в Смоленске и публикуется в "Советиш геймланд".

Все они, уже пожилые люди, с востер! ом вспоминают своих учителей: Дину Григорьевну Михайловскую, Марию Ноевну Розенблюм, Марка Давыдовича Домнича (он погиб в первый год войны). Марка Яковлевича Шницера, Льва Марковича Иохсльчука, Исаака Лондона и, конечно, Зиновия Ароновича Киссельгофа.

Возможность доказать на деле свою преданность любимому директору представилась ученикам в 1937 году, когда Киссельгофа арестовали. Тогда школьники написали коллективное письмо в его защиту. Мы не знаем, помогло ли оно или были другие причины, но примерно через год постаревшего и больного педагога отпустили. К другу в Ленинград приехал Михоэлс и устроил, как тогда I сверили, "триумф". На праздновании своего освобождения Зиновий Аронович простудился и через пару недель умер. На похороны Киссельгофа на Преображенском кладбище пришли его воспитанники. Вместе с его смертью окончилась история последней еврейской школы в Ленинграде.

* * *

Мы уже неоднократно упоминали имя Семена Марковича Дубнова еврейского историка. Пришла пора рассказать о нем подробнее. Многие места в Ленинграде связаны с его именем. На Васильевском острове он жил на Восьмой линии, № 35 (бывший № 33) и на Восемнадцатой линии, № 9; работал в библиотеке Л.Фридлянда (1888 - 1889) и в Азиатском музее (1906); читал лекции на Бестужевских курсах (1911) и на Курсах востоковедения (1908 - 1917); выступал на еврейском митинге в здании биржи в июне 1917 года.

Семен Маркович Дубнов (1860 - 1941), еврейский историк, публицист, литературный критик и общественный деятель, прожил долгую и плодотворную жизнь. Что стоит за этими словами? Как историк он создал новое направление в еврейской истории, собрал и опубликовал тысячи документов, написал десять томов "Всеобщей истории евреев", "Историю евреев Польши, Литвы и России", участвовал в создании Еврейской энциклопедии и "Истории еврейского народа", редактировал журнал "Еврейская старина"... Исследователей восточноевропейского

еврейства, за исключением Оршанского и Берт адского, до Дубнова фактически не существовало. И несмотря на то, что сегодня его книги могут показаться несколько многословными, найдется ли хоть одна серьезная работа о евреях Польши, Литвы и России без ссылок на Дубнова или, в крайнем случае, без пересказа собранных им сведений? Как публицист и литературный критик Дубнов печатался практически во всех еврейских изданиях Петербурга - от умеренного "Русского еврея" до сионистского "Рассвета". Но главной его трибуной был, конечно, "Восход", в котором он сотрудничал под псевдонимом Критикус. В своих статьях он боролся против антисемитизма, отстаивал права евреев на автономию, предлагал реформы еврейской общинной жизни, выступал против ассимиляции, поддерживал развитие национальной литературы.

Дубнов менее всего походил на кабинетного ученого и как общественный деятель постоянно находился в эпицентре всех главных событий в жизни русского и мирового еврейства: спорил, убеждал, доказывал, воспитывал... Он прочел сотни публичных лекций (даже не имея диплома о высшем образовании). Он состоял председателем Еврейского литературного общества, был товарищем председателя Еврейского историко-этнографического общества. Разработав теорию "автономизма", Дубнов сам же стал претворять ее в жизнь, создав "Еврейскую народную партию".

За свою долгую жизнь С.М.Дубнов был свидетелем и участником множества драматических событий. Родился он в эпоху либерализма при Александре II, а умер в оккупированной нацистами Риге. Начал свою деятельность активным поборником просвещения и реформ иудаизма, полный надежд на скорое торжество всеобщего братства, а закончил ее, торопясь записать свои показания о еврейских погромах в Германии.

Семен Маркович родился в Мстиславле во второй день празднования еврейского Нового 5621 (1860) года. Его дед, Бенцион Дубнов, был духовным лидером местной общины, а предки жили в городе Дубно на Волыни с середины семнадцатого века. Впервые Дубнов приехал в Петербург в июне 1880 года с целью продолжить образование. С тех пор до 1922 года его жизнь была связана с этим городом. И хотя в период 1889 - 1906 годов Дубнов постоянно жил в Одессе и Вильно, он регулярно посещал Петербург. Экзамены за курс классической гимназии сдать не удалось, и тогда, изменив планы, Дубнов решил заняться историей и журналистикой. В 1882 году он стал одним из главных сотрудников "Восхода", бывшего на протяжении многих лет единственным журналом на русском языке для "новой" еврейской интеллигенции. Как и "Восход", Дубнов выступал сначала сторонником Хаскалы. Однако в то время маскилим переживали глубокий кризис. Ассимилированная интеллигенция, разочарованная в старых идеалах (мысль о том, что просвещение само по себе принесет народу равенство и счастье, уже не казалась столь очевидной), искала выхода в возврате к

традиционной жизни, в крещении, в революции, в сионизме. Вокруг "Восхода" тогда сплотились все те, кто еще отстаивал идеи шестидесятых годов.

В одной из первых своих статей "Какая самоэмансипация нужна евреям", представляющей собой публичный ответ на палестинофильскую брошюру Л. Пинскера "Автоэмансипация", Дубнов доказывал, что евреям нужны не Палестина, не государство, а в первую очередь внутренние религиозно-бытовые реформы. Автор видел в евреях не нацию, а только религиозную общность. Да и религия, по его мнению, требовала обновления, так как Талмуд, а в особенности раввинизм, невероятно запутали и усложнили Моисеево законодательство, изолировав еврейский народ от других наций. Необходимо "уничтожение племенной обособленности, освященной раввинизмом, путем подкапывания основ последнего и, возможно, полная гражданская ассимиляция с окружающим нееврейским населением" - вот что рекомендовал народу двадцатитрехлетний космополит. В том же духе была выдержана статья "О реформе школьного воспитания", где предлагалось упразднить хедеры, о чем должно позаботиться правительство, не останавливаясь перед самыми строгими мерами.

Однако к концу восьмидесятых годов Дубнов переходит на национальные позиции. На это, видимо, повлияло ухудшение положения евреев в России и, конечно, усиленные занятия еврейской историей, которые захватывают его целиком.

Первые же работы: "Саббтай Цеви и псевдомессионизм в семнадцатом веке", "Яков Франк и секта христианствующих", несколько статей о хасидизме определили основную область исследований Дубнова - историю евреев России и Польши, тогда еще мало изученную. В своей брошюре "Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества" (1911) он обращается к населению с просьбой собирать исторические документы. Ему начинают присылать материалы, и их обработка и публикация становятся важной частью его жизни. Достаточно упомянуть приложения к "Еврейской старине": "Областной иинкос Ваада главных еврейских общин Литвы", "Регесты и надписи", куда вошла часть документов, собранных историком.

С другой стороны, сама современная действительность была для Дубнова материалом истории. Недаром его дневники "Кита жизни. Воспоминания и размышления" имеют подзаголовок "материалы для истории моего времени". Именно из этого ценнейшего источника черпаем мы многие сведения для наших очерков. Приведем несколько цитат из второго тома мемуаров Дубнова (1903 -1922):

"Из шумной Восьмой линии мы передвинулись в более тихую Восемнадцатую линию и попали в один из тех каменных мешков, каких

много в Петербурге. Квартира в надворном флигеле пятиэтажного дома выходила окнами на узкий и глубокий двор-колодец, доставляющий скупой свет даже летом; осенью и зимой дни превращались в вечные сумерки...

В городе мы очутились в новой обстановке. Из тесной квартиры на окраине Васильевского острова мы переместились в просторную квартиру, нанятую в новопостроенном доме моего приятеля, адвоката Манделя, на Петроградской стороне. В доме, построенном на берлинский лад, с центральным отоплением, пришлось ввести и электрическое освещение. Только с одним культурным удобством я еще не мог мириться - с телефоном. Как ни трудно было обойтись в большом городе без телефона, я сопротивлялся всем попыткам устроить в моей обители эти "уши в стенах", через которые в любой момент может ворваться шум улицы и мешать моей сосредоточенной работе".

Во время первой мировой войны Дубнов часто вспоминал восьмидесятые годы, молодость, работу в "Восходе", тогдашних друзей: "Вчера после полудня ходил по 1ауге ауо1 (могилам предков). В серые полуночные часы бродил по Никольскому садику, прошел по у1а йо1ого5а 1883 и 1885 - 86 годов от бывшей квартиры по Средней Подьяческой (все так же стоит тот старый желтый дом №16), через Львиный мостик мимо Казанского участка, к редакции "Восхода". Теснились в голове образы былого, когда я спешно, под накрапывающим дождиком проходил по этим могилам прошлого...

Потом пошел с И. на "кивре овес", к тому двухэтажному дому на площади Троицкой церкви у Измайловского проспекта, где мы провели с Фругом осень, зиму и весну 1883 - 1884 гг. Стоит ветхий домик в прежнем виде, но весь занят фабрикой (это здание не сохранилось. - М.Б.)...

Кончил "Воспоминания о Фруге", просидев таким образом дважды "Шиве", проделав двойной траур. Сегодня был опять в том районе, где мы жили. Прошел через памятный Львиный мостик на Офицерскую, немножко поднялся по лестнице дома №17, где в 1882 - 85 гг. была редакция "Восхода" (поблизости жил там Фруг), затем прошел по площади Большого театра, где была типография с редакцией с 1886 г. Опять бродил по кладбищу прошлого и дивны, священны переживания этих минут..."

Итак, в конце восьмидесятых - начале девяностых годов взгляды Дубнова изменились, сформировалось зрелое мировоззрение ученого: его отношение к еврейской истории, нации, прошлому и будущему народа. История евреев у Дубнова - это не история законодательства о евреях, как у Оршанского, и не исключительно духовная история, как у Греца, не непрерывная цепь страданий и преследований, как писали исследователи в Германии, пытаясь в чем-то оправдаться перед

читателями-христианами. Дубнов делает попытку создать полнокровную картину эволюции еврейской жизни со всеми ее темными и светлыми моментами, изучая экономику, политику, быт, религию, культуру. У него в истории активно участвует сам народ, не являясь только жертвой сильного соседа. И хотя такой подход Дубнов выдержал не во всем, после него уже стало невозможно писать по-старому.

Современны были взгляды Дубнова на еврейскую литературу как на литературу на любых языках, написанную евреями для евреев. Приветствуя возрождение иврита, он ценил роль и значение в диаспоре литературы на идише, способной дойти до самого малообразованного читателя. Он также признавал еврейскую литературу на русском, немецком и других языках, которыми владеет еврейский читатель.

Мировоззрение Дубнова, каким оно стало в начале двадцатого века, наиболее полно выражено в "Письмах о старом и новом еврействе", сборнике статей, печатавшихся с 1897 по 1907 год. Книга во многом раскрывает позицию автора. В "Письмах" историк излагает свою теорию развития нации, которая, по его мнению, проходит три этапа: расовый, территориально-политический (социально-автономный) и культурно-исторический (духовный). На первых двух этапах нации могут распадаться и исчезать, так как их существование зависит от внешних факторов: общности территории, наличия государственности. Народ, достигший в своем развитии третьего этапа, исчезнуть не может, ибо обретает духовные атрибуты: культуру, историю. Чем дальше продвинулась нация по этапам своего развития, тем большую роль в ее становлении играют не экономико-политические, а духовные факторы, в первую очередь национальное сознание. Единственным примером сохранения нации при утрате территории и государственности Дубнов считал евреев, прошедших второй этап еще две тысячи лет назад и давно представляющих собою "духовную нацию". При этом он цитировал Фурье:

"Народ прежде всего есть совокупность людей, которые сами себя рассматривают как народ".

"Иудаизм, - писал Дубнов, - это целая полоса культуры-всеобъемлющее мировоззрение... Можно быть евреем по пророкам или по Талмуду, по Маймониду или "Шулхан-аруху", по Мендельсону или Бешту, даже по Спинозе и Гейгеру. То есть еврей, даже неверующий, как правило, может найти близкие себе идеи внутри иудаизма... Евреям как нации если не присуща определенная идея всей истории, то, несомненно, присуща "идейность", непрерывное духовное творчество без периодов варварства".

В своей книге Дубнов выступает за право евреев называться нацией, против ассимиляции:

"Ассимиляция есть не только отречение от народных интересов еврейства, но и отрицание индивидуальной свободы еврейской нации и ее равноценности в международной семье" (письмо второе).

Национализм автора писем - это ни в коей мере не принижение других народов или презрение к ним, но стремление к равенству своего народа среди других свободных наций:

"Признавайте свободу всякого национального индивида, как свободу своей собственной нации, или: уважайте чужую национальность как свою собственную".

Дубнов считал, что евреи не могут претендовать на уважение других народов, не будучи патриотами, "т.к. с уважением относятся только к личности, которая сама себя уважает". Ассимиляция же - "способ спасения еврейского народа через национальное самоубийство" (письмо четвертое).

Но как добиться полного гражданского равенства в диаспоре, избегнув ассимиляции? Ведь в Западной Европе да отчасти и в России долгое время считалось, что национальное отречение евреев есть плата за эмансипацию. Как спасти народ, отходящий от религии, когда лишь она одна на протяжении веков сохраняла еврейство? По Дубнову, ответ на оба вопроса один; создавать национальные партии, всем вместе бороться за национальные интересы, отстаивать национальную культурную автономию. Другими словами, обязанности распадающейся общины должны взять на себя организации нового типа. Чтобы убедить читателя в правильности своих слов, Дубнов цитирует речи и статьи многих общественных деятелей-неевреев: депутата австрийского рейхстага Брейтера, писателя Марка Твена, чешского профессора Т.Массарика (будущего первого президента Чехословакии). Все они сходятся в одном: причина бедственного положения именно в том, что евреи слишком пассивны в отстаивании национальных интересов.

Что же понимает Дубнов под национально-культурной автономией? В письме "О национальном воспитании" он определяет автономию как самоуправление общины, свободное распространение родного языка и независимость школы. Этих элементарных прав, по мнению Дубнова, евреи могут и должны добиваться в любой стране проживания. В качестве первых конкретных шагов на пути к автономизации Дубнов предлагал создать "Еврейскую народную партию". Такая партия была им организована в 1906 году. В нее вошли некоторые бывшие члены Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. Она, впрочем, так и не сыграла существенной роли в жизни русских евреев.

Борясь с ассимиляторами, Дубнов одновременно резко полемизировал с сионистами. Ему был понятен духовный сионизм Ахад-ха-Ама, который

ратовал за создание в Палестине национально-культурного очага, но политический сионизм (построение еврейского государства) он считал не только утопической, но и вредной для масс идеей. Путем простых выкладок Дубнов доказывал, что даже в лучшем случае к началу двадцать первого века в Палестине будут жить не более полумиллиона евреев. А что делать остальным десяти миллионам евреев Европы? Для них сионизм станет разочарованием, несбывшейся мечтой, толкнет обратно к ассимиляции. Если только Палестина может спасти народ от исчезновения, то "сионисты невысокого мнения о еврейском народе".

"Сионизм - это лекарство для слабых, - писал Дубнов. - Но опасное лекарство, если утопия не обратится в реальность" (письмо шестое). И добавлял: "Мне нет надобности быть палестинофилом для того, чтобы оставаться евреем".

После страшной гибели шести миллионов европейских евреев в нацистских лагерях смерти особенно жутко звучит неосознанное пророчество Дубнова. Полемицируя со своим другом Ахад-ха-Амом, он писал; "Охотно допускаю, что горсть евреев в Палестине будет жить более "полной национальной жизнью", чем в диаспоре, и наперед радуюсь этому, но меня занимает также участь громады еврейства, остающейся в диаспоре. Или, может быть, Палестина будет Ноевым ковчегом, где спасется от всемирного культурного потопа лишь часть евреев, между тем как все остальные погибнут? Но такой жестокий приговор над диаспорой, конечно, не входит в программу духовных сионистов" (письмо седьмое).

Все темы, затронутые автором в "Письмах", были чрезвычайно актуальны тогда для еврейства: еврейская пресса в России за сорок лет, эмиграция в Америку, пронзительный анализ уроков еврейских погромов. В последнем письме, названном "Уроки страшных дней", Дубнов с глубокой горечью пишет о более чем скромной реакции русской общественности на жуткие проявления средневекового варварства: "Как раз но реагировали ("прогрессивная общественность") на погромы и на введение военного положения в Польше. По поводу первого (тысячи трупов) - вздох сожаления, кое-где крики негодования. По поводу второго - организованная забастовка, протесты и негодующие резолюции, серьезные представления правительству (там жертв не было)".

Помимо научной, Дубнов вел большую просветительную работу, писал популярные статьи о выдающихся представителях еврейской культуры, например "Еврейский Некрасов" (о И.Гордоне), "Луццатто", "Иммануил Римский". С 1908 года он читал лекции в Вольном университете П.Ф.Лесгафта, на Высших курсах еврейских знаний (Курсы востоковедения барона Гинцбурга). После Февральской революции он преподавал в еврейском университете Петрограда.

К октябрьскому перевороту Дубнов отнесся резко отрицательно. В своих дневниках он называл власть большевиков "хамократией". Кроме, того он не мог спокойно смотреть на участие евреев в "красном терроре" и мрачно предрекал, что придет время, когда всему народу придется платить за дела этих отщепенцев. В 1922 году Дубнов навсегда покинул Россию. Можно себе представить, как тяжело было шестидесятидвухлетнему историку расставаться с городом, где прошли его лучшие годы, тем более, что он всегда был склонен идеализировать прошлое. Помните?

"Сегодня опять был в том районе, где мы жили. Прошел через памятный Львиный мостик... немножко поднялся по лестнице дома № 17... Опять бродил по кладбищу прошлого..."

Сначала Дубнов уехал в Литву, но там не оказалось вакантного места в университете. Берлин поначалу показался более привлекательным. Здесь вышла его "Всемирная история еврейского народа", переведенная на английский, французский, испанский, идиш и иврит. Приход нацистов к власти не сразу поднял Дубнова с места, а когда он все же уехал из Германии, то направился не в Америку или Палестину, куда его звали, а в Латвию, где, по мнению Семена Марковича, было легче достать материалы для последнего тома главной работы его жизни. Здесь, в Риге, он погиб в самом начале гитлеровской оккупации, отказавшись от предоставленной ему в последний момент возможности спастись бегством. По преданию, он воскликнул перед смертью: "Братья, не забудьте, запомните все, что было! Братья, оставьте это на памяти!"

Теперь, по прошествии лет, нам ясно, что Дубнов был в чем-то неправ, что в своих некоторых прогнозах он ошибался. Его "автономизм" потерпел поражение в Европе и, в измененном виде, существует сейчас, пожалуй, только в США. Однако задача историка не пророчествовать, а добросовестно и честно фиксировать настоящее и изучать прошлое. И в этом отношении достижения Семена Марковича Дубнова трудно переоценить.

Уходит из-под ног у дедов почва

В могучей Вильне, некогда богатой Варшаве

И в центре знаменитом талмудизма -

Воложине. Их внуки

Бегут от варварства, галут преумножая.

Спасаются от римских легионов -

Кто прытью ног, кто хитростью крещенья.
Оставленный бегущими, поэт
О попоранной Шохине горько плачет
Пред теми, кто еще не убежал -
По слабости, по глупости и лени.
Толпливые когда-то синагоги,
Бейт-мидраши, иешивы и дворы
Хвастливых цадиков, равно как и погосты,
Теперь пусты.
Не Бог, а многобожье
Сейчас в почете у израильтян.
"Треть вымрет, треть сбежит, треть отречется!"
Оракулы в чиновничьих мундирах
Правей бывают самых правоверных.
В такое время не талмид-хахамам
Провозглашать провидческие сны.
Пустеет Вильна - "Сура с Пумпедитой"
- И нового гаона не родит.
Какое гам, погромы за погромом.
Литва была почти что Палестиной,
Теперь - Черта вычеркивает жизни
И жертвой беспричинной братской злобы
Местечко пало, как когда-то Храм.
Сбежавший из Черты интеллигент
- В немецком платье, в сером Петербурге

На шумной Петроградской стороне,
В Коломне, на Васильевском притихшем
Пытается хоть память удержать,
Собрать что можно, записать, оставить.
Иосиф Флавий, но не перешедший
К Веспасиану.
Нет, с его культурой,
Но не с всеядством царского слуги.
Он знает, что пройдет и этот ужас...
Когда-нибудь. Тогда его работу
Разыщут непременно и прочтут.
Работает историк день и ночь,
Пока еще на улице спокойно
И есть минута сесть и написать
О появлении новых Маккавеев.

Глава четвертая. ДОМ НА ПЯТОЙ ЛИНИИ

Экскурсию по Васильевскому острову нельзя считать завершенной, не посетив дом №50 на Пятой линии. На протяжении почти двадцати лет (с 1913 по 1930 год) в этом здании размещалось множество еврейских организаций. Пожалуй, этот небольшой, но внушительный четырехэтажный дом, спроектированный архитектором Я.Г.Гевирцем, является одной из главных достопримечательностей еврейского Петербурга. Поэтому мы решили посвятить ему отдельную главу.

Дом был построен в 1911 году для еврейской богадельни на средства Моисея Акимовича Гинсбурга, щедрого благотворителя, разбогатевшего на армейских поставках во время русско-японской войны. Гинсбург входил в хозяйственное правление петербургской общины и давал деньги на многие еврейские начинания. По-видимому, он не был чужд тщеславия, так как стал председателем попечительского совета богадельни, которой присвоили его имя. Однако время посмеялось над ним. В народной памяти известные петербургские еврейские деятели - Гинцбурги, Гинзбурги и Гинсбурги -- слились в одного "барона Гинзбурга", которому евреи приписывали все добрые дела. А Моисея Акимовича вроде бы и на свете не существовало.

До революции богадельней заведовал А.П.Тынянов, а лечил стариков профессор Григорий

Исаакович Дембо, представитель славной петербургской династии врачей. Его отец, Исаак Александрович (1846 - 1906), прославился работами в защиту шхиты - способа убоя скота и птицы по еврейскому религиозному закону. Григорий Исаакович активно сотрудничал в Обществе охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ), редактировал сборник "Вопросы биологии и патологии евреев" (Л., 1926 - 1930). До революции он практиковал также в еврейском сиротском приюте (о котором мы рассказывали в предыдущей главе). В соответствии с врачебной этикой того времени одиноким старикам и сиротам медицинская помощь оказывалась бесплатно. Не брал денег Григорий Исаакович и с посетителей больницы имени Великой княжны Марии Федоровны. На Преображенском кладбище сохранился общий памятник трем поколениям замечательной врачебной династии.

В двадцатые годы заведующим и врачом богадельни стал молодой доктор Ефим Евсеевич Клионский, выходец из Витебской губернии. По воспоминаниям очевидцев, он тоже лечил бесплатно. Одновременно Клионский вел научную работу в Ленинградском институте туберкулеза под руководством профессоров А.Я.Штернберга и М.Р.Борока. После

войны Е.Е.Клионский многие годы заведовал туберкулезным отделением в больнице имени И. И. Мечникова, был профессором Второго ленинградского мединститута, написал более пятидесяти научных статей и книг. Жили Клионские в трехкомнатной квартире в главном здании богадельни на четвертом этаже. Жена доктора, Нега Аароновна, стала одной из дам-патронесс.

Слово богадельня у многих людей, выросших при советском строе, вызывает сугубо отрицательные эмоции. Вспоминаются персонажи пьесы М.Горького "На дне" и других классических произведений на ту же тему. Действительно, в богадельне жили инвалиды войны, жертвы погромов, бездомные, не имеющие средств к существованию старики. Однако бытовые условия были вполне сносными. Обитателей богадельни селили по двое и по трое в отдельных комнатах, большая кухня обеспечивала всех кошерной пищей. Конечно, атмосфера в этом маленьком, замкнутом мирке сохранялась особая. Были здесь свои праведники и грешники, свои объекты почитания и насмешек. Многим обитатели этого дома напоминали персонажей Бялика, Шолом-Алейхема, Бабеля.

По словам Неги Аароновны, в двадцатые годы в богадельне вряд ли было более ста призреваемых. Большинство из них составляли женщины. Жена доктора вспоминает, что у двери стоял швейцар в форме, "дядя Миша". В кухне за огромной плитой хозяйничала русская кухарка Ольга. Богаделки, имевшие личные сбережения, могли покупать себе продукты и готовить отдельно. В комнатах царил чистота. К завтраку, обеду и ужину приглашал дурачок Файвка. Он звонил в колокольчик и кричал: "Абет! Абет!" Среди обитателей богадельни выделялся слепой старик, образованный человек, знавший несколько языков. Когда его внука забирали в армию, он в отчаянии так ударился головой о косяк двери, что ослеп. На лестнице, у входа часто можно было видеть женщину по фамилии Копылова, неотрывно смотрящую на дверь. Она безуспешно ждала брата, преуспевающего инженера, беззаботно сбывшего ее с рук в богадельню и почти не посещавшего ее. Другая женщина по прозвищу Шампань была раньше вышивальщицей. Говорили, что ее изнасиловал сын хозяйки магазина, где она работала. Шампань помогала чинить одежду кастелянше Александре Владимировне, единственной русской, жившей при богадельне.

К завтраку обычно выходила экономка Эсфирь Марковна Равребе, которую все любили за деликатность и доброту. Вместе с мужем, ученым Иехиэлем Равребе*, они занимали две комнаты рядом с квартирой Клионских. Своих детей у них не было, и они воспитывали племянника Пинхаса Зальцмана, ставшего впоследствии участником еврейской историко-этнографической экспедиции 1927 года.

Больным еду разносили по комнатам. После завтрака их навещала фельдшерица Юлия Львовна Гордон. В сложных случаях приглашали доктора Клионского. Для религиозных стариков на втором этаже оборудовали синагогу.

Упомянута богадельня и у С.М.Дубнова в его "Книге жизни": "7 августа 1915 г. Вчера посетил приют беженцев из Малкина (польского городка) в богадельне, здесь на В.о., рядом с нашим архивом историко-этнографического общества. Измученные мужчины и женщины рассказывают о неизвестном чудовищном факте в близлежащем посаде Заремба-Касцельна. Населению посада было приказано уйти в определенный срок, а когда к сроку несчастные не выбрались, казаки оцепили местечко и подожгли его со всех сторон. Поляков выпустили, а многие евреи, замкнутые в этом костре, погибли".

Средства на богадельню поступали в основном из частных источников. Дамы-патронессы регулярно устраивали благотворительные вечера. Один из старых петербуржцев, А.Б.Иоффе, вспоминает, как он сам участвовал в таких вечерах в составе детского хора при еврейском начальном училище для бедных. В концертах выступали Натан Перельман, будущий профессор Ленинградской консерватории, Борис Фрейдков, ставший солистом Театра оперы и балета имени С.М.Кирова, исполнительница еврейских народных песен Голубева. Организовывали аукционы, где обычные вещи шли по неслыханным ценам. В двадцатые годы нэпманы, желая выказать щедрость, платили иной раз сотни рублей за бутылку вина, торт" букет цветов.

Часть средств богадельня получала от Ленинградского комитета помощи евреям - жертвам войны (ЛЕКОПО).

* * *

В ноябре 1906 года в особняке барона Горация Гинцбурга на Конногвардейском бульваре (ныне бульвар Профсоюзов, №17) собрались учредители первого светского еврейского вуза в России - Института еврейских знаний (Еврейской академии). Присутствовали: Гораций Евзелевич Гинцбург, его сын, ориенталист Давид Горацевич, доктор Л.И.Каценельсон, историк С.М.Дубнов, чиновник Министерства юстиции Яков Гальперн и другие видные еврейские деятели. "Больной старик, уже с печатью близкой смерти на лице, полулежал в глубоком кресле... и молча слушал доклад сына и наши прения", - вспоминал впоследствии С.Дубнов.

Целый год потратил Давид Горацевич на хлопоты. Наконец в 1907 году в журнале "Ха-кедем" появилось объявление, гласящее, что "Министерство высшего образования разрешило барону Давиду фон Гинцбургу открыть Высшую школу еврейских знаний под названием

"Курсы востоковедения" в г.Петербурге". Юдофобское русское правительство не могло допустить, чтобы "неприличное" слово "еврейских" появилось на вывеске высшего учебного заведения, и прикрыло "грех" фиговым "восточным" листком. Журнал опубликовал программу курсов, включавшую научный анализ Танаха и Талмуда, еврейскую и всеобщую историю, философию, языки, литературу и искусство народов Востока, психологию, педагогику. Очевидно, что выпускники курсов должны были иметь солидную эрудицию. Еврейская энциклопедия писала, что учредители видели задачу курсов в том, чтобы "создать интеллигентный элемент среди евреев, который сумеет с успехом отвечать духовным и научным потребностям русского еврейства, служить его интересам в качестве общественного раввина или учителя и содействовать сохранению в целом заветов прошлого".

Предполагалось, что преподавать на курсах будут лучшие в городе историки, востоковеды, лингвисты, знатоки еврейской литературы: Л.Каценельсон, И.Маркон, С.Дубнов, Д.Гинцбург, А.Зарзовский, А.Каменецкий, М.Вишницер, Г.Слиозберг, А.Карлин, М.Гольдштейн. Ректором курсов стал их учредитель Д.Гинцбург.

В разрешении властей на открытие курсов фигурировал дом Д.Гинцбурга на Первой линии, №4, но занятия с января 1908 года проходили в помещении еврейской гимназии Г.Эйзенбета в Никольском переулке, №7 (ныне улица Мясникова). Вскоре "еврейская академия" переехала на Восьмую линию, №33 (сейчас №35) в дом, где жил Семен Маркович Дубнов. Здесь же было устроено студенческое общежитие. В 1911 году курсы перевели на Шестую линию, №5, а в июле 1913 года они окончательно обосновались в помещениях еврейской богадельни на Пятой линии.

До кончины Д.Гинцбурга в 1910 году занятия иногда проходили в его доме. По словам С.Дубнова, барон не придерживался строгой программы. Он приглашал студентов в свою огромную библиотеку, где на столах лежали редкие фолианты, брал какой-нибудь классический еврейский труд и предлагал кому-то читать вслух, а сам объяснял непонятные места.

"Наши слушатели, - писал С.Дубнов в "Книге жизни", - набирались преимущественно из провинциальных самоучек или экстернов, бывших ешиботников, подготовленных к слушанию специальных еврейских предметов, но не обладавших достаточным общим образованием; последнему требованию удовлетворяли лишь немногие из них, да еще студенты университета, которые являлись на наши вечерние лекции. Были и некоторые слушательницы Высших женских курсов".

По уровню подготовки выделялись одесситы, ученики историка И.Клаузнера. Один из студентов, Залман Рубашов, возглавил

впоследствии еврейское рабочее движение в Эрец-Исраэль, а затем стал президентом Израиля (он вошел в историю под именем Залман Шаэар). Бывший сосед Рубашова по комнате, Соломон Цейтлин, получил мировую известность как исследователь периода Второго Храма и после-библейской еврейской литературы. Цви Войцлавский стал крупным израильским писателем и критиком, Иехезкель Кауфман - специалистом по Тапаху и философом. Точное число слушателей нам неизвестно, но, по словам Дубнова, его курс средневековой еврейской истории слушали сорок человек.

В большинстве своем студенты были очень бедны. Не имевшие разрешения полиции жили нелегально, как тогда шутили "на дворянских правах", то есть давали взятки дворнику, чтобы тот не доносил властям. Те, кому повезло, устроились в общежитии. Питались в еврейской студенческой столовой на Шестой линии. Многие подрабатывали уроками иврита. По вечерам в общежитии вспыхивали жаркие дискуссии. Идишисты спорили с гебраистами, сторонники Дубнова - с учениками Клаузнера, сионисты - с социалистами.

С.Дубнов в своей "Книге жизни" неоднократно неодобрительно отзывался о качестве преподавания в "еврейской академии". По его мнению, лишь Каценельсон, Вишницер да он сам учили хорошо, "а в остальном был полнейший хаос". Д.Гинцбург же считал ересью "критический подход" Дубнова к еврейской истории, последний, в свою очередь, вообще отказывался признать в бароне ученою, а видел в нем лишь эрудированного дилетанта. Характер у Семена Марковича был нелегкий.

После смерти Д.Гинцбурга ректором стал Л.Каценельсон. Но финансовый источник, питавший курсы, иссяк. Руководство с трудом собирало деньги только на оплату помещения и помощь бедным студентам. Профессора работали бесплатно. Зато барон уже не мог помешать реформе преподавания, которая тормозилась его консерватизмом. В 1913 году курсы получили наконец более просторное помещение в здании богадельни, где просуществовали еще года два. Хотя справочники называли их "еврейской академией", это все же было небольшое частное учебное заведение, поддерживаемое семьей Гинцбургов и другими филантропами. Идейные конфликты, давление властей, недостаток средств не способствовали превращению курсов в полноценный еврейский вуз. Следующий шаг в этом направлении был сделан в 1919 году с открытием Еврейского университета.

* * *

Одним из самых эрудированных студентов на Курсах востоковедения был высокий сутулый блондин, выходец из набожной хасидской семьи Иехиэль Равребе. Он родился в 1882 году в местечке Барановка

Волынской губернии. Все местные евреи были хасидами, приверженцами Макаровского цадика.

Когда в местечко приезжал цадик, наступал праздник. Ребе любил, чтобы кто-нибудь из детей пел ему во время трапезы. Это была великая честь и для ребенка и для родителей. В один из визитов цадика, в канун субботы, когда синагога была полна молящимися, маленький Иехия протиснулся вперед. Ребе узнал его, усердного ученика хедера, сына ревностного хасида.

- А сегодня, сердце, будешь петь за столом, - сказал мальчику цадик.

- Но, Ребе, у меня нет голоса, и я не умею петь, - пролепетал Иехиэль в испуге.

- Да, да, сердце, сегодня будешь петь за столом, настоял цадик.

Пришлось петь. Этот вечер, вкус рыбы и вина со стола Ребе мальчик запомнил на всю жизнь.

По воспоминаниям племянника Равребе Давида Кривицкого, до десяти лет Иехиэль учился в хедере затем перешел в бейт-мидраш. Он отличался отменными способностями и огромным трудолюбием. Дни и ночи юноша проводил в учении и заслужил титул илуй (исключительно одаренный). Однако его все сильнее привлекал большой мир, светские науки. На полях Талмуда он набрасывает свои первые стихи. Эти опыты увидели свет в журнале "Ха-цофе" ("Наблюдатель"), что сблизило автора с местной интеллигенцией. Юноша увлекся модными социальными теориями и вошел в кружок социалистов на Барановской фарфоровой фабрике, где работали специалисты со всего мира. Он познакомился с нелегальной литературой, у него на квартире сделали обыск. Тогда же Равребе написал стихотворение на идише "Ди вебер" ("Ткачи") и отослал его в газету "Дёр фрайнд" в Петербург.

Как единственного сына в семье Равребе не взяли в армию, и в двадцать один год он женился на Эстер (Эсфирь) Лебензон. На несколько лет Иехиэль уехал в Вильно - столицу еврейской учености, где получил звание раввина и... аттестат зрелости. К этому времени молодой человек порвал с социалистами и примкнул к кружку раввина И.Л.Кантора, часто бывал в доме Ш.Страшуна. В 1907 году Равребе переехал в Петербург.

На Курсах востоковедения это был один из первых студентов. Он поражал всех глубоким знанием Танаха, раввинской литературы, иврита, арамейского языка. Юноша отличался такой застенчивостью и деликатностью, что почти не имел друзей. Никто не знал, что он женат (Эсфирь Марковна приехала в Петербург много позднее). Б.Д.Иоффе, дочь петербургского раввина Каценеленбогена, детям которого Иехиэль

преподавал иврит, рассказывала, что ее мать все недоумевала, почему такой приятный молодой человек уклоняется от любых попыток его сосватать.

В первые годы учебы на курсах Равребе жил в общежитии на Восьмой линии, №33. Никого не удивляло, что он занял там отдельную комнату, - так велик был авторитет этого скромного студента. Однако официального права на жительство в столице получить не удавалось. З.Рубанюв писал, что друг Равребе, поэт Давид Шиманович, даже сочинил стихотворение, в котором сутулость Иехиэля объяснял враждебным влиянием холодного Петербурга и общей неустроенностью. В конце концов, барон Гинцбург выхлопотал Равребе вид на жительство в качестве... мастера по изготовлению чернил.

Иехиэль Израилевич был прирожденным ученым, книжником и сторонился бурной общественной жизни. Однако у него были свои увлечения и привязанности. Он посещал Общество любителей древнееврейского языка и Общество любителей еврейской литературы. Будучи поэтически и музыкально одаренным, он перевел на иврит диалоги к опере Сен-Санса "Самсон и Далила", поставленной в Тенишевском училище режиссером Голинкиным. По-видимому, это была первая и последняя инсценировка оперы на иврите в России. В 1919 году ее пытались возобновить в Оперной студии при консерватории, даже напечатали афиши, но премьера не состоялась. Музыкальность Равребе была столь очевидной для всех, что его, говорят, свели с Шаляпиным, который интересовался еврейскими мелодиями. Иехиэль Израилевич учил русского певца "Ха-тикве". Рассказывают, Шаляпин пел сионистский гимн на иврите и по-русски в таком приблизительно переводе:

Не лишились мы надежды, светлой и отрадной, Вновь узреть обетованный край наш ненаглядный.

Стихи Равребе получили признание. В девятисотых годах он печатался в таком солидном литературном журнале на иврите, как "Ха-шилоах", в котором сотрудничал Х.Н.Бялик. З.Рубашов вспоминал, как Иехиэль читал ему свои стихи, полные романтических мотивов.

Хуша, Ариэль, прош кнафеха

Ве-аль-олами ашреха зере.

У-бе-од захареха ло-нидеах,

Ракиа холем алай нете.

Молчи, Ариэль, расправь свои крылья

И на мой мир твое счастье рассей.

И пока твое сиянье не угасло,

Сонным небом меня заслони.

Считается, что во многих стихах Равребе заметно влияние Бялика. В этом нет ничего удивительного, так как талант Бялика был огромен, а авторитет непререкаем. Он покровительствовал молодым еврейским поэтам.

Последние свои стихи Равребе напечатал в московском сборнике "Хаткуфо" ("Эпоха") в 1918 году. Потом он занимался только наукой и лишь изредка писал статьи. В 1922 году он опубликовал в "Еврейском вестнике" отклик на обзор молодой поэзии на идише, сделанный С.Л.Цинбергом. Последний приветствовал жизнерадостные стихи П.Маркиша и членов его кружка, называя их "чудом радостным и бодрящим". Равребе был возмущен "бодростью" Маркиша, так не соответствовавшей трагической действительности периода революции и гражданской войны:

"Но если на одном берегу Днепра тянутся вереницы еврейских гробов, а на другом сидят дети этих же самых убитых и воспевают украинскую ширь и даль, и нет скорби в их песнях, и нет проклятия на их устах, - то это, может быть, и чудо, но уж во всяком случае не радостное и не бодрящее".

В 1924 году в Минске открылся Институт белорусской культуры. И.И.Равребе и И.Ю.Маркона пригласили читать лекции на еврейском отделении. Маркон стал профессором средневековой еврейской литературы, а Равребе доцентом. Через два или три года Равребе уволили за недостаточную критику "националиста" Дубнова. Вместе с ним ушел из института и И.Маркон. Тот эмигрировал в Германию, а Равребе возвратился в Ленинград. Здесь ученый жил в квартире при еврейской богадельне, где его жена, Эсфирь Марковна, работала экономкой.

Целые дни Равребе проводил в залах Публичной библиотеки и Азиатского музея, которые тогда не отапливались, собирая материалы для фундаментального исследования Цинберга "История еврейской литературы".

Он перевел на идиш выдержки из древних пинкасов (летописей) общин Несвижа, Луцка и Судилкова, сборников респонсов.

В 1926 году в "Еврейской летописи" появилась статья Равребе "Свадьба макаровского цадика", являющаяся ценным свидетельством о жизни

российских хасидов. В 1928 году в "Еврейской старине" была напечатана работа, посвященная лжемесссианскому движению Шабтая Цви.

Наконец, в последнем, тридцатом номере "Еврейской старины" исследователь опубликовал статью "Мстиславское буйство в еврейском народном творчестве".

Число еврейских научных изданий в России резко сократилось. Некоторые труды Равребе печатал за границей, но в Советском Союзе их уже мало кто мог оценить - многие еврейские ученые эмигрировали. Равребе остро чувствовал, что нужно спасти еврейские источники от гибели. Он писал:

"Не пора ли еврейским историкам, этнографам, композиторам и бытописателям взяться за разбор нашего наследия... пока мировая буря не рассеяла его остатки по семи морям?.."

Тридцатые годы застали Иехиэля Израилевича известным в СССР и за границей ученым. Период богадельни кончился. Овдовев, Равребе переехал в дом №26-28 по Каменноостровскому проспекту, в котором жил С.М.Киров. Работал он по-прежнему без отдыха, целыми днями. Круг друзей стал еще уже: доктор Н.Шварц, один из последних еврейских поэтов Ленинграда, историк Д.Шульман да семья петербургского раввина Д.Каценеленбогена. По мнению одного из тогдашних знакомых ученого, Равребе знал не менее двадцати языков. В тот период он составлял картотеку знаменитого фонда Фирковича в Публичной библиотеке, вместе с И.Н.Винниковым работал над конкорданцией к Иерусалимскому Талмуду. В 1934 и 1935 годах в Ленинграде были выпущены два сборника информационных бюллетеней еврейской группы отдела национальностей Публичной библиотеки. Равребе не только редактировал сборники, но и поместил в них наиболее весомый материал с описанием фонда старинных рукописей. Бюллетень размножался на мимеографе мизерным тиражом. Это было последнее "еврейское" периодическое издание в Ленинграде.

Широкий научный резонанс вызвала статья Равребе "О клинописных текстах из Рас-Шамра", опубликованная в 1935 году в "Известиях АН СССР". В 1929 - 1932 годах французские археологи нашли в развалинах древнего Угарита глиняные таблички с клинописными надписями. К концу 1930 года совместными усилиями ученых многих стран письменные знаки были дешифрованы, однако сам язык, один из ханаанских диалектов, оставался непонятным. Равребе исследовал грамматику этого языка и сумел значительно преуспеть в понимании клинописных текстов. Интересен его анализ пантеона ханаанейских богов и сравнение некоторых библейских сюжетов с древнеханаанскими мифами. Работа Равребе сильно продвинула изучение табличек Рас-Шамра и во многом обогатила семитологию вообще. По этому поводу в

"Известиях" была напечатана большая статья с портретом ученого. А одна еврейская американская газета с гордостью сообщила: "То, что не удалось христианским исследователям, раскрыл поэт, писатель и ученый советский еврей И.Равребе".

По мнению Л.П.Каценеленбогена, за это открытие Равребе предлагали место профессора в Тбилисском университете, но подтверждения его словам у нас нет. В конце тридцатых годов ученого арестовали. Некоторое время он сидел в Крестах, и передачи ему носила его бывшая ученица Берта Давыдовна Иоффе. В Эрец-Исраэль Д.Кривицкий с помощью З.Рубашова и Х.Н.Бялика сумел выхлопотать для Равребе сертификат на въезд в Палестину. Документ переслали британскому консулу в Москве, но было уже поздно...

В плеяде еврейских ученых нового времени Иехиэль Равребе был звездой первой величины. К сожалению, возшла она в период заката еврейской жизни в России.

* * *

С домом №50 на Пятой линии связаны истории нескольких еврейских добровольных обществ, возникших в Петербурге в начале двадцатого века. Это время характерно повышением интереса к творческому наследию народов, населявших Российскую империю. Работа в области этнографии, охраны памятников старины развернулась в среде русских и украинских ученых. Усиленно изучалась жизнь малых народов, организовывались этнографические экспедиции, собирался фольклор. Все это можно объяснить бурным ростом науки, пробуждением национального самосознания, опасениями интеллигенции, что традиционные формы народной жизни подвергнутся быстрому разрушению. Последнее соображение особенно касалось еврейства России.

В 1908 году усилиями И.Оршанского, И.Лернера, С.Гинзбурга, С.Дубнова, П.Марека, С.Раппопорта (Ан-ского), М.Винавера и других ученых и общественных деятелей было создано Еврейское историко-этнографическое общество (ИЭО). Его цель, согласно уставу: собирание и изучение материалов о прошлом и настоящем еврейских общин России и Польши. Возглавил общество известный адвокат, депутат Первой государственной думы Максим Моисеевич Винавер (см. о нем также в главе пятой). Товарищами председателя стали С.М.Дубнов и просветитель М.И.Кулишер. Активно участвовали в работе общества С.Гольдштейн, М.Сыркин, Л.Штернберг, И.Шефтель, Г.Слиозберг, С.Лозинский, И.Клейнман, С.Цинберг.

С января 1909 года ИЭО издавало журнал "Еврейская старина", который публиковал много ценных документов, мемуаров, статей по истории

еврейских общин. Общество собрало значительную коллекцию еврейских рукописей и книг. Функционировало оно только в Петербурге, отделений в других городах не имело. После эмиграции М.Винавера, а затем и С.Дубнова председателем ИЭО и редактором журнала стал профессор Л.Штернберг (с 1924 года). С 1927 года обществом руководил С.Цинберг.

ИЭО неоднократно меняло адреса: Каляева, №25 (квартира М.Винавера), Некрасова, №35 (квартира Ю.Гессена). Седьмая Советская, №6, Рылеева, №8. Однако определенно известно, что с 1913 года большинство лекций устраивались в доме №50 на Пятой линии Васильевского острова.

По свидетельству Дубнова, после переезда в здание богадельни Курсов востоковедения сюда же перевели и ИЭО: "Нам отвели в двух этажах залы для лекций и докладов, "железную комнату" для архива и большой зал для этнографического музея общества, начало которому положил Ан-ский своей этнографической коллекцией. Здесь тогда читались частые рефераты, большей частью с дискуссией".

Сам Дубнов прочел в доме №50 доклады

"О еврейской реформации в Германии" (1913),

"Итоги еврейской истории в Польше" (1915),

"Борьба индивидуального и национального начала в истории иудаизма".

Просуществовало ИЭО до 1930 года.

В том же доме №50 под председательством того же М.М.Винавера в 1915 году было основано Еврейское общество поощрения художеств. Товарищем председателя стал известный скульптор И.Я.Гинцбург. Планы у общества были обширные:

открывать библиотеки, школы, классы и курсы, устраивать выставки, лекции и дискуссии по вопросам искусства с приглашением знаменитых мастеров, издавать альбомы и книги, объявлять творческие конкурсы, учреждать стипендии... К сожалению, революция помешала осуществлению большинства начинаний. До 1917 года общество организовало несколько выставок и конкурсов. После отъезда М.Винавера за границу оно, по-видимому, распалось.

В устройстве Еврейского музея при ИЭО главную роль сыграл Семен Акимович Раппопорт, известный еврейский писатель, печатавшийся под псевдонимом С.Ан-ский. Он родился в 1863 году в Витебске в ортодоксальной семье. Получил традиционное еврейское образование.

Читать по-русски выучился только в семнадцать лет. В юности Ан-ский увлекся идеями народничества, но из деревни, где он вел пропаганду, его выслали как еврея. В 1894 году Ан-ский эмигрировал и стал секретарем Петра Лаврова. За границей начался его возврат к еврейству. В 1905 году Семен Акимович приехал в Россию и стал много писать по-еврейски и по-русски. Он автор гимна Бунда "Ди швуэ" ("Клятва") и знаменитой пьесы "Ха-диббук", ставшей классической еврейской драмой.

В 1911-1914 годах Ан-ский возглавил еврейскую Этнографическую экспедицию в Подольскую, Волынскую и Киевскую губернии, организованную на средства семьи Гинцбург. В ней участвовали фольклористы Ю.Энгсль и З.Киссельгоф, художник С.Юдовин. В 1916 году усилиями Ан-ского на основе добытых экспедицией материалов удалось открыть Еврейский музей. Он имел этнографический, исторический, музыкальный и художественный отделы, где были собраны более тысячи экспонатов: восковые валики с записями народных песен, рукописи, старопечатные книги, фотографии старинных синагог, бытовых сцен, утварь, одежда, украшения.

Разместился музей все в том же доме №50 на Пятой линии. Интересно, что в период организации музея в богадельне жил и сам Ан-ский. По-видимому, именно здесь он впервые прочел отрывки из пьесы "Ха-диббук". Об этом рассказал в своих воспоминаниях М.С.Ривесман:

"Однажды он (Ан-ский - М.Б.) очутился в Петербурге, куда не имел права въезда и как "политический", и как "бесправный", без приюта на ночь. Он вообще жил в Петербурге нелегально, ночуя где попало. В последний раз я его встретил утром в комнатке на Васильевском острове, где была богадельня, а под вечер... в зоологическом саду.

Когда я был у него утром, он еще лежал на чем-то, едва напоминавшем кровать. Только перо Гоголя могло бы изобразить "обстановку" этой комнаты. Скажу только, что всякая вещь занимала несоответствующее ей место. Так может жить только истинный "сын богемы". Он встал, сел на "кровать", протер глаза и, узнав меня, сказал:

- Хорошо, что вор не забрался...

И засмеялся таким великолепным смехом, довольный своей шуткой, что мгновенно заразил и меня.

- Ну, не сглазьте меня, Вот видите, я и зевать начал... Который час? Часы третьего дня у меня выкрали.

- Около двенадцати, - сказал я.

Недурно- А в одиннадцать я обещал быть у С.М.Дубнова, в двенадцать...
впрочем, этого я вам не скажу. Вы, вероятно, надеялись выпить со мной
чаю?

- Я уже пил.

- Экий вы счастливец. Ну, вот что... достаньте с этой полки тетрадь.
Спасибо. Сядьте и слушайте. Только после чтения не ударяйтесь в
критику.

И он стал читать первые сцены пьесы-легенды "Ха-диббук". Читал он
превосходно, и я слушал его с затаенным дыханием. Когда он окончил
чтение первого действия, то спросил:

Ну, каково? Это дитя выношенное. Ни рахитизма, никаких других детских
болезней...

- Дорогой С.А., читайте дальше.

- А... разобрало вас... А мне есть хочется...

- Я сбегая за булками и другой провизией.

- Вот это я понимаю! Бегите, оленю подобный!

Я побежал, подгоняемый перспективой услышать из уст даровитого
автора следующее действие его дивной драматической поэмы. Ан-ский
был очень рад завтраку и продолжал читать, не оставляя без внимания
булку, сыр и масло. Чем дальше, тем драма становилась интереснее.
Наконец он остановился и сказал:

- Доселе читают в "великую субботу"⁷. Больше я еще не написал.
Надеюсь до своей славной кончины закончить пьесу".

Закончить пьесу Ан-ский успел. Ее даже поставили в студии "Ха-бима" в
Москве. Однако жить писателю оставалось уже недолго. В сентябре 1918
года он бежал от большевиков в Вильно, переодевшись священником.
Там Ан-ский основал историко-этнографический музей и культурную
лигу. В 1919 году во время погрома погиб его друг, писатель и журналист
Вайтер. Ан-ский тяжело переживал смерть товарища, что отразилось на
его больном сердце. В 1920 году Ан-ский перебрался в Варшаву, где
заболел и умер 9 ноября. На его смерть откликнулись еврейские издания
во всем мире.

"Он, - писал Л.Горенфельд, стал мечтать о закреплении исторических
основ еврейской психики путем сознательного и настойчивою
воспитания: он мечтал об утверждении еврейского быта на старой
еврейской родине".

"У него была прекрасная душа, - вспоминал М.Ривесман. - А чего стоили его еврейские глаза, задумчивые, умные, вопрошающие и взывающие о любви к человеку! Он был так же идеалистичен как народник и революционер, как еврей, еврейский писатель, а впоследствии как сионист".

В 1918 году, после бегства С.Ан-ского, власти опечатали Еврейский музей "ввиду слухов о расхищении вещей". С.Дубнов бросился протестовать, писал в Академию наук, ходил в комиссариат по еврейским делам, который располагался в здании Министерства просвещения у Чернышева моста, но безрезультатно. Вновь открыли музей только в 1923 году.

В эти годы он пополнился новыми экспонатами, в частности картинами еврейских художников Ю.Пэна, Н.Альтмана, С-Чернова, Л.Тышлера, С.Юдовина (последний стал хранителем музея и переехал со своей семьей в здание богадельни). Председателем музейной комиссии назначили И.Я.Гинцбурга. После него эту должность занял А.М.Брамсон. О деятельности музея в двадцатые годы есть несколько свидетельств в "Еврейской старине", "Еврейском вестнике", Jewish Encyclopaedia и других источниках.

Благодаря заботам Соломона Борисовича Юдовина в музей и в эти трудные времена продолжали поступать экспонаты, особенно предметы искусства. В 1928 году он располагал

1500 фотографиями,

350 фонографическими валиками,

350 книгами.

В 1927 году удалось организовать этнографическую экспедицию. Денег, выделенных ИЗО, хватило только на проезд. В Институте русской литературы АН СССР (Пушкинском доме) достали валики для записи песен (часть из них пришлось купить на "черном рынке" за собственные деньги). Экспедиция побывала в Житомирской и Хмельницкой областях. Собранные материалы дополнили экспозицию музея.

Когда же окончательно закрыли Еврейский музей? Сохранилось письмо президиума ИЭО кружку друзей музея от 16 декабря 1929 года. Оно начинается словами:

"Дорогие друзья! Это письмо является последним. По распоряжению органов власти ИЭО и его музей закрыты..."

Так оно, вероятно, и было. Однако, по мнению А.О.Шпильберга, музей ликвидировали только в 1935 году;

художник С.М.Гершов, друг С.Б.Юдовина, называет 1932 или 1933 год.

Воспитанник семьи Равребе П.С.Зальцман в своих воспоминаниях утверждает, что в 1933 году была образована ликвидационная комиссия из бывших "евсеков", которая работала года полтора. Культовая часть коллекции (свитки, светильники, серебро) попала в Ленинградский государственный музей этнографии народов СССР, а архив был передан в Киевский институт еврейской пролетарской культуры. Есть свидетельства, что фонды этого института во время войны попали к немцам и были уничтожены. Что касается Ленинградского музея этнографии, то там и сейчас хранятся в запасниках несколько сундуков из Еврейского музея.

Фонографические валики, возвращенные в Пушкинский дом, также сохранились. Считается, что часть экспонатов была подарена в 1938 году Еврейскому музею имени Менделе Мойхер-Сфорима в Одессе. Что с ними стало в годы войны - неизвестно.

Глава пятая. ЛИТЕЙНЫЙ И ПЕСКИ

Петербург, я еще не хочу умирать,
У меня телефонов твоих номера.
Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

О. Э. Мандельштам

В Московской (вдоль Загородного проспекта), Литейной и Рождественской (Советские улицы) частях города когда-то была сосредоточена еврейская культурная и общественная жизнь. Здесь находились редакции журналов и газет, штаб-квартиры политических партий, театры, концертные залы, клубы, школы, библиотеки, различные любительские кружки, общества и объединения.

По переписи 1868 года

в Московской части жили 423 еврея,

в Рождественской - 146 евреев,

в Литейной - 229 лиц иудейского вероисповедания.

В доме №70 по Загородному проспекту (угол Бронницкой улицы) провел детство Осип Эмильевич Мандельштам, крупный русский поэт, входивший в начале двадцатого века вместе с Н.С.Гумилевым, А. А. Ахматовой, С. М.Городецким, Б.А.Садовским в группу акмеистов. Мандельштам родился в 1891 году в Варшаве в семье купца второй гильдии. Учился в Тенишевском училище, в Сорбонне и Гейдельберге, затем на романо-германском отделении Петербургского университета. Печататься начал в 1910 году в журнале "Аполлон". В июне 1911 года крестился в протестантской церкви в Выборге. Первую книгу стихов "Камень" выпустил в 1913 году. Последний раз напечатался при жизни в 1933 году в журнале "Звезда". В том же году Мандельштам написал и прочитал друзьям обличительные стихи о Сталине. В марте 1934 года его арестовали и сослали на три года. 1 мая 1930 года поэта снова арестовали и осудили на пять лет лагерей. Погиб он, по официальным сведениям, 27 декабря 1938 года.

Поэзия Мандельштама теперь широко известна в СССР и за границей. О нем написано множество исследований. Мы же напомним только об

одной стороне его жизни - еврейской, которую некоторые биографы поэта стараются обойти. Однако надо быть очень пристрастным, чтобы не заметить в творчестве, в мировосприятии Мандельштама еврейских мотивов, еврейского мышления, еврейского духа. Поэт и сам этого не отрицал. Вот что он писал в автобиографической книге "Шум времени": "Как крошка мускуса наполняет весь дом, так малейшее влияние иудаизма переполняет целую жизнь. О, какой это сильный запах!" Это и был только "запах", ибо родители Осипа Эмильевича, воспитанные на русско-немецкой культуре, не стремились, да и не могли уже, передать мальчику национальные традиции. Эти традиции, как и их хранитель-народ, оставленный где-то далеко, за "чертой", были непонятны и чужды Мандельштаму, пугали его, тянули назад, как рука мертвеца ночью на старом кладбище:

"Весь строй миражного Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал.

Иудейский хаос пробивался во все щели комнат петербургской квартиры угрозой разрушения, шапкой в комнате провинциального гостя, крючками шрифта нечитаемых книг Бытия, заброшенных в пыль на нижнюю полку шкафа, ниже Гете и Шиллера, и клочками черно-белого ритуала..."

В воспоминаниях Мандельштама возникает отцовский кабинет, уставленный разнообразной мебелью и, прежде всего, "стеклянный книжный шкафчик, задернутый зеленой тафтой".

"Книжный шкаф раннего детства - спутник человека на всю жизнь"

- воспринимается поэтом как символ мучительного пути, пройденного образованными евреями России от "нижних полок" еврейской религии через квазинемецкую культуру к идеализированному восприятию русской жизни через русскую литературу:

"Нижнюю полку я помню всегда хаосом: книги не стояли корешок к корешку, а лежали как руины: рыжие Библии с оторванными переплетами, русская история евреев, написанная неуклюжим и робким языком говорящего по-русски талмудиста. Это был повергнутый в пыль хаос иудейства. Сюда же быстро упала древнееврейская моя азбука, которой я так и не обучился, В припадке национального раскаяния наняли было ко мне настоящего еврейского учителя. Он приходил со своей Торговой улицы и учил, не снимая шапки, отчего мне было неловко. ... Одно в этом учителе было поразительно, хотя и звучало неестественно, - чувство еврейской народной гордости. Он говорил об

евреях как француз о Гюго и Наполеоне. Но я знал, что он прячет свою гордость, когда выходит на улицу, и поэтому ему не верил".

Поэт, не осознающий, каким подвигом было для "говорящего по-русски талмудиста" написать историю своего народа, да еще на чужом языке, в этот момент невольно выглядит "варваром", стоящим над обломками Древней, великой и недоступной для него культуры.

И все же этот мир, являвшийся мальчику то призраком невеселого еврейского Нового года, то в образах бородатых мужчин в длиннополом платье и женщин с накладными волосами, встреченных в кварталах позади Мариинского театра, снова и снова возвращается к нему неотвязными, иногда тяжелыми воспоминаниями.

"Синагога с конической своей шапкой и луковичными сферами как пышная чужая смоковница теряется среди убогих строений. Бархатные береты с помпонами, изнуренные служки и певчие, гроздь семисвечников, высокие бархатные камилавки. Еврейский корабль... плавает на всех парусах, расколотый какой-то древней бурей на мужскую и женскую половину. Заблудившийся на женских хорах, я пробирался как тать, прячась за стропилами. Кантор, как силач Самсон, рушил львиное здание, ему отвечали бархатные камилавки, и дивное равновесие гласных и согласных в четко произносимых словах сообщало несокрушимую силу песнопениям".

Чуткое ухо мальчика отмечает фальшь в казенном славословии:

"Но каким оскорблением звучит речь раввина, какой пошлостью, когда он произносит: "Государь император!" Какая пошлость все, что он говорит".

Да, пошлость. Не большая, впрочем, чем провозглашалась в церкви или кирхе. Но для поэта это повод еще раз отметить свою непричастность к тому, что подсознательно все еще притягивало, заставляло память возвращаться к отрывочным детским впечатлениям. Однако справедливости ради нужно сказать, что во многих стихах Мандельштам выражал чувство гордости своим происхождением. Да и сам он, вечно нищий, бездомный, травимый властями, как бы олицетворял собой цветаевский образ "поэта-жида".

В молодые годы Мандельштам жил и на Каменноостровском проспекте (сейчас Кировский), и на улице Жуковского, и на улице Герцена (бывшей Большой Морской). Точный же ленинградский адрес мы можем указать еще только один: улица Герцена, №49 (рядом с домом Набокова), где поэт обитал в 1926 году.

* * *

В конце Загородного проспекта установлены два памятника работы академика И.Я.Гинцбурга:

Г.В.Плеханову (1925) у Технологического института и Д. И. Менделееву (1932) в сквере Института метрологии имени Д.И.Менделеева.

Сам Технологический институт тоже связан с еврейской историей. Между 1872 и 1876 годами в нем учился один из первых евреев-народников Аарон Либерман (в 1880 году покончил с собой в Нью-Йорке).

Либерман приехал в Петербург после провала народнического кружка Зунделевича, существовавшего в 1872 году в Виленском раввинском училище. Если большая часть евреев-революционеров считала бесполезным "хождение" в собственный народ, ибо, по их мнению, мелкие лавочники и ремесленники народом не являлись, то Либерман был первым, кто решил вести пропаганду среди еврейского населения, учитывая его национальные и культурные особенности. Уехав за границу, Либерман основал в 1876 году в Лондоне первый в истории Еврейский социалистический рабочий союз (просуществовал восемь месяцев). Программа организации была написана им самим на изысканном библейском иврите, к которому революционер питал особую любовь. Вот выдержки из нее в переводе на русский язык:

"Так как мы прониклись сознанием, что пока существует частная собственность, не прекратится экономическая нужда, пока люди разделены на народы и племена, не прекратится вражда между ними; что освобождение нас, евреев, как части человечества наступит лишь с освобождением всего человечества; что освобождение всего человечества может быть достигнуто руками самих трудящихся, если они объединятся для открытой борьбы, чтобы разрушить современный строй и взамен воздвигнуть царство труда, справедливости, свободы и братства всех людей, мы, сыны Израиля, постановили братски присоединиться к священному союзу рабочих".

Через год, в Вене, Аарон Либерман выпустил первый социалистический журнал на иврите "Ха-мес" ("Правда"). Несмотря на то, что вышло всего три номера, издатель успел отсидеть девять месяцев в немецкой тюрьме. Неудачное начинание Либермана ясно показало, что иврит, мало тогда известный простому народу, не может стать средством революционной пропаганды. Для этой цели больше подходил идиш, избранный впоследствии Бундом.

* * *

На Загородном проспекте, у поворота на Социалистическую улицу стоят два больших однотипных здания. В доме №23 (квартира 35) в десяти-двадцатые годы находилась известная еврейская просветительная

организация Общество для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), о котором мы уже рассказывали во второй главе. Здесь мы приведем некоторые сведения о последнем десятилетии существования общества.

В первую мировую войну ОПЕ помогало дать образование детям еврейских беженцев. Только в 1914 - 1917 годах общество открыло 370 школ для 30 тысяч учащихся с годовым бюджетом в один миллион рублей.

И после революции активисты еврейского просвещения в Петрограде продолжали работать. На заседаниях общества они выступали с докладами на самые разнообразные темы:

"Декабристы и евреи",

"К пятидесятилетию еврейского театра",

"О еврейском юморе" (С.М.Гинзбург);

"Рационалисты-вольномудцы в средневековом еврействе",

"Еврейский драматический репертуар от Гольдфадена до наших дней",

"Литературная деятельность Л.И.Каценельсона",

"Пятидесятилетие еврейской социалистической печати" (С.Л.Цинберг);

"Пророк Иеремия и борьба партий в его время",

"Новые данные по истории Ассирии" (В.В.Струве);

"Культ кедрового дерева в талмудической литературе" (Н.И.Винников).

В двадцатые годы научно-исследовательская деятельность ОПЕ еще продолжалась. Общество располагало прекрасной библиотекой.

Время от времени в Ленинграде выходили журналы и альманахи:

"Еврейская летопись",

"Еврейская мысль",

"Еврейская старина",

"Еврейский вестник" (в 1922 году - газета, в 1928-м - сборник).

Издавались научные труды, например:

"Великая французская революция и еврейский вопрос" М.И.Кулишера (1927);

"История еврейского народа в России" Ю.Гессена (1925 - 1927);

"История еврейского рабочего движения в России" Н.А.Бухбиндера (1925);

"Израиль в Египте" В.В.Струве (1920);

"Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время" С.Г.Лозинского (1929).

С 1910 по 1917 год общество выпускало ежемесячный журнал, который до 1912 года назывался "Вестник ОПР", а потом - "Вестник еврейского просвещения". Редактором был Я.Б.Эйгер. В последние годы журнал стал выходить с приложением на идише и иврите.

Продержалось ОПВ до 1929 года. В последнее время его активная просветительная деятельность сменилась научно-исследовательской.

* * *

На улице Достоевского (бывшей Ямской), недалеко от Владимирской площади, между Свечным переулком и Малой Московской улицей стоит небольшой ничем не примечательный дом №16, в котором несколько лет - непосредственно перед революцией и сразу после нее располагалась одна из старейших еврейских общественных организаций: Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев России (ОРТ).

ОРТ, как и ОПЕ, первоначально имело целью преобразовать жизнь российских евреев в духе идей Хаскалы. Но если ОПЕ делало упор на культурно-просветительную деятельность, то ОРТ, как это следует из его названия, стремилось изменить социально-экономическую структуру еврейского местечка. Лозунг ОРТа: от торговли и посредничества - к ремеслу и земледелию. Приобщение евреев к ремеслам означало появление рынка квалифицированной рабочей силы в черте оседлости и, стало быть, возможность быстрого развития там капиталистического производства.

Общество возникло в 1880 году в Петербурге главным образом благодаря усилиям знаменитого С.С.Полякова. За полвека своей деятельности оно проделало огромную работу. Первое обследование экономического положения еврейского населения было проведено в 1887 году. В 1906 году общество уже располагало фондом в 400 тысяч рублей. Сначала оно занималось в основном профессиональной подготовкой еврейской молодежи. Затем организация стала выдавать

ссуды ремесленникам и крестьянам, помогать создавать изделия кустарных промыслов, развивать сеть ремесленных училищ, курсов и ремесленных классов при начальных еврейских учебных заведениях. Популярность ОРТа в народе росла, тем более, что диплом об окончании ремесленного училища давал право на жительство вне черты оседлости. Общество издавало книги о своей деятельности.

Например, в 1911 году вышли

работа Л.С.Зака "Формы экономической самопомощи в области ремесленного труда",

брошюра Х.Д.Гуревича на идише "Самопомощь ремесленников".

В 1916 - 1917 годах в Петрограде выпускался ежемесячный журнал ОРТа на русском языке "Вестник трудовой помощи среди евреев", в котором печатались Л.М.Брамсон, М.Уриелев, Б.Д.Бруцкус.

В 1914 году ОРТ организовало ссудную кассу имени Я.М.Гальперна (бывшего председателя общества) для предоставления беспроцентного мелкого кредита еврейским ремесленникам Петербурга. Годовой бюджет ОРТа достиг 25-50 тысяч рублей. Особое значение приобрело общество во время первой мировой войны, когда направило все свои ресурсы на оказание помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий. К концу 1914 года открылся отдел трудовой помощи, который вместе с Еврейским комитетом помощи жертвам войны (ЕКОПО) и Еврейским колонизационным обществом (ЕКО) организовал широкую сеть бюро труда и промышленных мастерских для безработных. Всего было открыто 72 бюро и 23 мастерские. В 1917 году общество попыталось устроить в Петрограде артели огородников.

Помимо С.С.Полякова в актив ОРТа входили Я.М.Гальперн, М.Бомзе, И.А.Вавельберг, Д.Г.Гинцбург, Меерсон, Д.С.Поляков, Г.Б.Слиозберг, Л.М.Брамсон - люди, известные в еврейских общественных кругах. Председателями общества были последовательно: С.С.Поляков, Д.С.Поляков, Я.М.Гальперн, Г.Б.Слиозберг, Ю.Гольде (в двадцатые годы).

После революции ЦК ОРТа переезжает в Берлин, и общество становится международной организацией. С 1922 по 1938 год ОРТ участвует в программе помощи новым еврейским сельскохозяйственным поселениям в Крыму и на Украине. Для этого в СССР были открыты представительства ОРТа. В Ленинграде в двадцатые годы уполномоченным ОРТа был Л.Я.Офман. Общество закупило на Западе и безвозмездно передало СССР сельскохозяйственную технику, племенной скот, семена и т.п.

Возобновилась издательская деятельность ОРТа, особенно в связи с исследованием изменений в социальной структуре советского еврейства. Четыре из пяти таких исследований, опубликованных до 1930 года, были выпущены правлением ОРТа. Действительно, социальный портрет еврейского населения резко изменился. Буквально за несколько лет небывало увеличилось количество рабочих и служащих, уменьшилось число торговцев и предпринимателей. С наибольшей очевидностью эти изменения наблюдались в Москве и Ленинграде, куда евреи хлынули в двадцатые годы. Смена места жительства, как правило, сопровождалась переменой профессии. Интересные данные по Ленинграду 1926 года приводит сборник "Еврейское население в таблицах и диаграммах", составленный статистико-экономической комиссией при ОРТе в 1930 году.

* * *

Ямская улица, на которой находился ОРТ, в советское время переименована в улицу Достоевского потому, что здесь, на углу Кузнечного переулочка в доме №5/2 писатель провел последние годы жизни. Теперь здесь музей-квартира Достоевского.

Тема "Достоевский и евреи" достаточно освещена специалистами (можно упомянуть хотя бы книгу Л.Гроссмана "Исповедь одного еврея"), и мы не надеемся сказать в этой связи что-то новое. Просто, поскольку мы с вами находимся около дома писателя, не лишне будет коснуться этой далеко выходящей за литературные рамки проблемы. Был ли Достоевский антисемитом? Сам он это категорически отрицал.

"Всего удивительнее мне то, - писал он в "Дневнике" в марте 1877 года, - как это и откуда я попал в ненавистники еврея как народа и нации... Когда и чем заявил я ненависть к еврею? ...В сердце моем этой ненависти не было никогда..."

Казалось бы, лучшего отношения и не придумаешь. Однако в душе писателя крылись удивительные противоречия. В том же "Дневнике" встречаются избитые вымыслы и про "вечный золотой промысел" евреев, и про их "государство в государстве", и про то, что "жид с его банком" владеет судьбами мира...

Обычно, говоря об антисемитизме Достоевского, вспоминают карикатурный образ Исаия Фомича Бумштейна из "Записок из Мертвого дома". Но, на мой взгляд, у писателя есть куда более показательные в этом отношении высказывания. На страницах "Дневника" в марте 1877 года Достоевский обмолвился:

"А между тем мне иногда входила в голову фантазия: ну что, если бы это не евреев в России три миллиона, а русских восемьдесят миллионов, -

ну во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Не обратили ли бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как делявали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?"

Какова мысль? Русский народ добр и доверчив, а кровожадные евреи способны на все. И написано это за четыре года до массовых погромов!

Почему же русские евреи так любят и ценят Достоевского? Почему многие литературоведы-евреи посвятили свою жизнь исследованию его творчества? Наверное, дело в том, что в произведениях писателя отразился не навязчивый страх "еврейского мирового господства", а этика и ценности иудаизма, почерпнутые в Библии. Не культ сильного, но апология слабого, не "целесообразность", но мораль, то есть то, чем иудаизм отличается от эллинско-ницшеанской философии. Вспомним хотя бы рассуждения Ивана Карамазова о невозможности достижения всеобщего счастья ценою крови одного невинного ребенка. Недаром любимым чтением Достоевского была Книга Иова. Даже сама архитектура его романов, в которых мысль, философские рассуждения, тонкие душевные переживания гораздо важнее фабулы, описаний природы, внешности героев, несомненно, согласуется с иудейским мировосприятием и бессознательно привлекает еврейского читателя. Так что сам Федор Михайлович, опасавшийся "золотого еврейского промысла" и "международного еврейского заговора", перенял через христианство некоторые существенные черты иудейского миропонимания.

* * *

Небольшая тихая улица Рубинштейна (бывшая Троицкая) интересна нам не из-за своего названия, а потому, что в десятых-двадцатых годах здесь находился целый ряд еврейских организаций.

В доме №34 в 1915 - 1917 годах была синагога Московского района.

Тот же адрес в 1917 году имело Общество для доставления начального образования еврейским детям Петрограда ("Иврио"). Вероятно, синагога и общество тесно взаимодействовали, так как у них были общий секретарь (М.М.Брумберг) и казначей (Д.Е.Хавкин). Председателем общества избрали М.Р.Кревера, товарищем председателя Д.Л.Зива, известного фабриканта.

На Загородном проспекте, №6 в 1915 году находилось еврейское начальное училище, принадлежавшее "Иврио".

В середине 1917 года в доме №34 действовало Петроградское еврейское учительское общество. В его комитет входили известные

деятели еврейского просвещения Х.Х.Фиалков, С.Л. Каменецкий, З.А.Киссельгоф, М.Е.Мотылева, Г.Л.Аронович, Э.С.Александрова, Б.А.Альперин, М.М.Чернин, В.Л.Гендлер, Л.Л.Голомб. Просуществовало оно недолго.

В 1925 году вместо вышеупомянутых организаций в дом №34 вселились две еврейские профтехшколы, готовившие слесарей, токарей и швей. Через два года обе школы объединились,

В конце 1918 года в реквизированном у "буржуев" доме №14 по улице Рубинштейна разместился Институт высших еврейских знаний, а после его переезда в 1925 году на Стремянную улицу помещение занял Еврейский клуб имени Я.М.Свердлова. Рядом с ним на втором этаже дома №12 (здание перестроено) до поры до времени мирно уживалось еще одно общество "Иврио", организованное хасидами (председатель Ш.Д.Марьяшкин). В 1928 году хасидов вытеснил Еврейский дом просвещения, переехавший вскоре на улицу Некрасова, №10.

Остается добавить, что в расположенном поблизости от улицы Рубинштейна доме №6 по Загородному проспекту в 1912 - 1917 годах проходили занятия Вечерних курсов библейского языка и библейской истории для еврейских учащихся средних и высших учебных заведений. Сами курсы находились в принадлежавшем еврейской общине доме на улице Декабристов, №42. Учредил их петербургский общественный раввин и видный деятель ОПЕ М.Г.Айзенштадт. Курсы были созданы, очевидно, для того, чтобы воспрепятствовать быстрому отходу от еврейства молодежи, поступившей в русские учебные заведения. Сегодня нам ясно, что реальных результатов эта инициатива не дала.

Улица Рубинштейна, №14, Стремянная улица, №18. Это адреса Института высших еврейских знаний, действовавшего в Ленинграде в советское время. Проблема светского еврейского образования стояла в России на повестке дня не один десяток лет. Главная роль в его организации принадлежала ОПЕ, издававшему даже специальный педагогический журнал "Вестник еврейского просвещения". Однако до первой мировой войны дальше среднего образования дело не пошло, хотя необходимость в еврейской светской высшей школе явно ощущалась. В статье "Ближайшие перспективы и организация работы ОПЕ" Х.Фиалков писал:

"Нельзя... не порадоваться тому, что вопрос о Высшей школе еврейских знаний заинтересовал надлежащие круги. Стыдно и больно сознавать, что шестимиллионное еврейское население России до сих пор обходилось без рассадника высших еврейских знаний. С этим делом мы опоздали, по меньшей мере, на четверть века. Результаты этого сказываются в крайнем духовном нашем оскудении в области еврейских знаний..."

В последние годы перед революцией началась подготовка к открытию первого в России еврейского вуза. Были приглашены преподаватели, разработана программа (в основном М. И. Кулишером). На Стремянной улице приобрели дом №18, принадлежавший бывшему члену Государственной думы Л.Н. Нисселовичу. Деньги пожертвовали супруги М.Г. и М.Н. Крейнины. По плану там должны были находиться Высшая школа еврейских знаний, библиотека с читальным залом, издательство и книжный склад, педагогический музей, канцелярия ЦК ОПЕ и редакция "Вестника просвещения".

Революция помешала осуществлению проекта в полном масштабе. Но сама идея не умерла. В феврале 1919 года Еврейский университет был все же открыт на набережной Красного Флота, №62, в бывшем особняке Я.С. Полякова.

В том же году, в августе, он переехал на улицу Рубинштейна, №14, а затем на Стремянную, в дом Нисселовича. Институт высших еврейских знаний (как он стал вскоре называться) имел литературно-филологический и историко-социальный факультеты. Обучение продолжалось три года. Ректором назначили С.Г. Лозинского, ученым секретарем С.Л. Цинберга. Институт ставил своей целью подготовку педагогов, а также квалифицированных работников во всех областях еврейских наук. При нем работали секции (тогда они назывались комиссиями), где можно было факультативно изучать, к примеру, вопросы права, этики, медицины и даже сельского хозяйства в Танахе и Талмуде. Одновременно был образован народный лекторий.

Уровень преподавания поддерживался высокий. До 1922 года еврейскую историю читал С.М. Дубнов, экономику вел профессор И.М. Кулишер (1878 - 1923), сын члена ЦК ОПЕ М.И. Кулишера. Лекции по философии иудаизма читал А.З. Штейнберг (его брат, левый эсер И.З. Штейнберг возглавлял Наркомат юстиции в первом советском правительстве). А.З. Штейнберг был также членом правления института. Среди педагогов выделялся и уже известный нам Иехиэль Равребе, читавший лекции о связи иприта с арабским языком.

Ректор С. М. Лозинский, преподаватель истории евреев в средние века, написал книгу о средневековом и современном антисемитизме. Заметную роль в жизни института играл ученый секретарь Сергей (Израиль) Лазаревич Цинберг. Он, казалось, успевал везде. Выдающийся инженер-химик, начальник главной лаборатории Путиловского завода, Цинберг многое сделал в области еврейского просвещения, истории и культуры. До революции он - активный сотрудник ОПЕ, автор статей по еврейскому рабочему движению в Еврейской энциклопедии, соредатор сборника "Пережитое". После 1917 года Цинберг входил в редакцию журнала "Еврейская старина", был председателем ОПЕ. Этот небольшого роста подвижный, энергичный

человек, не считая себя религиозным, был очень предан еврейской традиции, и его часто видели в синагоге. Почти все свободное время Цинберг проводил в Азиатском музее (который затем вырос в Институт востоковедения), где занимался историей еврейской литературы. Результатом явился большой труд, опубликованный на идише в Вильно в тридцатых годах.

До нас дошли имена и других преподавателей еврейского института: С.М.Гинзбурга, И.Я.Гинцбурга, Г.Я.Красного, М.Л.Маймона, С.Розовского, И.Ю.Маймона, Ю.И.Гессена, М.Г.Айзенштадта, Э.Гурлянд-Эльяшева.

Первый еврейский вуз просуществовал до 1925 года. Закрылся он не сразу. Некоторые преподаватели эмигрировали. Другие перенесли свою деятельность - до поры до времени в ОПЕ, ИЭО, Публичную библиотеку. Сборник "Еврейский вестник" 1928 года о существовании в Ленинграде высшего еврейского учебного заведения уже не упоминает, хотя аналогичные вузы в других городах названы.

* * *

Кроме Еврейского университета в доме №18 на Стремянной улице в 1918-1928 годах работала библиотека ОПЕ, основанная Л.Я.Гаркави еще в 1878 году и переехавшая сюда из дома №42 по улице Декабристов. Как сообщает "Еврейский вестник", в двадцатые годы это было одно из богатейших в Европе собраний литературы по иудаизму. В последние годы библиотека пополнялась преимущественно семейными книжными коллекциями, подаренными наследниками Я.М.Гальперна, Л.М.Каменецкого, С.Е.Вейсенберга. Например, ценная библиотека Я.Х.Яновского содержала свыше четырехсот томов. Библиотека ОПЕ обменивалась книгами с Институтом белорусской культуры, кафедрой еврейской культуры Украинской Академии наук, Еврейской национальной и университетской библиотекой в Иерусалиме, еврейскими библиотеками Берлина и других городов Европы.

В рукописном отделе библиотеки трудился все тот же неутомимый С.Л.Цинберг, который сумел описать более девятисот рукописей и фрагментов, в том числе отрывки из дивана Ибн Габироля, исторический труд Лехно, произведения караима Шломо бен Иерухима, отрывки из трудов Моше ибн Эзры.

"Еврейский вестник" отмечал, что популярность библиотеки росла. В 1927 году читальный зал был открыт три раза в неделю. За десять с половиной месяцев зарегистрировано 4050 посещений.

Рядом с Владимирской площадью, на Колокольной улице, №9 находился комитет Общества охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ). Эта организация, учрежденная в 1912 году, просуществовала всего

несколько лег, но успела сыграть важную роль в жизни российского еврейства. В уставе ОЗЕ было сказано, что "оно имеет целью изучать санитарно-гигиенические условия среди евреев, распространять среди них правильные гигиенические сведения, способствовать научной постановке общественно-врачебного дела и вообще содействовать охранению здоровья еврейского населения".

Несмотря на крайне тяжелые условия в черте оседлости, детская смертность среди евреев была более низкой, а продолжительность жизни более высокой, чем у других религиозных групп. Этот феномен можно объяснить прочностью традиций иудаизма (забота о бедных, широкая сеть благотворительных учреждений в любой общине), а также малым распространением в еврейской среде алкоголизма и венерических заболеваний, что тоже, безусловно, связано с традиционной моралью и культурным опытом. Тем не менее уровень гигиенических знаний в еврейском местечке был еще весьма далек от современного, а в городе характер жизни евреев обеспечил им лидерство в таких болезнях, как туберкулез или психические расстройства. Так что Обществу охранения здоровья было чем заниматься.

В первые годы своей деятельности ОЗЕ распространяло знания по гигиене путем издания брошюр на идише, устраивало лекции, собирало статистику о медицинской помощи в черте оседлости, организовало детские лечебные колонии в Евпатории и Друскениках. Разразившаяся вскоре война потребовала прежде всего позаботиться о раненых и беженцах, хлынувших в глубинные районы России. ОЗЕ открывало лечебницы, туберкулезные санатории, дома для инвалидов войны, детские санатории, так называемые "очаги", детские консультации "Типат халав" ("Капля молока"), снабжало нуждающихся бесплатными лекарствами.

Треть расходов общества покрывало правительство, остальное доставляли благотворители. Во время войны бюджет ОЗЕ резко увеличился.

В 1915 году на нужды бедствующего еврейского населения было истрчено 300 929 рублей,

в 1916 - 1 200336 рублей, в 1917 - 2027613 рублей.

За время своего существования общество открыло 85 амбулаторий, 15 больниц, 81 "очаг", два туберкулезных санатория (в Алуште и Евпатории). Тысячи евреев были обязаны ОЗЕ здоровьем, а то и жизнью.

* * *

Недалеко от библиотеки ОПЕ, рядом с нынешним кинотеатром "Художественный", на Невском проспекте, №65, в квартире 30 в 1910 году находилось Общество для урегулирования еврейской эмиграции. Начиная с 1881 года эмиграция являлась важнейшим фактором в еврейской жизни. Мы уже касались этой темы в первой главе, рассказывая о деятельности Еврейского колонизационного общества (ЕКО). Однако выезд евреев за границу слабо регулировался общественными организациями. В то же время массовость этого процесса и серьезность причин, его породивших, вызывали пристальное внимание еврейских общественных деятелей.

Приведем некоторые данные о еврейской эмиграции в США из ежегодника "Кадима" и из книги Н.А.Бухбиндера "История еврейского рабочего движения в России".

ЭМИГРИРОВАЛО ПРОЦЕНТ К ОБЩЕМУ ЧИСЛУ ЭМИГРАНТОВ

Евреев 50.2

Поляков 24.7

Литовцев и латышей 8.6

Финнов 6.3

Немцев 5.0

Русских 4.7

Прочих 0.5

1881 8193

1882 17497

1883 6907

1884 15122

1885 16603

1886 17309

1887 28944

1888 31256

1889 31889

1890 33147
1891 42145
1892 76417
1893 35626
1894 36725
1895 33232
1896 45137
1897 22750
1898 27221
1899 24275
1900 37011
1901 37660
1902 37846
1903 47689
1904 77544
1905 92388
1906 125234
1907 114932
1908 71978
1909 39150
1910 59824

Таблица наглядно показывает связь уровня эмиграции с погромами, усилением антиеврейских законодательных мер, революцией 1905 - 1907 годов.

Из России в США за 1880 - 1914 годы эмигрировали 1 369 412 евреев. Если добавить тех, кто уехал в Канаду, Англию, Аргентину, Южную

Африку и другие страны, получится внушительная цифра: около двух миллионов человек.

Например, с 1907 по 1912 год в Англию выехали 28 242 человека,

в Канаду с 1900 по 1916 год - 75 808 евреев,

в Аргентину с 1904 по 1906 год - 25 000 человек.

Как и следовало ожидать, покинуть насиженные места отваживались прежде всего молодые и крепкие.

Среди эмигрантов 70 процентов составляли люди от 14 до 45 лет,

детей до 14 лет было 25 процентов,

лиц старше 45 лет - только пять процентов.

Среди представителей других народов, эмигрировавших из России в Америку, евреи были в подавляющем большинстве, что иллюстрирует таблица, составленная по данным 1904 - 1908 годов (цифры взяты из вышеуказанных источников).

Добавим, что еврейские эмигранты были, как правило, самыми бедными из тех, кто тогда приезжал в Америку: каждый из них, сходя с парохода в Нью-Йорке, имел при себе в среднем не более двенадцати долларов.

Эмиграция в Эрец-Исраэль в те годы оставалась незначительной: около тысячи человек в год. Содействие переселенцы могли получить в Палестинском комитете в Одессе.

Первой организацией, которая взяла на себя упорядочение эмиграции (в основном в Аргентину) и помощь беженцам, была ЕКО.

Со временем стали издаваться справочные пособия для эмигрантов. Например, "Справочная книга "Рассвета" " помещала указания, какие документы необходимы для получения визы, как дешевле добраться до станции назначения, как избежать вымогательства правительственных чиновников, спекулянтов, контрабандистов, по каким адресам за рубежом можно обращаться за помощью.

Общество для урегулирования еврейской эмиграции было основано в Петербурге в 1907 году. Оно пыталось защитить переселенцев от злоупотреблений со стороны властей, устраивало столовые, постоянные дворы в пограничных пунктах, издавало руководства, знакомило потенциальных эмигрантов с условиями жизни в разных странах, входило в сношения с заграничными учреждениями, оказывающими

помощь беженцам. В правлении общества были двенадцать человек. Годовой взнос составлял от двух до десяти рублей.

Мы видим, что хотя из самого Петербурга за границу уезжали немногие, именно столичные евреи взяли на себя существенную часть забот о переселенцах. Лидеры же еврейства, как, например, С.М.Дубнов, уже тогда беспокоились о том, сохранят ли "новые американцы" национальные традиции, останутся ли они евреями. А какое будущее ждет остающихся? Ведь несмотря на то, что поток эмиграции не оказывал, в сущности, влияния на уровень еврейского населения, ибо уравнивался естественным приростом, уезжали все же наиболее способные и динамичные.

В совокупности с другими отрицательными факторами (погромы, войны, отделение от России высококультурного еврейства Литвы и Польши, а также разрушение социально-экономической структуры местечка) все это привело впоследствии к утрате русскими евреями значительной части духовного потенциала. Проще говоря, эмиграция культурно обеднила евреев России, ведь уехали тогдашние "властители дум": Шолом-Алейхем, Х.Н.Бялик, Ахад-ха-Ам, С.Черниховский, З.Шнеур, Ш.Аш, С.Дубнов. А если прибавить к этому списку политических деятелей? Например, ослабление влияния Бунда в еврейской массе в период между двумя революциями в значительной мере было обусловлено переселением многих его видных деятелей на Запад.

* * *

Перед тем, как перейти к другой достопримечательности, перечислим, какие документы требовались в начале нашего века, чтобы получить заграничный паспорт: удостоверение личности, свидетельство полицмейстера или исправника об отсутствии препятствий к выезду за границу, свидетельство о приписке к призывному участку или об отбытии воинской повинности, если в паспорте нет соответствующих пометок, талон казначейства об уплате пошлины в пятнадцать рублей. В пограничном городе Либаве (теперь Лиепая), например, по таким бумагам заграничный паспорт выдавался в день подачи прошения.

Между улицами Некрасова и Жуковского протянулась маленькая тихая улица Чехова (бывший Эртелев переулок). Здесь, в доме №6, шестиэтажном здании из глазурованного кирпича, построенном в псевдорусском стиле и отдаленно напоминающем терем, в конце прошлого века находилось издательство газеты "Новое время", которая одной из первых в послереформенной России включилась в травлю евреев.

В 1880 году, в еще относительно либеральное царствование Александра II, в этой газете была опубликована статья "Жид идет", утверждавшая,

что приобщение евреев к русской культуре усиливает их отрицательное влияние на "коренное население". Появление такого материала во влиятельной правой газете означало, в сущности, переход к открытой антисемитской политике правительства. Издателем "Нового времени" был небезызвестный Алексей Суворин (кстати, он же выпускал адресную книгу "Весь Петербург", откуда мы черпаем много сведений для этой книги). Регулярно сотрудничал в газете крупнейший религиозный философ В.Розанов, автор целого ряда антисемитских статей.

В доме №5, напротив "Нового времени" в 1927- 1928 годах располагался ленинградский комитет Еврейской коммунистической рабочей партии (Поалей Цион). Секретарем комитета был В.М.Борохович. Эта партия образовалась в результате раскола Еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей Цион) и выхода из нее левого крыла. ЕКРП не поддерживала связей с сионистами, считая несовместимыми интересы "буржуазного сионизма" и еврейского пролетариата.

* * *

До революции в Петербурге, по-видимому, не существовало еврейского театрального коллектива, хотя любительские, а иногда и профессиональные труппы приезжали на гастроли. В начале века, с усилением активности еврейской культурной жизни, предпринимаются первые шаги по созданию еврейского театра. Так, в уставе Еврейского литературного общества записано, что при обществе будет действовать театральная секция, а устав Еврейского литературно-художественного общества имени Л.Переца сообщает, что общество желает содействовать становлению еврейского театра. Наконец в 1916 году в семиэтажном доме №91, на углу Саперного и Митавского переулков открылось Еврейское театральное общество. Однако дальше благих пожеланий дело, к сожалению, не пошло. Общество почти не функционировало.

Все же идея уже носилась в воздухе, и ее удалось реализовать вскоре после революции. В 1919 году Центральный комиссариат по еврейским делам основал в Петрограде театральную студию. В 1921 году ее перевели в Москву, где в результате слияния с местным театральным коллективом возник Государственный еврейский камерный театр (ГОСЕКТ), переименованный затем в Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), который просуществовал почти тридцать лет и стал самым известным еврейским театром в истории России.

Художественным руководителем ГОСЕТа до 1929 года был Л.М.Грановский, выдающийся режиссер, впоследствии эмигрировавший. В оформлении спектаклей участвовали такие знаменитые художники, как М.Шагал, Н.Альтман, Р.Фальк, Л.Тышлер. Но почитатели театра связывают его успех прежде всего с именем С.Михоэлса, народного

артиста СССР, лауреата Сталинской премии, председателя Еврейского антифашистского комитета.

Соломон Михайлович Новей (Михоэлс - сценический псевдоним) родился в Двинске в 1890 году в религиозной семье. Учился в хедере, Рижском реальном училище, Киевском коммерческом институте, на юридическом факультете Петроградского университета (1915 - 1918). После окончания университета получил приглашение от Пролеткульта преподавать математику в школе, но стал студентом театральной студии А.Н.Грановского.

Конечно, какие-то театральные традиции у русского еврейства уже накопились и насчитывали, но крайней мере, лет сорок, но создатели советского еврейского театра, видевшие в нем мощное средство воздействия на массы, не хотели их перенимать. "Необходимо было воспитать нового актера, ничего общего не имеющего со старой еврейской актерской средой", писали в тридцатых годах исследователи творчества Михоэлса. ГОСЕТ и организовали с этой целью.

В театре, игравшем на идише, шли мировая и еврейская классика ("Король Лир" Шекспира, "200000" по Шолом-Алейхему, "Колдунья" по Гольдфадену, "Бог мести" Ш.Аша), пьесы современных советских авторов ("Семья Овадис" П. Маркиша, "Глухой" Д.Бергельсона, "Спец" И.Добрушина и И.Нусинова). С.Михоэлс, как правило, исполнял главные роли.

Пока студия находилась в Петрограде, у нее не было своей сцены, так что указать какой-либо определенный адрес трудно. В тридцатые-сороковые годы ГОСЕТ не раз гастролировал в Ленинграде, выступая обычно в Народном доме (потом кинотеатр "Великан") или во Дворце культуры промкооперации (сейчас Дворец культуры имени Ленсовета), а также в помещении Театра музыкальной комедии. Последний приезд ГОСЕТа летом 1948 года помнят многие ленинградцы. Спектакли шли в здании Большого драматического театра имени Горького (набережная Фонтанки, №65).

Михоэлса уже не было на свете (13 января 1948 года его убили в Минске по приказу Сталина), да и ГОСЕТу оставалось жить считанные месяцы. Художественное руководство театром взял на себя близкий друг Михоэлса и прекрасный актер В.Л.Зускин. ГОСЕТ показал "Фрейлехс" З.Шнеера (Окуня), "Восстание в гетто" П.Маркиша, "Гершеле Острополер" М.Гершензона, "Блуждающие звезды" по Шолом-Алейхему - всего восемь разных спектаклей. Зал был переполнен. Возможно, ленинградские евреи чувствовали, что больше не увидят любимый театр.

Сейчас очень трудно отыскать, где именно гастролировал в Петрограде театр-студия "Габима" ("Ха-бима" - "Сцена") - единственный в СССР театр на иврите, существовавший до 1926 года под руководством Н.Л.Цемаха. То, что театр действительно приезжал в Петроград, подтверждает сохранившаяся программка знаменитой пьесы С.Ан-ского "Ха-диббук" ("Меж двух миров"), переведенной на иврит Х.Н.Бяликом. Поставил спектакль известный русский режиссер Евгений Вахтангов. Декорации и костюмы создал Натан Альтман. У этого смелого начинания было большое будущее: сейчас "Ха-бима" - ведущий драматический театр Израиля.

Адресные книги Петрограда и Ленинграда упоминают еще о двух еврейских театрах, существовавших после революции, но найти о них что-нибудь кроме адреса нам не удалось. Еврейский драматический театр находился в 1922 году на проспекте Володарского (Литейном), №42 в бывшем дворце княгини З.Юсуповой, построенном архитектором Л.Бронштедтом в 1852 - 1878 годах. Сейчас здесь Центральный лекторий. Управлял театром П.Верховцев. В 1927 году на улице Ракова, №13, там, где сейчас Театр музыкальной комедии, помещался Ленинградский еврейский театр, которым руководил М.Т.Строев. Дирижировал И.И.Каганович. Дирекция: А.Д.Тихантовский, А.С.Рабинер и Д.И.Соколов. Обе труппы играли на идише.

В двадцатые годы у многих нацменьшинств Ленинграда (немцев, финнов, поляков) были свои национальные клубы и школы. Еврейский клуб, в котором нередко выступали любительские коллективы и народные хоры, находился сначала (до 1927 года) на улице Некрасова, №7, а затем переехал в здание нынешнего Большого театра кукол, в дом №10 по той же улице.

* * *

Критики, обращавшиеся к образу еврея в русской литературе (например, Д.Заславский, Вл.Жаботинский, Б.Горин), вынуждены были признать, что русские писатели обычно либо совсем не упоминали о евреях, либо отзывались о них плохой. Так было до начала двадцатого века, когда участие евреев во всех сферах русской жизни сильно возросло и еврейский вопрос стал одним из главных. Тогда русская интеллигенция и отражавшая ее взгляды пресса разделились на два лагеря: юдофилов и юдофобов. Причем, поскольку царское правительство проводило открытую антисемитскую политику, ненависть к евреям стала отличительным признаком реакционера. В порядочном русском обществе стало неловко выражать свою неприязнь к евреям. Возможно, кое-кто из литераторов учитывал и тот факт, что в западных губерниях основной читающей публикой были евреи, и от них зависел успех реализации книг. Во всяком случае, многие русские писатели и деятели

культуры стали выражать сочувствие евреям, а некоторые вступили в борьбу за еврейское равноправие (Горький, Короленко).

Эти тенденции привели к образованию в 1915 году Русского общества для изучения еврейской жизни, открывшегося в доме № 11 по Симеоновской улице (сейчас улица Белинского). Устав общества между прочим провозглашал:

"1. Общество имеет целью: изучение еврейской жизни в ее прошлом и настоящем. Для этого общество занимается изучением и исследованием еврейской истории, письменности, искусства, фольклора, быта, экономического и правового положения евреев.

2. Для достижения своей цели общество:

а) устраивает собрания своих членов для сообщений и докладов;

б) устраивает с надлежащего разрешения публичные чтения и выставки по вопросам, входящим в круг его изучения, а равно и концерты;

в) печатает, с соблюдением действующих законов, книги, сборники и периодические издания;

г) предлагает темы для сочинений и за выполнение их выдает денежные премии и награды".

Председателем общества стал И.И.Толстой. В комитет вошли: М.Горький, академик Д.Н.Овсянко-Куликовский, профессора А.В.Карташев, В.И.Семевский, М.В.Бернадский, член Государственной думы Н.В.Некрасов, А.М.Калмыкова, Н.И.Коробка.

Сохранилась программа литературно-музыкального вечера, устроенного обществом 22 марта 1916 года, в котором участвовали Леонид Андреев, А.Н.Бенуа, З.Н.Гиппиус, А.К.Глазунов, М.Горький, А.И.Куприн, Н.О.Лосский, Д.С.Мережковский, П.Н.Милюков, А.Н.Римский-Корсаков, Ф.И.Родичев, Ф.И.Шаляпин, Д. В. Философов,

В 1916 году общество издало литературный сборник "Щит", среди авторов которого встречаем фамилии М.Арцебашева, З.Гиппиус, Д.Мережковского, Ф.Сологуба, П.Милюкова, В.Короленко, И.Бунина. Сборник получился очень неоднородным и по качеству литературного материала, и по мировоззрению авторов. Попадают здесь сентиментально-слащавые славословия, не имеющие никакого отношения к насущным проблемам русских евреев. Например, такие стихи З.Гиппиус:

Он принял скорбь земной дороги,

Он первый, он один,
Склонясь, умыл усталым ноги,
Слуга - и господин.
Он с нами плакал - Повелитель
И суши и морей...
Он царь и брат нам, и учитель
И он - еврей...

Типичную тогда для русской интеллигенции точку зрения отражала статья П.Милюкова "Еврейский вопрос в России". Автор не видел никаких специфических еврейских нужд, а еврейский вопрос считал лишь частью общей проблемы бесправия в России. Он писал:

"Вопрос об еврейском равноправии в России есть вопрос о равноправии всех граждан вообще. Отсюда видно, почему антисемитские партии в России имеют гораздо более широкий политический смысл и значение, чем антисемитские партии Запада. У нас они почти сливаются с: партиями вообще антиконституционными. и антисемитизм служит знаменем того старого строя, с которым мы до сих пор тщетно стремимся разделаться. Вот почему еврейский вопрос в русском обществе и политической жизни занимает такое видное место. Моменты борьбы за равноправие общее и за равноправие национальное здесь совпадали. Поэтому еврейский вопрос и выдвинулся в нашей политической жизни на первое место".

Отметим, кроме того, что благом для евреев этот кадетский лидер считал скорейшую ассимиляцию.

Из всех авторов сборника наиболее зрелым выглядит В.Короленко, который в рассказе "Мнение мистера Джексона об еврейском вопросе" утверждает, что евреям не нужны ни любовь, ни сочувствие, ни жалость, но только равные с другими народами права.

Твердую позицию в отношении антисемитизма занял Максим Горький, неоднократно защищавший евреев. Он, собственно, и был главным инициатором создания Русского общества для изучения еврейской жизни. Писатель постоянно поддерживал еврейских литераторов и пропагандировал среди русской публики все лучшее, созданное еврейскими деятелями культуры. Выступая в 1906 году на еврейском митинге в Нью-Йорке, он так определил роль евреев в истории:

"В продолжение всего тяжелого пути человечества к прогрессу, к свету, на всех этапах утомительного пути еврей стоял живым протестом, исследователем. Он всегда был тем маяком, на котором гордо и высоко разгорался над всем миром неослабный протест против всего грязного, всего низкого в человеческой жизни, против грубых актов насилия человека над человеком, против отвратительной пошлости и духовного невежества". Считая еврейский вопрос в России прежде всего вопросом политическим. Горький заключил свою речь критической оценкой русской интеллигенции: "Интеллигентные слои русского общества вовсе не заражены ядом антисемитизма... Но тут я принужден, к своему великому прискорбию, заметить, что русская интеллигентная публика все же никогда еще не относилась к евреям так, как того требовала справедливость".

* * *

Большой четырехэтажный дом №21 на углу улицы Пестеля и Литейного проспекта построен архитектором Дютелем в 1876 - 1877 годах. Здесь с 1927 по 1938 год жил Самуил Яковлевич Маршак. Кому не известны его прекрасные переводы английской классики и замечательные детские стихи! Однако Маршак переводил не только Шекспира и Бернса, но и Бергельсона и Маркиша. В автобиографическом очерке "О себе" поэт пишет о своем детстве, о том, как непросто ему было поступить из-за процентной нормы в гимназию. Если бы не помощь В.В.Стасова и М.Горького юноша вряд ли попал бы в Петербург и закончил свое образование в Англии. Маршак вспоминал, как в годы войны в Воронеже помогал еврейским беженцам, изгнанным дикими указами царского правительства из прифронтовой полосы:

"Помню одно из воронежских зданий, в котором разместилось целое местечко. Здесь нары были домами, а проходы между ними - улочками. Казалось, будто с места на место перенесли муравейник вместе со всеми его обитателями".

Большая Советская Энциклопедия для более подробного ознакомления с творческим путем С.Я.Маршака рекомендует его автобиографическую повесть "В начале жизни" (1960). Она же сообщает, что поэт начал печататься в 1907 году. Как же будет удивлен читатель, открыв сборник "Еврейская жизнь" за 1904 год и обнаружив там стихи семнадцатилетнего Маршака! Сборник целиком посвящен памяти умершего в том году Теодора Герцля. Маршак поместил в сборнике стихотворение "Над могилой":

И бросим ком земли, и встанем мы уныло,

И снова в путь пойдём. Но горе заглушить

И утешать народ - в груди моей нет силы.

На кладбище, у дорогой могилы

Я лишь о смерти буду говорить.

Певцы народные! О, пусть зловещей тучей

Несется ваша песнь над горестной землей.

* * *

И вождь погиб... Насмешливо рыдая,

Завыл и налетел могучий вал, клубясь.

Пучина, жадно пасть как будто раскрывая,

Ждала уж нас.

Мы плакать не могли, объятые тоскою,

Дрожали, трепета полны...

О кто же схватит руль могучею рукою

И нас спасет от натиска волны?

* * *

К рулю! За труд, пока кипит в нас кровь!

И наша тьма, как молния среди ночи,

Разрезанная им, - хотя закрыл он очи,

Да не сольется вновь!

Конечно, жизнь Маршака впоследствии пошла иным путем, но тогда он был убежденным сионистом и даже посетил Палестину, которая отразилась в его творчестве ну хотя бы стихотворением "Иерусалим", опубликованном в сборнике "Сафрут" в 1922 году. Так к бесчисленным молитвам, песням и балладам о святом городе добавилось еще одно произведение, написанное знаменитым советским поэтом:

По горной царственной дороге

Вхожу в родной Иерусалим

И на святом его пороге
Стою, смущен и недвижим.
Меня встречает гул знакомый.
На площадях обычный торг
Ведет толпа.
Она здесь дома,
И чужд ей путника восторг.
Шумят открытые харчевни,
Звучат напевы чуждых стран,
Идет, качаясь, в город древний
За караваном караван.
Но пусть виденья жизни брэнной
Закрыли прошлое, как дым, -
Тысячелетья неизменны
Твои холмы, Иерусалим!
И будут склоны и долины
Хранить здесь намять старины.
Когда последние руины
Падут, веками сметены,
Во все века, в любой одежде
Родной, святой Иерусалим
Пребудет тот же, что и прежде,
Как твердь небесная над ним.

* * *

Четырехэтажный дом с грифонами на углу Моховой и улицы Пестеля, №22/12, стоит осмотреть всем, кто интересуется историей хасидизма в России. Здесь с 1924 по 1927 год жил шестой Любавический ребе Иосиф Ицхак Шнеерсон. Он переехал в Ленинград вместе со своим ближайшим окружением (так называемым "двором") из Ростова-на-Дону, куда цадика забросила первая мировая война. На короткий срок Ленинград стал мировым центром гром любавического хасидизма (Хабада). Как и в Ростове-на-Дону. Любавичах, Нежине, Гадяче, в квартире на Моховой проходили регулярные встречи Ребе с хасидами (иехидут) и знаменитые фарбринген - хасидские собрания. На молитву иногда приходили сто - сто пятьдесят человек.

Евсекцию беспокоило влияние Ребе среди верующих. Власти подозревали, что Шнеерсон собрал немало денег на содержание хедеров, микв, синагог. Бывший видный меньшевик М. Горев в своей книге "Против антисемитов" (1928), содержащей вместе с тем критику иудаизма, писал, что Шнеерсон, используя деньги американских евреев, насаждает в новых сельскохозяйственных поселениях шойхетов, меламедов и других "служителей культа".

"Мы за Ленина, против Шнеерсона!"

- взывал этот борец с антисемитизмом. В 1927 году Ребе был арестован и приговорен к смертной казни. Однако давление мирового еврейского общественного мнения и заступничество латвийского правительства привели к отмене приговора и высылке И.И.Шнеерсона за пределы СССР- Вместе с ним уехал из Ленинграда и его будущий зять Менахем Мендл, ставший впоследствии седьмым, ныне здравствующим Любавическим ребе.

В доме №25 по улице Пора Лаврова (бывшей Фурштадской) в 1884 году жил Семен Яковлевич Надсон, почти несчастной судьбы, умерший двадцати четырех лет от роду. Еще его дед по отцовской линии, поселившийся в Киеве, принял православие. Отец умер в приюте для душевно-больших, когда мальчику было лишь два года. Мать, женщина красивая и сердечная, родом из дворян Мамонтовых, вышла замуж вновь, но и этот брак продолжался недолго, так как отчим Надсона повесился в припадке умопомешательства, а сама несчастная, дважды овдовевшая женщина скончалась от чахотки в тридцать один год.

Семен Яковлевич окончил Вторую военную гимназию (впоследствии Второй кадетский корпус). За короткий промежуток времени, отпущенный ему судьбой для творчества, он успел стать известным русским поэтом-пессимистом, что неудивительно, учитывая обстоятельства его биографии. Похороны Надсона вызвали стечение читающей молодежи. Его могила находится на Волковом кладбище рядом с могилами Добролюбова и Белинского. Однако звезда славы поэта-страдальца так

же, как и его жизнь, горела очень недолго. Кто сейчас кроме литературоведов читает стихи Надсона? Критики считают его "литературным недоразумением". Среди наследия Надсона есть одно стихотворение, посвященное еврейскому народу. Его появление, очевидно, было связано с погромами восьмидесятых годов и травлей самого поэта а черносотенной прессе.

Я рос тебе чужим, отверженный народ,

И не тебе я пел в минуты вдохновенья.

Твоих преданий мир, твоей печали нет.

Мне чужд, как и твои ученья.

И если б ты, как встарь, был счастлив и силен,

И если б не был ты унижен целым светом,

- Иным стремлением согрет и увлечен,

Я б не пришел к тебе с приветом.

Но в наши дни, когда под бременем скорбей

Ты гнешь чело свое и тщетно ждешь спасенья,

В те дни, когда одно название "еврей"

В устах толпы звучит как символ отверженья,

Когда твои враги, как стая жадных псов,

На части рвут тебя, ругаясь над тобою,

Дай скромно стать и мне в ряды твоих бойцов,

Народ, отверженный судьбою!

Ну что ж, спасибо и на этом.

В 1914 году стихотворение было включено в сборник "Бар-Мицво" 9, выпущенный для мальчиков, вступающих в возраст религиозного совершеннолетия. А в обзорах русско-еврейской литературы имя поэта нет-нет да и упоминается. Может быть, именно благодаря этим шестнадцати строчкам Надсон еще долго не будет забыт.

* * *

По адресу Захарьевская, №25 (ныне улица Каляева) в 1906 - 1917 годах жил присяжный поверенный Максим Моисеевич Винавер. Еврейская энциклопедия указывает, что Винавер родился в 1863 году в Варшаве. Закончив в 1886 году Варшавский университет, он переехал в Петербург, где занялся адвокатской практикой, а затем и политической деятельностью, которая выразилась главным образом в основании Партии народной свободы (кадетской). Винавер, человек высокой культуры и редкого обаяния, пользовался безусловным авторитетом среди членов партии. На выборах в Первую государственную думу, в которой кадеты получили большинство, Максим Моисеевич показал себя блестящим оратором. Он стал неофициальным лидером еврейских депутатов и, несмотря на то, что они принадлежали к разным партиям, сумел объединить их при голосовании по важным для евреев проблемам. Искусный политик, Винавер обеспечил поддержку кадетов в вопросе о равенстве нацменьшинств. Считая, что еврейский вопрос тесно связан с общей проблемой демократии в России, Винавер выступил в Думе с речью, в которой, в частности, сказал:

"Мы, евреи, представители одной из наиболее мучаемых национальностей, ни разу и ни слова не сказали только о себе, так как считаем неподходящим говорить об этом, а не о гражданском равенстве для всех. Вес, что мой народ просит, - это нормализовать жизнь каждого жителя империи".

Кадеты приветствовали его овацией.

Первая дума, созванная на гребне революции 1905 года, еще тешила избирателей надеждами, что ее деятельность сыграет существенную роль в будущем России. На самом деле это собрание быстро превращалось во "всероссийскую говорильню". Революционное движение пошло на спад, и Николай II готовился к контрнаступлению.

15 мая 1906 года Дума впервые выдвинула декларацию об основных гражданских правах. В западных губерниях евреи взволнованно следили за прениями, надеясь на успех. Но, как и следовало ожидать, царь ликвидировал Думу до голосования. Однако депутаты успели провести расследование Белостокского погрома и возложили ответственность за него на правительство. В иной стране это привело бы к отставке кабинета министров. В России же разогнали самих депутатов.

М.М.Винавер активно участвовал в еврейской общественной жизни. Он входил в правление петербургской общины. Являлся одним из организаторов Союза для достижения полноправия евреев в России, а затем Еврейской народной группы. Председательствовал в Еврейском обществе поощрения художеств и в Еврейском историко-этнографическом обществе, которое одно время собиралось в его доме.

Печатался в русско-еврейской прессе, был членом ЦК ОПЕ, выступал защитником евреев после погромов в Кишиневе и Гомеле.

Как и многие другие еврейские общественные деятели того времени, Винавер не соблюдал традиций, был далек как от сионизма, так и от Бунда. Его усилия были направлены на достижение евреями гражданских прав и на борьбу с антисемитизмом. Эту борьбу он продолжил и после эмиграции в Париж на страницах своего журнала "Еврейская трибуна". Как знаток права и талантливый публицист, Винавер оставил ряд работ, например "Очерки об адвокатуре" (1902), "История Выборгского воззвания" (1917).

* * *

От дома М.М.Винавера мы можем пройти в конец улицы Чайковского (бывшая Сергиевская), где в доме №56 в 1925 году находилась 2-я еврейская национальная школа (заведующий Гольдгор). Действовала она, по-видимому, недолго. В двадцатые годы в Ленинграде одновременно работали две или три еврейские школы, в 1930 году была открыта уже только одна на Васильевском острове.

Как же обстояло дело в послереволюционной России с государственным еврейским образованием? Обратимся к работе Л.Г.Зингера и Б.С.Энгеля "Еврейское население в СССР в таблицах и диаграммах" (М., 1930). Авторы этого статистического сборника считают, что, с одной стороны, по общему уровню грамотности (71,8 процента грамотных, в том числе 59 процентов владеющих идишем) евреи опережают "среднего" жителя СССР (40 процентов грамотных). С другой, совершенно очевидна тенденция уменьшения значения идиша в крупных центрах - Москве и Ленинграде - при высоком уровне общего образования.

* * *

Улица Чайковского заканчивается Таврическим садом. Когда-то этот сад вместе с прилегающим к нему участком вдоль Невы принадлежал фавориту Екатерины II князю Потемкину Таврическому. Здесь в 1783 - 1789 годах архитектор И.Е.Стасов построил для князя дворец, который является выдающимся памятником петербургской архитектуры конца восемнадцатого века.

С еврейской историей Таврический дворец связан тем, что именно здесь заседала Государственная дума - первый русский парламент, который хотя и был ограничен в правах, да и сформирован на основе несправедливого избирательного закона, тем не менее, сумел сказать свое слово в защиту еврейского равноправия.

В составе Первой думы было двенадцать евреев:

Л.Брамсон,
Я.Брук,
М.Винавер,
Я.Иоллос,
Н.Кацнельсон,
Ш.Левин,
М.Острогорский,
С.Розенбаум,
С.Френкель,
М.Червоненкис,
М.Шефтель
В.Якубсон.

Еврейские депутаты российского народного собрания впервые порвали с позорной практикой своих коллег из Европы, уклонявшихся от прямой борьбы за еврейские права из страха быть обвиненными в "необъективности". Голос еврейских депутатов Думы был ясно слышен на всех заседаниях по любым вопросам.

М.Винавер возглавил борьбу за закон о гражданских правах.

В.Якубсон участвовал в комиссии по расследованию Белостокского погрома.

Просуществовав всего семьдесят два дня, Первая дума была распущена. Почти половина депутатов, возмущенная насилием, обратилась к народу с так называемым Выборгским воззванием, призывая население не платить налоги, уклоняться от воинской повинности и не участвовать в государственных займах. Все депутаты-евреи, за исключением М.Острогорского, находившегося в этот момент в Англии, подписали воззвание, за что были приговорены к трем месяцам тюрьмы и лишению права избираться в новую Думу. Однако не всем удалось отделаться так легко.

Депутат Я.Иоллос и московский профессор М.Герценштейн, крещеный еврей, активно выступавший по аграрному вопросу, были убиты черносотенцами.

Во Вторую думу вошли уже только четыре, а в Третью - лишь два еврея. Заметной роли в политике они не играли.

* * *

Пройдем теперь по Потемкинской улице и повернем на улицу Восстания (бывшую Знаменскую). Недалеко от Еврейского театрального общества на углу Баскова переулка и улицы Восстания, в доме №25/28 в 1917 - 1918 годах находилось Общество для научных еврейских изданий. Оно было основано в 1906 году Ю.Гессеном, Д.Гинцбургом, Б.Каменкой, Л.Каценельсоном, М.Кулишером и М.Шефтелем (последнего избрали председателем).

Общество ставило своей целью издание и распространение трудов на русском и других языках по истории и культуре еврейского народа. Пайщики этого объединения внесли по сто рублей и избрали двенадцать человек в комитет, ведущий дела в течение трех лет. Общество не являлось коммерческим предприятием, так как прибыль от продажи книг направлялась на подготовку новых изданий. Безусловно, главным событием в истории общества стал выпуск знаменитой Еврейской энциклопедии, осуществленный вместе с издательством "Брокгауз и Ефрон".

Почти рядом с Обществом для научных еврейских изданий в доме №20 по Баскову переулку жил один из его учредителей, известный историк русского еврейства Юлий Гессен. До революции он занимал квартиру на Бассейной, №35 (ныне улица Некрасова). Между прочим, само общество до 1910 года тоже размещалось в этом здании.

Кроме Общества для научных еврейских изданий здесь одно время нашли приют контора редакции журнала "Еврейская старина" и Еврейское историко-этнографическое общество (1912).

* * *

Двигаясь по улице Некрасова в сторону Суворовского проспекта, мы переходим из бывшей Литейной в Рождественскую часть старого Петербурга. Район Рождественских (теперь Советских) улиц имел раньше и другое название - Пески. Он никогда не был особенно богатым. Здесь жили квалифицированные ремесленники, фармацевты, люди свободных профессий. На Суворовском проспекте, №2 действовала небольшая синагога.

Мы начнем прогулку по Пескам с огромного пышного семиэтажного дома №9 на углу Суворовского проспекта и Девятой Советской. Сейчас в нем находится кинотеатр "Искра", а 30 ноября 1908 года здесь, в квартире 22

торжественно открылось Общество еврейской народной музыки. В 1910 году оно сменило адрес и переехало на Садовую, №85 (квартира 6).

Энтузиастами-собираателями еврейского музыкального фольклора были С.Гинзбург, П. Марек и Ю.Энгель. Еще в девяностых годах прошлого века С.Гинзбург и П.Марек в статье "Еврейские народные песни" обратились

"ко всем близко стоящим к нашей массе лицам с воззванием о записывании... распеваемых в их местах жаргонных народных песен", ибо "живой материал, отражающий взгляды народа на ту или другую из пережитых им эпох, грозит безвозвратным исчезновением, если он не будет своевременно зарегистрирован".

Призыв нашел отклик в сердце критика "Русских ведомостей" Ю.Энгеля, который начал ездить по городам и местечкам черты оседлости с фонографом, записывая народные песни, за что неоднократно получал угрожающие письма от черносотенцев.

В 1900 году Энгель организовал в Политехническом музее в Москве первый в России концерт еврейской музыки, сопровождавшийся лекциями.

"Публика стояла густою стеною в зале, проходах, коридоре и на лестнице. Объясняется это любопытными докладами о еврейских песнях",

- писал обозреватель "Русской музыкальной газеты" Иван Липаев.

В своем докладе на концерте Ю.Энгель сказал:

"Еврейская песня действительно существует и представляет крупный самостоятельный интерес, как этнографический, так и художественный... В духовной музыке мы встречаем напевы, несомненно, древние, которые поются более или менее одинаково почти всеми евреями на земном шаре. Происхождение этих напевов теряется во мраке столетий, а может быть, даже тысячелетий".

Общество быстро росло и развивалось. Если вначале в него входила сотня энтузиастов, то в 1913 году их было уже 884, в том числе 410 участников в Петербургском отделении. Комитет учредил премию за лучшую еврейскую оперу. Отделения общества открылись в Москве, Харькове, Киеве, Риге, Симферополе, Ростове-на-Дону, Баку, Одессе. За первые пять лет своего существования общество провело 154 концерта в разных городах, 16 музыкальных собраний в Петербурге, издало более сотни музыкальных произведений для голосов и разных инструментов, в

том числе сборник "Еврейские детские песни для очагов, школ и семьи" Ю.Энгеля.

На собраниях читались доклады, например: "Еврейская музыка, ее прошлое и настоящее, ее перспективы" (Л.Саминский), "Евреи в музыке и музыка у евреев" (Д.Шор). Исполнялись произведения первых еврейских профессиональных композиторов А.Крейна и М.Гнесина.

В комитет входили М.Гнесин, А.Житомирский, П.Львов, Л.Саминский, С.Розовский, Е.Шкляр, З.Киссельгоф, Д.Шор, С.Гинзбург, П.Марек. В 1916 году председателем общества был Вениамин Семенович Мандель.

Разумеется, деятельность общества нашла широкую поддержку русской либеральной интеллигенции, живо заинтересовавшейся творчеством еврейских композиторов и музыкальных фольклористов. Многие активисты общества были в прошлом учениками Н.А.Римского-Корсакова, который вообще поощрял развитие национальных культур. Одному из своих учеников, кажется М.Гнесину, он заявил:

"Я очень рад видеть, что вы пишете сочинения в еврейском духе. Как странно, что ученики мои - евреи - так мало занимаются своей родной музыкой. Еврейская музыка существует, это замечательная музыка, и она ждет своего Глинку".

В книге "Мысли и воспоминания о Римском-Корсакове" М.Гнесин пишет о своем учителе:

"Как охотно высказывался он об особенностях утих (национальных. - М.Б.) мелодий, какую проявлял чуткость при помощи в их обработке, поощряя и русских, и украинцев, и латышей, и армян, и евреев. Один из моих товарищей по классу принес однажды на урок две пьесы под названием "Восточные мелодии", кажется для скрипки с сопровождением фортепиано. "Очень милые сочинения. - сказал Р.-К., прослушав музыку. Но почему вы их назвали "Восточными мелодиями"? Ведь это типично еврейские мелодии. Их трудно спутать с другими".

Не только еврейская периодическая печать, но и русские музыкальные издания постоянно реагировали на успехи обществ. Приведем еще две цитаты:

"Вечер еврейской народной песни 6 февраля затянулся далеко за полночь... Музыкальная сущность песен меня не поразила оригинальностью... Чему я искренне завидовал, так это той радости, тому удовольствию, с которым выслушивала каждую песню многочисленная публика (почти исключительно еврейская), требовавшая бесчисленных повторений. Исполнители были на высоте прекрасного исполнения" ("Русская музыкальная газета").

"Текст еврейских народных песен обладает исключительным богатством и разнообразием содержания. Он способен вызвать целую гамму настроений, так как в еврейской поэзии отражается и религиозный экстаз, и трагические переживания еврейства, и ощущение безудержной стихийной веселости. Эмоциональному характеру еврейской поэзии вполне соответствует такой же характер музыки. Вот почему стильное исполнение всецело зависит от знакомства исполнителей с драматическим искусством..." ("Музыкальный современник").

Постепенно к фольклорным экспедициям за черту оседлости удается привлечь не только энтузиастов-любителей, но и такие представительные учреждения, как этнографическое отделение и музыкально-этнографическую комиссию Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (при содействии Л.Я.Штернберга), Азиатский музей Академии наук. Большую помощь в сборе еврейского фольклора оказала организованная С.Ан-ским на средства из фонда барона Г.Гинцбурга экспедиция на Волынь и Подолию (1911 - 1914). Фонографические записи вел замечательный деятель еврейского просвещения З.А.Киссельгоф.

Деятельность общества дала толчок не только собиранию еврейских народных песен, но и активному музыкальному творчеству.

Можно назвать некоторые работы А.Крейна:

"Еврейские эскизы для струнного квартета и кларнета" (1910 - 1911), кантату "Кадиш" (1922), "Десять еврейских песен" (1937),

а также произведения М.Гнесина:

"Вариации на еврейскую тему для струнного квартета" (1916), оперу-поэму "Юность Авраама" (1921 - 1923), "Симфоническую фантазию в еврейском роде" (1916), вокальные циклы "Еврейские песни" (1927) и "Повесть о рыжем Мотэле" (1929).

Интересные теоретические исследования по древней и современной еврейской музыке были проведены Д.Маггидом, Р.Груббером, К.Заксом, М.Гнесиным.

Не случайно, говоря об активности общества в своей работе "Еврейская национальная школа в музыке", Л.Сабанеев писал:

"Еврейская нация всегда была певуча, всегда в звуках высказывала она потрясавшие ее скорби, гнев и соблазны. И теперь, когда эта нация уже выделила из себя интеллектуальные слои, теперь она не только может, она должна сказать свое музыкальное мировое слово... Та группа, которая ныне действует, которая появилась сразу и как бы внезапно,

которая имеет так много общих, внешним образом, черт с создавшей русскую национальную школу "Могучей кучкой", эта группа имеет много шансов сама быть именно "Могучей кучкой" еврейства".

Очень жаль, что этому пророчеству не суждено было свершиться.

* * *

После знакомства с объединением, поощрявшим музыкальную жизнь петербургского еврейства, будет естественно познакомиться с деятельностью еврейских литературных обществ. Для этого перейдем на соседнюю, Восьмую Советскую улицу.

До революции в Петербурге функционировали три еврейских литературных общества. Одно из них, образованное первым, в 1908 году, находилось в доме №25, в квартире 12. Хотя разрешение на создание Еврейского литературного общества было дано на имя Л.Н.Нисселовича, С.М.Гинзбурга и С.Л.Каменецкого, его председателем и, вероятно, фактическим руководителем был С.М.Дубнов.

Общество ставило своей целью изучать и развивать литературу на иврите, идише и русском, издавать книги, журналы и газеты, устраивать музеи и выставки, чтения, беседы. Как было тогда принято, все входившие в общество разделялись на "действительных членов" (годовой взнос десять рублей), "членов-соревнователей" (взнос шесть рублей) и "членов-жертвователей" (три рубля). Плата сравнительно невысокая. В ОПЕ, например, "действительный член" должен был вносить двадцать пять рублей в год. Правом голоса обладал каждый участник, независимо от величины взноса. Комитет состоял из восемнадцати человек.

Общество быстро окрепло и открыло отделения в Минске, Бердичеве, Орше, Нежине, Киеве, Сморгони и других городах и местечках (35 отделений, 850 членов в 1910 году). Но через год Еврейское литературное общество закрыли согласно циркуляру Столыпина против культурно-просветительных объединений "инородцев", содействовавших пробуждению "узкого национального политического самосознания". Среди активистов общества, помимо уже названных, следует упомянуть Н.Цейтлина, Ю.Гессена, А.Идельсона, А.Раппопорта, М.Крейнина, В.Манделя, М.Ривесмана, Рывкина, С.Цинберга.

Осенью 1910 года, незадолго до закрытия, здесь успел выступить с лекцией известный философ и публицист Натан Бирнбаум, весной 1911 года свои рассказы читал приехавший из Варшавы И.Л.Перец. Важной стороной деятельности общества была выдача пособий нуждающимся еврейским писателям,

В 1911 году, вероятно, в связи с ликвидацией Еврейского литературного общества, в Петербурге образовалось новое объединение, названное Еврейским литературно-научным обществом. Оно размещалось сначала на Садовой, №81, в квартире 13 (до 1915 года), а затем на Гороховой, №41 (сейчас улица Дзержинского). В него вошли те же общественные деятели, которые участвовали в разогнанном Еврейском литературном обществе: С.Гинзбург (председатель), М.Крейнин (товарищ председателя), А.Раппопорт, С.Каменецкий. Просуществовало общество до 1918 года.

В 1916 году было учреждено Еврейское литературно-художественное общество имени Леона (Ицхока Лейбуша) Переца. Оно находилось на Рижском проспекте, №48, в квартире 99 (сейчас проспект Огородникова). Общество стремилось развивать литературу на идише и даже создать еврейский театр на "жаргоне", как тогда было принято называть этот язык. Был основан фонд имени Л.Переца в тридцать тысяч рублей для издания оригинальной и переводной литературы на идише.

Факт возникновения такого общества отразил совершенно определенное явление в еврейской жизни десятых годов: обострение борьбы вокруг проблемы языка: иврит или идиш является "подлинно еврейским"? За каким языком будущее, на каком языке нужно издавать книги, журналы, газеты? Может быть, вообще отказаться от еврейского языка и предпочесть русский? Эта полемика по поводу, казалось бы, чисто культурного вопроса довольно точно отражала политическую ориентацию сторон. Очевидно, что некоторые религиозные круги, национально настроенная интеллигенция, сионисты ратовали за иврит; левая интеллигенция, Бунд, да и широкие народные массы выступали за идиш. Идишисты вдохновлялись большим прогрессом, достигнутым на рубеже веков литературой на "жаргоне". Достаточно вспомнить Шолом-Алейхема, Леона Переца, Шолома Аша. Кроме того, большинство российских евреев не знали иврита, и он не мог быть использован для пропаганды революционных идей в массах.

* * *

Для раввинов же и руководителей иешив забвение иврита означало невозможность читать и изучать священные книги и, стало быть, отход от религии. Сионисты связывали с ивритом надежды на объединение нации на земле Палестины, ибо идиш был разговорным языком только для ашкеназов. Новая еврейская интеллигенция восприняла от маскилим презрительное отношение к идишу как к неполноценному языку, олицетворявшему бесправную жизнь в диаспоре.

Пройдем теперь на Седьмую Советскую улицу. В доме №6 в 1915 - 1916 годах располагалось уже не раз упоминавшееся из-за своих частых

переездов Еврейское историко-этнографическое общество (ИЭО), существовавшее в Петербурге-Ленинграде с 1908 по 1930 год.

Нет ничего удивительного в том, что общество носило такое название. История и этнография неразрывно связаны. Особенно это относится к евреям, которые в любой стране являются национальным меньшинством и нередко подвергаются влиянию традиций мажоритарных народов. С другой стороны, для евреев история всегда была предметом пристального внимания и даже элементом повседневной жизни, что неизбежно сказывалось на формировании лица нации.

Сохранять традиции и обычаи, изучать народный быт - эти призывы все громче зазвучали, начиная с восьмидесятых годов прошлого века, то есть с той поры, когда традиционные формы еврейской жизни стали разрушаться. Активисты ИЭО С.М.Дубнов, Л.Я.Штернберг, С.Ан-ский, Я.Б.Эйгер, А.М.Брамсон и другие сделали все, что смогли, чтобы в какой-то степени зафиксировать и сохранить следы быстро уходящего еврейского мира.

Однако их усилия вовсе не решили этой проблемы окончательно. Сегодня она стоит не менее остро. Чтобы доказать это, давайте сравним две статьи, написанные с промежутком в девяносто лет совершенно разными людьми, но на одну и ту же тему. Речь идет о работе С. М. Дубнова "Об изучении истории русских евреев и об учреждении Российского еврейского историко-этнографического общества" ("Восход", 1891, кн. 4-9) и о материале И.И. Крупника "Проблемы этнографического изучения евреев в СССР" ("Советиш геймланд", 1982, №8). Поместим цитаты из этих двух авторов (или сокращенный пересказ текстов) параллельно. Читатель - мы уверены - легко определит, кому принадлежат высказанные мысли.

"Мерило человеческого сознания - сознательное отношение к прошедшему. Это путь к самопознанию... Заметны ли у нас в настоящее время в мыслящих слоях общества признаки такового исторического самосознания? Нет, ни малейших. Мы не только не сознаем, не понимаем нашего прошедшего, но просто не знаем его фактически и как будто не хотим знать, словно мы - люди вчерашнего дня, безродные, не имеющие за собой никакого прошлого".

"Этнографическое изучение евреев имеет богатые традиции... Однако в последнее время оно стало явно недостаточным. Самые поздние общие очерки о группах еврейского населения в СССР написаны в 1950-х - начале 1960-х годов. Работы, вышедшие на русском языке за последнее десятилетие, малочисленны и посвящены частным вопросам".

"Стыдно сказать, но и скрывать не приходится, что вся ивовойеврейская "научная" литература последних тридцати лет дала нам всего три

книжки, могущие до некоторой степени пригодиться в дело при систематической разработке истории евреев в России".

"Случилось так, что в перипетиях развития еврейской этнографии связывающая нас линия научной традиции во многом оборвалась. При всем желании нам зачастую трудно осознавать себя преемниками этнографов первой половины двадцатого века, поскольку мы плохо знаем о трудах и даже именах своих предшественников".

"Но подготовительная работа к этой историографии отчасти уже началась в самое последнее время в форме собирания материалов из русских государственных архивов. Публика, даже интеллигентная, глядит совершенно безучастно на эту подготовительную работу, не понимая ее назначения... Нужна ли вообще эта работа? Была ли история? Как Спик и Стенли, отправляясь в Африку, ничего почти не знали, так и мы... Мы тоже имеем перед собой своего рода "темный материк" (как англичане называют внутреннюю Африку), который предстоит исследовать и осветить".

О том, как плохо сохраняются старинные пинкасы (летописи) еврейских общин:

"Как же мы пользуемся этими естественными богатствами нашей истории? Так, как мог бы пользоваться подобными сокровищами самый невежественный, самый темный народ, не имеющий ни самобытного прошлого, ни литературы, ни вообще духовной жизни. Мы оставляем наши "памятные книги" гнить там, куда они случайно заброшены рукою времени: в домах частных лиц, не знающих им никакой цены, на запыленных полках с книгами, в темных кладовых, в бедных лачугах, между разной рухлядью, в кучах ветхой печатной бумаги, покоящихся в дальнем углу синагоги, даже на чердаках, среди разного мусора, где над нашими историческими памятниками прилежно работают настоящие "буквояды" в образе крыс и мышей".

"Во время Великой Отечественной войны и в последующие годы затерялись не только судьбы отдельных лиц, но и целые музеи с их коллекциями и фондами, архивы, библиотеки, письма, фотографии, рукописи. Так, мы ничего до сих пор не знаем о судьбе фондов этнографического музея, существовавшего в 1920-х 1930-х годах при Еврейском историко-этнографическом обществе в Ленинграде, отправленных в конце 1930-х годов в Одессу во Всеукраинский музей еврейской культуры имени Менделе Мойхер-Сфорима.

Можно полагать, что фонды обоих музеев погибли во время фашистской оккупации, но знает ли кто это доподлинно и вдруг что-нибудь да сохранилось или было вывезено немцами в другие страны (как

свозились ими с оккупированных территорий Европы еврейские архивы в Варшаву, а предметы и памятники культуры в Прагу)?

А где могут храниться богатейший архив и библиотека того же Еврейского историко-этнографического общества, какова судьба Украинского института и Белорусского отделения еврейской пролетарской культуры, существовавших до войны в Киеве и Минске, или фондов Туземно-еврейского этнографического музея евреев Грузии, еврейской отдела Государственного исторического музея БССР, или еврейской сектора Бердического краеведческого музея? К сожалению, на эти и многие другие аналогичные вопросы у нас пока нет ответов".

"Так поступает с нашими древними историческими памятниками "чернь непросвещенная" Еще хуже относится к ним интеллигенция, которая их просто знать не хочет".

Существует предубеждение против собирания исторических материалов. Оно вызвано "опасением, что обнародование старинных, преимущественно кагальных пинкасов побудит юдофобскую печать усилить свои крики о кагале, о еврейском заговоре. Как прятать свое прошедшее из опасения, что оно не понравится каким-нибудь проходимцам и ничтожным газетным крикунам, торгующим юдофобией!

"Этнография и история культуры знают также случаи фальсификаций, недоговаривания или искажения истины, пусть и в "лучших целях". Можно лишь пожелать, чтобы опыт наших предшественников, их трудности и ошибки пошли на пользу нам, исследователям 80-х годов, тем более, что многие, казалось бы, давно решенные проблемы вновь и вновь поднимаются в каждом поколении".

"За это дело собирания мы и должны взяться и исполнить его открыто, заботясь лишь о правде, а не о том, как взглянут на эту правду другие. Боязливо озираться нам нечего: не на худое дело мы идем".

"Поэтому наша обязанность, первейший нравственный долг сделать так, чтобы труд наших предшественников или хотя бы память о нем не пропала бесследно. Мы должны приложить все силы к поиску следов утраченных архивов и фондов, собрать сведения о судьбе связанных с ними лиц, описать состояние уцелевших коллекций, которые зачастую хранятся под другими именами, неразобранными или в неблагоприятных условиях. Усилий нескольких профессионалов-этнографов или музейных работников для этого недостаточно".

"Из всего изложенного следует, что подготовительная работа к историографии евреев в России, состоящая в отыскании, собирании и публикации разнородного материала, чрезвычайно сложна и единоличными усилиями никоим образом не может быть совершена".

"Обзоры, отклики, популярные очерки об этнографической и историко-культурной работе принесут нам новых читателей и новых бесценных помощников. Не исключено, что итогом этого сотрудничества могут со временем стать и какие-нибудь популярные книги по истории, этнографии, культуре евреев СССР".

"Для осуществления этой великой и сложной задачи нужно прибегнуть к тому способу, который в подобных случаях употребляется у всех других культурно-исторических народов, а именно: нужно учредить особое Общество для исследования истории русских евреев".

Еще предлагалось издавать исторический журнал, впоследствии получивший название "Еврейская старина". Итак, мы проследили за первыми усилиями еврейских ученых, приведшими через семнадцать лет к созданию ИЗО. К сожалению, архивы и библиотека общества пропали, по-видимому, безвозвратно.

Печальная судьба постигла и экспонаты этнографического музея. Нам известно, впрочем, что в двадцатые годы в ИЗО велась активная работа. "Еврейский вестник" писал, что в музее общества хранились тысяча экспонатов, полторы тысячи фотоснимков, 350 фонографических валиков с записями народных мелодий и значительная коллекция нот.

Архив ИЗО располагал 43 подлинными пиикасами, 70 копиями и переводами, 200 рукописями, 160 старопечатными китами, коллекцией документов и писем на иврите, архивом С.Ан-ского, материалами к указателю русско-еврейской литературы, включавшему около 10 тысяч названий.

Работавшая при ИЗО комиссия по изучению еврейских древностей (председатель-директор Я.Б.Эйгер, секретарь Б.Д.Шульман) занималась классификацией талмудического материала для последующего изучения специалистами в области медицины, педагогики, библейской критики и права. В обществе регулярно читались научные доклады по истории и этнографии евреев, подготовленные видными учеными, например:

"Проблема еврейской национальной психологии",

"Ближайшие задачи изучения евреев" (Л.Я.Штернберг),

"Евреи в период польского бескоролья" (И.А.Клейнман),

"Еврейские врачи в средние века" (Я.Б.Эйгер),

"Авраам Крымский и Моисей Киевский",

"Проблема любви в еврейской средневековой литературе" (С.Л.Цинберг),

"Еврейское направление в музыке и его связь с народной жизнью"
(М.Ф.Гнесин),

"Третья Книга Маккавеев"

"Еврейский быт и эллинистическую эпоху" (С. Я.Лурье),

"Современное еврейское местечко" (И.Н.Винников).

Сейчас мы только можем перечислять темы лекций, вздыхая об утраченных культурных ценностях. Наши сетования не воскресят мертвецов и не помогут обрести былую активность 140-тысячному еврейскому населению современного Ленинграда.

* * *

В доме №7 по Седьмой Советской, высоком здании с эркерами, в 1916 году находилось общество "Поал цедек" ("Честный труженик"), располагавшееся прежде на Гагаринской, №34 (сейчас улица Фурманова). Общество содействовало обучению еврейских детей ремеслу. Председателем был Григорий Рамсонович Вольгке.

Здесь же с осени 1916 года по май 1917 года издавался еженедельный печатный орган Бунда на русском языке "Еврейские вести". Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) - это еврейская социалистическая партия, основанная в 1897 году на нелегальном съезде в Вильно.

До 1903 года Бунд входил в РСДРП, а затем покинул ее, так как местные организации социал-демократов формировались сугубо по территориальному признаку, а Бунд требовал создания в западных губерниях отдельных секций для евреев. Не считая евреев самостоятельным народом, эта партия ограничивала свою национальную программу достижением гражданских прав и культурной автономии. В остальном бундовцы обычно поддерживали социал-демократов.

Почти весь дореволюционный период Бунд действовал в подполье. В 1904 году насчитывалось четыре с половиной тысячи политзаключенных-бундовцев. Многие из них были казнены или убиты во время погромов, так как еврейская самооборона часто организовывалась Бундом. К концу 1917 года партия объединяла 40 тысяч человек в 400 первичных организациях. Ее влияние среди еврейского пролетариата России было весьма велико. В области культуры Бунд придерживался идишистского направления. Против сионистов партия вела непримиримую идеологическую борьбу.

В Петербурге-Петрограде, где почти не было еврейского пролетариата. Бунд существенных позиций не имел. Тем более интересно, что здесь выходило партийное издание, да еще на русском языке (из-за запрета военных властей набирать книги еврейским шрифтом).

Среди авторов "Еврейских вестей" мы встречаем видных партийных деятелей и журналистов: Бен-Нозми, Е.С.Бреннера, М.Вильнера, Б.Гольдмана, Г.Гейликмана, С.Дубнову-Эрлих, А.Золотареву, В.Стрелецкую-Тсрешкович, Д.О.Заславского, В.А.Канторовича, М.Рафеса и Г.Эрлиха. После 1914 года дела Петроградской секции Бунда, отрезанной войной от губерний с преобладающим еврейским населением, пошли неважно. "Еврейские вести" существовали в основном благодаря активности Г.Эрлиха и М.Рафеса - единственных членов ЦК, находившихся в то время в столице.

Некоторое время в Петербурге выпускалась бундовская газета на идише. Вот что об этом сообщает Н.А.Бухбиндер в книге "История еврейского рабочего движения в России" (Л., 1925):

"С 1912 г. и Петербурге начинает выходить еженедельная бундовская газета "Ди цайт" ("Время") при ближайшем участии Абрамовича (Рейна), Ольгина, Фрумкиной (Эстер), Д.О.Заславского, А.Д.Киржница и Б.Оршанского. Появление "Ди цайт" вызвало огромную радость рабочих. Из Витебска рабочие писали: "С большой радостью наши сознательные товарищи встретили первый номер еврейской рабочей газеты. Каждый пережил внутреннюю душевную радость, увидя газету. Каждый думал, что пройдет много времени, прежде чем он увидит еврейскую рабочую газету. Нам казалось, что еврейская рабочая газета в наше время есть фантазия, греза, которая в действительности не может осуществиться, но, к удивлению, мы имеем теперь, во время тьмы, - светоч, который светит нам высоко в нашей темноте".

Из той же книги мы узнаем, что перед революцией "в Петербурге успешно велась работа среди еврейских студентов; при психоневрологическом институте и университете образовались бундовские группы (активисты: Вайнтраух, Харит, Хацкелес и др.), которые устраивали лекции, рефераты, собрания и в 1916 году издали на русском языке сборник "Наш путь".

К сожалению, адреса редакций газеты и сборника (возможно, они издавались нелегально) нам пока неизвестны.

* * *

Тут же, на Песках, на Третьей Рождественской улице, №16 до революции располагалась организация, которая, как и Русское общество для изучения еврейской жизни, тоже интересовалось евреями, и, я бы

даже сказал, еврейской культурой, но несколько в ином плане. Называлась она Обществом изучения иудейского племени и своей целью провозглашала "всестороннее изучение всех вредных качеств этого племени, его злокачественной религии и внутренних законов".

Известно, что председателем общества был некий Николай Николаевич Жеденов. Так как в нашу задачу не входит "всестороннее изучение" истории антисемитизма в Петербурге, я не могу сообщить ничего более ни о господине Жеденове, ни об эффективности "научных" исследований его общества.

* * *

Мы завершили самую длинную прогулку по еврейскому Петербургу, прошли немало километров. По правде говоря, это был грустный путь. Мы не боялись опоздать к началу спектакля, так как еврейского театра давно уже нет, а актеры умерли. Нас не подгоняло сознание того, что богатая еврейская библиотека закроется перед нашим носом, ибо она ликвидирована много лет назад, а где ее бесценные книги - неизвестно. Последние газеты и журналы с новостями о жизни евреев столицы распроданы более чем полвека назад, и нам нет нужды торопиться в очередь к газетному киоску. Маршруты наших экскурсий пролегают, в сущности, по кладбищу, духовному кладбищу без надгробных плит. Но как ни тяжело, этот путь надо пройти. Чтобы знать и помнить.

Они прошли...

Согбенная фигурка

В кипе и пейзах, и за ней - пейзаж:

Протуберанц духовности, мираж,

Еврейские руины Петербурга.

Погромов век - и революций бег,

Где та же кровь - разменная валюта,

Пора изданий, школ, библиотек,

Года утрат... Горька вода галута.

Вот дом, который посещал поэт,

Там жил ученый, там благотворитель,

Любавический ребе - здесь. Их нет.

Что ж есть? Кладбищенский путеводитель.

Ушли, густой червонною рудой

Нас оделив, в раструбы поколений

И в прошлое.

Их сумрачные тени

Смотри! - смешались с облачной грядой.

Глава шестая ЕВРЕЙСКИЕ КЛАДБИЩА

Могилы еврейские. Есть ли на свете страна.

Где камни бы ваши на страже веков не стояли

И где бы сынам не вещали отцов имена

О радостном творчестве мысли в горчайших печалях,

О мраке безгранном и I ре^е о солнечных далях.

Нетающим сне! ом ложится веков седина,

А буквы на камнях горят, взывая из моха и пыли:

Мы были... мы жили...

С. Фруг

Этими стихами Семена Фруга, поэзия которого отразила и духовный кризис, пережитый русским еврейством (особенно новой интеллигенцией) в восьмидесятих годах прошлого века, и одновременно первые робкие надежды палестинофилов, хочется начать экскурсию по старому еврейскому кладбищу Ленинграда.

Трудно представить себе более "еврейское" место, чем еврейское кладбище. О чем только ни вспомнишь и ни передумаешь, находясь тут! Пройдите между могилами, и вам покажется, что вы знали всех, кто лежит под каменными плитами.

Но сначала несколько слов о том, что такое еврейское кладбище. В сущности, это просто участок земли для захоронения. Однако такое определение не будет полным. Не случайно в религиозной литературе имеется несколько названий для этого скорбного места: (бейт кварот) дом погребения, {бейт олам)

- дом вечности, (бейт хайм)

- дом жизни, {бейт моед ле-коль хай)

- дом собрания всего живущего.

Так как мертвец и могила - источники ритуальной нечистоты, кладбища всегда размещали вне города. Тем не менее это место свято, и все, что

может толковаться как неуважение к усопшему, запрещено еврейским законом. В частности, на кладбище нельзя есть, пить, заниматься светскими делами. Участки под могилы отводились обычно всем одинаковые, как напоминание о том, что смерть уравнивает бедного и богатого, простолюдина и знатного. Исключение составляли знаменитые раввины, имевшие семейные склепы. Иногда такой чести удостоивались и особо уважаемые члены общины, щедрые благотворители. Самоубийц, вероотступников и людей с дурной репутацией хоронили вне кладбища или у его дальней стены.

С древности евреи очень заботились о порядке на кладбище. Недаром говорили: "Еврейские гробницы чище, чем королевские дворцы". В средние века грамоты, жалованные европейскими феодалами еврейским общинам и определявшие их юридический статус, всегда включали пункты об охране еврейских кладбищ. За осквернение могил часто полагалась смертная казнь. Польско-литовское законодательство подходило к этому вопросу чуть мягче. В грамоте Великого князя литовского Витовта, данной евреям Бреста в 1388 году, написано:

"Если же христианин могилы евреев осквернять будет, желаем наказать его по обычаям земли нашей, а состояние его конфисковать".

Обычно евреи посещают могилы в годовщину смерти родных, а также в посты, в течение месяца элула (перед Рот ха-Шана) и перед Йом Кипуром. В субботу и праздники ходить на кладбище не принято.

Так как кладбище - место ритуально нечистое, после его посещения необходимо совершить омовение рук. Кохенам потомкам первосвященника Аарона - не только запрещено входить на кладбище, но и находиться в одном помещении с покойником, сколь велико бы оно ни было. Однако участие в похоронах ближайших родственников - мицви (заповедь) и для кохена.

Первое еврейское кладбище в Петербурге появилось лишь в 1874 году. Но уже в 1802 году на лютеранском (Волковском) кладбище евреи купили участок для захоронений. Собственно говоря, именно с этого события, отмеченного в пинкасе (летописи), начинается формальная история петербургской общины, связанная с именем Ноты Ноткина, известного купца из Шклова, поставщика русской армии. Еврейский участок располагался на узкой полоске между речкой Волковкой и дорогой. Сейчас эта дорога, превратившаяся в Волковский проспект, расширена до самой речки. Старые еврейские могилы оказались под асфальтом. В 1859 году, после того, как вся купленная земля была заполнена могилами, пришлось приобрести новый участок на противоположном конце кладбища между двумя канавами и стеной, выходящей на Нобелевскую улицу (ныне улица Самойловой). И сегодня здесь стоят заросшие травой полуразрушенные памятники с надписями по-еврейски,

по-немецки и по-русски. Старейшая из сохранившихся могил - доктора Генриха Курицкого - датируется 1867 годом.

Итак, только в 1874 году, в эпоху относительно либеральную, правлению петербургской общины удалось добиться участка под еврейское кладбище. В справочнике "Петербургский некрополь", изданном Великим князем Николаем Михайловичем в 1912 году, сообщается, что Преображенское кладбище с церковью Преображения Господня расположено "но Николаевской железной дороге на 10-й версте от Петербурга. Разделяется на православное, других христианских исповеданий, еврейское и караимское. Кроме того существует отдельное кладбище для военных". Так что Петербургское еврейское кладбище получило название в честь чуда, произошедшего с Иисусом на горе Тавор. Христианская часть кладбища давно переименована в "Памяти жертв Девятого января", а название "Преображенское" теперь твердо ассоциируется у ленинградцев с еврейскими могилами.

Сейчас здесь уже не хоронят. Можно только зарыть урну с пеплом покойника в могилу его ближайшего родственника.

* * *

Кладбищенская синагога сооружена в начале двадцатого века. Об этом напоминают выбитые на двух мраморных досках надписи;

"Заложена сентября 15 дня 1908 года. Освящена сентября 23 дня 1912 года. Построена под председательством комитета по сооружению здания: барон Д.Г.Гинцбург, М.А.Гинсбург; под наблюдением строительной комиссии: председатель - инженер Г.А.Бернштейн, члены - М.А.Варшавский, А.А.Каплун, Н.А.Котлер; по проекту и указанию архитектора-художника Я.Гевирца. Сооружено распоряжением хозяйственного правления С.-Петербургской синагоги и на средства С.-Петербургской Еврейской общины при щедром пожертвовании Моисея Акимовича Гинсбурга".

К открытию синагоги в типографии "И.Лурье и К° (ул. Гороховая, №48) была отпечатана брошюра "Чин и обряд освящения дома отпевания на еврейском Преображенском кладбище в С.-Петербурге". На еврейском и русском языках она описывала торжественную процедуру освящения. Хозяйственное правление, раввинат, члены комитета и почетные гости собрались перед зданием. Председатель строительной комиссии вручил ключ от синагоги председателю комитета, который открыл парадную дверь. В арон кодеш внесли свитки Торы. Раввин произнес речь по случаю открытия, а затем (обязательную тогда) молитву за царя. Любопытно, что вместе со славословием Николаю II и его семье молитва содержала просьбу к Богу направить действия государя императора на пользу еврейскому народу.

Затем выступили Г.А.Бернштейп и Г.Б.Слиозберг. Кантор поет заупокойную молитву о бренности человеческой жизни:

Господи, что значит человек, что Ты ведаешь его,

Сын бренности, что Ты уважаешь его?

Человек подобен суете,

Дни его - что пробегающая тень.

Утром показался и пустил побеги,

К вечеру подсека - и увял.

Так, я знаю: к смерти Ты низведешь меня

И в дом собрания всего живущего.

Дух Божий создал меня.

И дыхание Вседержителя оживляет меня.

И возвратится прах в землю, как он и был,

Л дух возвратится к Богу, который дал его.

Будь они поумнее, они бы поняли что,

Уразумели бы конец свой:

Что при смерти (человек) ничего не возьмет с собою,

Не сойдет за ним слава его.

Храни невинность и соблюдай правоту.

Ибо есть будущность у человека праведного.

Потом официальные лица подписали акт об открытии синагоги.

Впрочем, молельный дом на кладбище трудно назвать синагогой в общепринятом смысле. Здесь не учат Тору, не молятся в субботу и не веселятся в праздник Симхат Тора. Дом для отпевания умерших - более точный термин. Поэтому и архитектура строгая, и украшений внутри нет. Однако в буквальном смысле слова это именно синагога, то есть место для собраний, хотя и по печальному поводу.

Умирал человек. Привозили его сюда, обмывали, собирали десяток стариков и читали традиционную молитву: "Эль мале рехамим...":

"Боже всемилостивый, обитающий в горних высях! Даруй блаженный покой под крылами величия Твоего, на ступенях святых, пречистых, сияющих небесным лучезарным светом, душе отошедшего в Твой мир..."

В другой заупокойной молитве за мучеников, погибших за веру, есть такие строки:

"Да мстит Он за пролитую кровь рабов Своих, как сказано в Торе Моисея, мужа Божия: "Славьте, племена, народ Его, ибо за кровь рабов Своих отомстит Он, и мщение совершит над врагами Своими, и очистит землю Свою и народ Свой. И пророками и рабами Твоими писано: "Воздам Я мзду за еще не отомщенную кровь".

К этому отрывку царский цензор приказывал делать в молитвеннике примечание:

"Сии стихи не могут быть применяемы к настоящему времени".

В начале восьмидесятых годов нашего века в синагоге случился пожар. Сейчас она восстанавливается, но работы по ряду причин ведутся крайне медленно.

* * *

Проидем под аркой правого крыла синагоги. Через несколько метров мы приблизимся к памятнику в форме саркофага. Это могила одного из последних раввинов петербургской хоральной синагоги Давида Тевеля Каценеленбогена. Внимательно приглядевшись к памятнику, мы можем понять, как выглядит характерное еврейское надгробие. Наверху обычно высекали магендавид. В данном случае на его месте две буквы "п.н." аббревиатура традиционного словосочетания [по никбар} - "здесь покоится". Так начинается любая надпись на еврейском памятнике. Далее, как правило, помещали имя покойного, отмечали его заслуги перед Богом и людьми.

Фотографии, портрета нет и не может быть. Нельзя нарушать вторую заповедь соревноваться с Богом в творении. Появление фотографий на памятниках в сравнительно недавние времена - безусловный отход от традиции. В нижней части плиты видны пять букв. Это начальные буквы слов, составляющих отрывок из заупокойной молитвы. В вольном переводе она звучит так:

"Да будет душа его вместе с теми, кто удостоен вечной жизни!"

А где же даты жизни? Дело в том, что на еврейских памятниках не принято ставить дату рождения. Появление на свет - отнюдь не заслуга новорожденного. День рождения в религиозных семьях обычно не отмечали. Ведь неизвестно, как сложится жизнь младенца. Вот когда человек проживет долгие годы и упокоится, можно будет сказать, стоит почитать его или предать забвению. Поэтому евреи отмечают именно день смерти близких: молятся, зажигают свечи. Что же касается даты смерти, то она обозначена буквами еврейского алфавита, которые, как и римские, имеют числовое значение. Наибольшую величину представляет последняя буква п - 400. Еврейское же летосчисление ведется "от сотворения мира". Как же обозначать тысячелетия, ведь на камне мало места? Оказывается, буквой с апострофом. Скажем, 5660 (1900) год будет выглядеть "по-еврейски" так: (5000 и 60+200+400). Но в двадцатом веке в России на еврейских памятниках тысячелетие, как правило, уже не указывали. Раввин Каценеленбоген, например, умер в 1930 году. Поэтому на его памятнике выбито:

(1+90+200+400, то есть (5)691 год). Соответствие между еврейским и григорианским календарями устанавливается так: из еврейской даты вычитают 4000 и прибавляют 240.

Расскажем подробнее о Д.Т.Каценеленбогене, незаурядном человеке, биография которого заслуживает, конечно, специального исследования. Давид Тевель (Тувий) Герцелевич Каценеленбоген происходил из старинного раввинского рода, его родословная восходит к шестнадцатому веку. Одним из его предков был знаменитый мудрец Иехуда Лива бен Бецалель (Махарал из Праги), по преданию создавший и ожививший глиняного истукана Голема. О знатном происхождении Каценеленбогена свидетельствует надпись на памятнике: (буквально: "из семени Махарала из Праги"). Там же сказано, что Давид Тевель был настоящим гаоном (великим ученым) и "солнцем в короне раввината".

Родился Каценеленбоген в 1850 году в большой семье даяна (религиозного судьи) маленького городка Таурогена вблизи границы между Литвой и Восточной Пруссией (сейчас это город Таураге в Литве). Все его семеро братьев тоже стали раввинами. Образование юноша получил глубокое, строго ортодоксальное. Одним из его учителей был знаменитый подвижник, борец с Хаскалой Исроель Салантер. Когда рабби заметил, что из мальчика выйдет толк, он посоветовал ему выучить еще и немецкий язык (уступка требованию времени).

Действительно, еще в молодости Давид Тевель отличался блестящей эрудицией. В глоссах Вейсмана к кратишинскому изданию Иерусалимского Талмуда (1866) приводится много комментариев от имени тогда еще очень юного и никому не известного Каценеленбогена. В трудах знаменитого Львовского раввина Иосифа Саула Натансона (1808 - 1875) встречаются респонсы Каценеленбогена. Талант и

набожность юноши были замечены, в 1876 году его назначили раввином в Вержблове, а затем в Сувалках (Польша). В 1908 году именно из Сувалок Каценеленбогена и пригласила в Петербург столичная община.

Его прибытию предшествовали жаркие дебаты. Ортодоксальное крыло во главе с бароном Горацием Гинцбургом требовало традиционного раввина для укрепления веры в развращенном по-европейски Петербурге. От имени ассимилировавшихся интеллигентов выступил присяжный поверенный Г.Б.Слиозберг, настаивая на рабби из реформаторов, который мог бы читать проповеди по-русски, привлекая в синагогу молодежь, и находить общий язык с правительственными чиновниками. Ортодоксы победили благодаря нажиму барона, пригрозившего покинуть зал заседаний. Решили послать в Сувалки старосту синагоги, востоковеда Исаака Юльевича Маркона. Образованный и влиятельный в общине человек. Маркон должен был поближе познакомиться с Каценеленбогеном и, при благоприятном впечатлении, рекомендовать того на должность раввина. В Сувалках ученого встретил знающий раввин и обходительный человек, прекрасно владевший ивритом и уверенно немецким, с классической благообразной внешностью, большим лбом и проникновенным взглядом. Каценеленбоген так очаровал Маркона, что тот не только привез раввина в Петербург, но и всю жизнь оставался его почитателем.

Перед отъездом из Сувалок Каценеленбоген нанес прощальный визит местному губернатору.

- Какое вам установлено жалованье? - поинтересовался тот. - Пятьсот рублей в год? О, это не меньше, чем платят мне!

Поселился Каценеленбоген с большой семьей (двенадцать детей) в Усачевом переулке, №2 (сейчас переулок Макаренко), затем переехал в дом №8. Известны еще два его адреса в Петербурге: Лермонтовский проспект, №8 и Театральная площадь, №2 (после 1924 года).

В столице провинциальному раввину пришлось привыкать к новому образу жизни. Русский язык он знал не слишком хорошо и всякий раз, отправляясь на прием к чиновникам, делал письменные заметки. Маркой давал житейские советы. Вставала перед рабби и чисто личная проблема: чему учить собственных детей, к какой жизни их готовить?

Конечно, всех учили еврейским наукам и ивриту (на занятия было принято приглашать также детей из бедных семей). Шолом-Алейхем, писавший на идише, не считался серьезным чтением. Одна из дочерей посещала курсы по Талмуду Давида Гинцбурга, и была там одной из немногих женщин.

Однако, несмотря на свой высокий статус в петербургской общине, Каценеленбоген ясно ощущал, что он со своим жизненным укладом и мировоззрением принадлежит прошлому веку - белая ворона в светском городе. Поэтому он не настаивал, чтобы сыновья следовали его примеру, и никто из них раввином не стал. Они сдавали экстерном за курс гимназии и готовились учиться на адвокатов и банковских служащих. Дочери ходили в частные гимназии (конечно, не в субботу). Только однажды отец проявил твердость: когда один из сыновей захотел стать врачом. Раввин не мог позволить нарушить религиозный запрет вскрывать трупы.

Тяжелые для евреев времена реакции после революции 1905 - 1907 годов требовали от раввина вмешательства в светскую жизнь. Черносотенная пресса расходилась тиражами в сотни тысяч экземпляров. Народ страдал от чудовищных погромов. Одни бежали за границу, другие - в Петербург, за помощью к своим относительно благополучным единоверцам. Многие ходоки из провинции обращались прямо к раввину. Всем надо было как-то помочь. Вот Каценеленбоген звонит промышленнику Зиву, нуворишу, добивающемуся высокого положения в петербургской общине:

- Нужна большая сумма на поддержку студентов иешивы.

- Сколько? Пятьсот рублей? Ну, это немного. Столько же моя жена тратит на булавки.

"Еврейскими вопросами" в те времена ведал министр внутренних дел Маклаков, далеко не либерал. Каценеленбоген не раз бывал у него по вызову и по собственной инициативе. Раввина заботило положение верующих и в Петербурге, и за его пределами. Например, по просьбе финляндских евреев он ходатайствовал об отмене запрета на шхиту (способ убоя скота и птицы по еврейскому религиозному закону) и добился своего. Или просил, чтобы еврейских солдат отпускали на Песах домой, чтобы они могли соблюдать традиции праздника.

Как-то Маклаков, наслышанный о "вольнодумских" настроениях петербургской еврейской интеллигенции, сказал Каценеленбогену доверительно:

- Знаете, в Библии тоже немало противоречий и темных мест.

Раввин покраснел, поднялся возмущенно:

- Если есть на свете мораль, то она из Библии. И вы... и вы не можете ее осуждать (он хотел сказать "обсуждать", но подвело недостаточное знание русского языка).

Пришлось министру извиниться. Даже бюрократа проняла искренность раввина, и он потом в течение двух лет поздравлял Каценеленбогена с праздником Песах.

Однако с мощным в Петербурге слоем европеизированных евреев у раввина не сложились отношения. Местечковый еврей, соблюдающий кашрут и говорящий на идише, был ему куда ближе. У него еще находились общие темы для бесед с блестящим знатоком иврита и Талмуда доктором Л.Каценельсоном, но вот историк С.Цинберг на квартире у Каценеленбогена никогда не бывал, хотя и жил через дом, в том же Усачевом переулке. Из периодической печати раввин выписывал лишь умеренную "Дёр гайнт" да обозрение религиозной литературы, выходившее в знаменитом виленском издательстве вдовы и братьев Ромм.

Нелегко шли дела и в самой синагоге. Служба проводилась в трех помещениях. Главный зал открывали только в субботу и праздники. Среди ревностных прихожан он считался "гойским местом". Ортодоксы молились в малом зале, в правом крыле. Туда вел отдельный вход. Хасиды занимали молельню во дворе. Их небольшую общину возглавлял Шмуэль Трайнин - богатый промышленник, и они пользовались финансовой и административной независимостью.

После смерти Давида Гинцбурга (Каценеленбоген ездил навестить умирающего) правление еще более склонилось в сторону реформ. Однажды кто-то из активистов, вернувшись из Берлина, сообщил, что видел там в синагоге (конечно, реформистской) орган. Но тут уж раввин не уступил. Пока он возглавляет петербургскую общину, органу в синагоге не бывать.

Однако, тем не менее, условия жизни в Петербурге и нетипичный состав столичного еврейства требовали более современного руководителя. Им в 1912 году стал доктор философии Моисей Григорьевич Айзенштадт, которого правление пригласило на должность общественного раввина (Каценеленбоген остался духовным раввином). Айзенштадт проводил службу в главном зале, занимался с молодежью, участвовал в просветительной деятельности, был членом многих культурных обществ. Перед молящимися он выступал по-русски. Каценеленбоген с тех пор большую часть времени посвящал вопросам ритуала, молился почти исключительно в малом зале, а в большом присутствовал только в Песах и Суккот. Иногда он заглядывал к хасидам, где его аристократическую натуру шокировали простота поведения и панибратство прихожан.

Уже после революции были изданы два его сочинения: "Мааян мей нефтоах" и "Диврей Давид".

В 1912 году во время строительства кладбищенской синагоги у раввина не раз бывал архитектор Я.Г.Гевирц. Они вместе обсуждали проект. Каценеленбоген помог подобрать изречения из псалмов для украшения фасада синагоги.

Февральская революция неожиданным образом отразилась на буднях синагоги. Многие евреи, перешедшие в христианство по конъюнктурным соображениям, теперь, с отменой антиеврейского законодательства, пожелали возвратиться в лоно иудаизма. Несмотря на общую индифферентность петербургских евреев к религии, таких нашлось довольно много. Некоторые предварительно спрашивали у раввина, так ли уж прочна, по его мнению, новая власть и не отберут ли у евреев подаренные свободы. Среди совершивших тшуву - возвратившихся к вере был историк Соломон Яковлевич Лурье, автор книги "Антисемитизм в древнем мире", а также вторая жена А.Н.Толстого Софья Дымшиц.

После большевистского переворота Давид Тевель Каценеленбоген решил остаться в Петрограде, хотя почти вся общинная верхушка (банкиры, купцы, промышленники, адвокаты) уехала. В 1923 году эмигрировал в Париж и Айзенштадт. Синагога пришла в упадок. Главное здание не отапливалось и открывалось только изредка. Прихожан было немного, хотя число евреев в городе быстро росло. Каценеленбоген тяжело переживал духовную гибель русского еврейства, но покинуть общину, оставить ее без поддержки в трудные времена не мог. Некоторые его дети эмигрировали еще до революции. Младший сын Элияху уехал в Берлин в 1922 году после того, как его исключили из Петроградского университета как сына раввина. Сейчас он живет в Израиле. Двое других сыновей, Саул и Герц, были арестованы в 1937 году вместе с активистами общины и погибли в лагере. Дочь Берта и сейчас живет в Ленинграде.

Только во времена нэпа религиозная жизнь в городе заметно оживилась. Каценеленбоген, хотя формально и числился "бывшим служителем культа", фактически исполнял свои обязанности до самой смерти, последовавшей в 1930 году. На памятник раввину пошел гранитный камень из ограды хоральной синагоги, в которой он отслужил более двадцати лет. Плита с новой надписью, в точности повторяющей старую, полуистершуюся, была установлена уже в пятидесятые годы.

Теперь, имея некоторые сведения о еврейских памятниках, мы можем продолжить нашу прогулку.

Впрочем, на Преображенском кладбище эти знания вряд ли пригодятся. На сохранившихся плитах чаще можно увидеть надписи по-русски.

* * *

На Невской аллее, в четвертом ряду от кладбищенской стены стоит незатейливый памятник из светло-серого гранита - продукт унификации похоронного дела последних десятилетий. Старое надгробие пришло в негодность и было заменено лет двадцать назад на средства ленинградской общины. Мраморная плита воспроизводит первоначальную надпись:

"Профессор, доктор Абрам Яковлевич Гаркави. Скончался 15 марта 1919 г."

Гаркави был заметной фигурой как в петербургской общине, так и в научном мире. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться со статьей, опубликованной в годовщину смерти ученого в сборнике "Еврейская мысль" (1922). Автор материала Д-Г.Маггид писал, что со смертью А-Я.Гаркави русское еврейство потеряло неутомимого и добросовестного труженика, вооруженного глубокими знаниями и верным критическим чутьем.

В 1864 - 1908 годах Гаркави написал множество работ по истории евреев России, Литвы и Польши, об эпохе гаонов, о караимах и хазарах. Огромная работа была проделана Абрамом Яковлевичем подписанием еврейских и арабских рукописей из коллекции Фирковича, хранящейся в Публичной библиотеке. На этом материале он опубликовал массу научных статей. Самый ценный его груд (триста печатных листов) - подробное описание рукописей из коллекции Фирковича. Работы Гаркави разнокалиберные, но добротные. Хотя он и не оставил крупной монографии, но нет и долго не будет историка, предсказывал Маггид, который бы не цитировал его статей.

А.Я.Гаркави всегда мужественно отстаивал истину в науке. В начале его деятельности огромным авторитетом и влиянием пользовался ученый-караим Аврахам Фиркович, издавший труд о надписях на караимских могильных плитах в Крыму. Молодой Гаркави выехал на место и, обследовав многие памятники, описанные А.Фирковичем, доказал, что часть из них не караимского, а еврейского происхождения. Оказалось, что Фиркович, цитируя в своих работах надписи на могильных камнях, иногда искажал даты в угоду своей концепции. Своим смелым выступлением Гаркави резко затормозил свою научную карьеру.

Общественная деятельность Гаркави была тесно связана с Обществом по распространению просвещения между евреями в России (ОПЕ), где он с 1864 года состоял членом-сотрудником, а затем более двадцати лет избирался членом комитета. Какое-то время он был секретарем общества, рецензировал рукописи и давал заключение на их издание. При его участии вышел сборник "Мировоззрение талмудистов", благодаря его содействию И.Герштейн, И.Гордон и Л.Леванда

осуществили научный перевод Пятикнижия на русский язык и издали его в 1875 году в Вильно.

Гаркави принадлежала идея учреждения касс вспомоществования еврейским учителям и учащимся еврейским девушкам. Он пытался расширить деятельность общества, призывал развивать художественные ремесла и земледелие. Именно Гаркави устроил библиотеку при ОПЕ и с 1878 года руководил комплектованием отдела иудаики. В 1880 году, по его совету, библиотека была переведена в особое помещение при синагоге, а в 1893 году - в принадлежащий общине дом №42 на углу Офицерской и Большой Мастерской. В 1917 году ученый подарил библиотеке свою коллекцию книг, рукописей и большую часть архива.

Долгие годы - до самой смерти - Гаркави состоял старостой синагоги и членом правления еврейской общины столицы. Как ученый-востоковед он был известен всему еврейскому миру. Однако национальная гордость Гаркави и его научная принципиальность были причиной плохих отношений с реакционными академическими кругами. Лишь в конце 1918 года, когда ученый уже лежал на смертном одре, ему прислали письмо из Петроградского университета с предложением занять любое вакантное место на кафедре восточных языков одного из трех российских вузов. Абрам Яковлевич понял неискренность официального предложения и печально предсказал, что еще очень долго ни один еврей-востоковед не будет допущен к заведованию какой-либо кафедрой на восточном факультете.

* * *

На пересечении Главной и Невской аллей стоит небольшое островерхое сооружение в псевдогоthicком стиле. Это наиболее заметный из всех сохранившихся семейных склепов. Но состояние его плачевно: надгробий внутри нет, буквы сбиты, так что определить, кто здесь похоронен, невозможно. Магендавид, еще несколько лет назад венчавший склеп, исчез. Служители кладбища используют гробницу под склад инвентаря.

* * *

Если пройти от начала Главной аллеи немного вперед и вправо, то в пятом ряду мы увидим скромный белый мраморный памятник, в верхней части которого черными буквами выведена надпись:

"Академик живописи Маймон Моисей Львович, 1860 - 1924".

Судя по его стилю и сохранности, он построен совсем недавно. Куда подевалась плита, установленная сразу после смерти Маймона, знает

только Бог. В первой главе мы рассказывали о художнике, которому славу и звание академика принесла картина "Марраны". Об истории создания этого полотна Маймон написал в очерке, помещенном в сборнике "Еврейская летопись" (1923).

* * *

Могила Льва Израилевича Каценельсона найти очень трудно. Она находится у правой стены синагоги, примерно посередине ряда. Ожидаешь увидеть старинный внушительный памятник, эпитафию на иврите, в общем, что-то соответствующее личности Л.И.Каценельсона, положению, которое он занимал в еврейском мире. Но перед нами стандартная бетонная плита, какую можно увидеть на любом современном кладбище. Маленькая мраморная табличка сообщает по-русски имя и даты жизни: 1847 - 1917. Еврейскими буквами выбит псевдоним ученого (Буки бен Иогли). Старый памятник тоже был скромным, но потом совсем обветшал и развалился. Нынешний установлен примерно лет двадцать назад на деньги, собранные стариками, помнившими, что это был за человек.

Лев (Иегуда Лейб Вениамин) Израилевич Каценельсон родился в городе Чернигове, на Украине, в 1847 году. До десяти лет посещал хедер, а затем учился на софера (переписчика священных текстов). Сидя за работой по двенадцать часов в день, мальчик мечтал стать великим талмудистом. В четырнадцать лет он тайком поехал в Бобруйск, поступать в иешиву. За три года занятий, в свободное время Каценельсон самостоятельно выучил немецкий и русский языки.

О жизни этих детей, постигающих глубины Талмуда, которых на идише называли иешивебохерами, написано немало. Можно привести цитату, хотя и пристрастную, из книги Л.Гроссмана об А-У.Ковнере "Исповедь одного еврея":

"Юные богословы, скитающиеся по знаменитым талмудическим школам, изощряя ум в тончайшей казуистике древних текстов, переправляясь пешком или на тряских подводах из местечка в местечко, чтобы услышать слова знаменитого комментатора Библии... Худо одетые, полуголодные, облитые обильными дождями западного края, вечно подверженные насмешкам, толчкам и издевательствам разноплеменного населения убогих и бесправных губерний, но неутомимые в своем стремлении приобщиться к знанию, таинственно заключенному в тяжелый фолиант с квадратными буквами, они поистине достойны пристального внимания исследователей и художников слова".

После иешивы Лев Израилевич поступил в Житомирское раввинское училище, которое закончил в 1872 году, и снова пошел учиться, на этот раз в Медико-хирургическую академию. Во время русско-турецкой войны

Каценельсон служил военным врачом, а по возвращении из армии сдал экзамен на доктора медицины и переехал в Петербург. Однако известность Каценельсон получил в связи со своей общественной и культурной деятельностью, которую он не прерывал до самой смерти, совмещая с врачебной практикой.

Каценельсон сделал попытку разобраться в самых темных местах Талмуда, посвященных вопросам медицины, и на основании современных научных представлений оценить знания вавилонских мудрецов в области анатомии и патологии. Он опубликовал ряд статей на эту тему, в частности "Сведения о гемофилии в Талмуде". Блестящий знаток иврита, он часть своих работ, в том числе и по медицине, написал на этом языке. Его статьи, подписанные псевдонимом Буки бен Йогли, можно было встретить в тогдашних периодических изданиях: "Русском еврее", "Еврейском обозрении" и других. Он бесплатно лечил учеников еврейского ремесленного училища на Офицерской, №42. Лев Израилевич входил в центральный комитет Еврейского колонизационного общества, комитет ОПЕ, был вице-председателем Общества любителей древнееврейского языка. Вместе с Д.Г.Гинцбургом и А.Я.Гаркави он редактировал знаменитую Еврейскую энциклопедию на русском языке. После смерти барона Д.Г.Гинцбурга, учредителя Курсов востоковедения, их возглавил Л.И.Каценельсон.

Можно быть уверенным, что Каценельсон, столько сделавший для своего народа, не будет забыт. "Редкая одаренность, теплая задушевность, мягкий, окутанный лиричной дымкой юмор" - вот типичный отзыв о нем современника. Жил ученый на Измайловском проспекте в доме №5.

* * *

Если пройти немного дальше по Главной аллее, то слева, в первом ряду мы увидим небольшой обелиск из черного мрамора с шаром наверху. Под фотографией типичного интеллигента дореволюционного склада с твердым взглядом надпись по-немецки. Сзади выбито по-русски: "Профессор Лев Яковлевич Штернберг. 1861 - 1927". Лев Яковлевич родился в Житомире. В детстве получил традиционное еврейское образование, но перешел из раввинского училища в гимназию, затем поступил на юридический факультет Одесского университета, откуда был отправлен в тюрьму за участие в деятельности партии "Народная воля". Такое превращение талмудиста в русского революционера тогда не было редким. Этим путем шли тысячи еврейских юношей, которым существующее законодательство закрывало путь к светскому образованию и карьере. Раввинские училища (в отличие от иешив) готовили, в сущности, кого угодно: писателей, адвокатов, террористов, но только не служителей религии.

После трехмесячной отсидки в одиночном заключении Штернберга сослали в 1889 году на остров Сахалин, что и решило его дальнейшую судьбу. Образованных, да и просто грамотных людей на Сахалине было тогда чрезвычайно мало. Поэтому по старой традиции Сибири и Дальнего Востока квалифицированная работа поручалась политическим ссыльным. Молодой энергичный человек решил не терять напрасно времени и принялся изучать туземное население: гиляков, араков, тунгусов и айнов. Этому способствовала и администрация острова: кому-то надо было переписывать туземцев. Ссылному студенту Штернбергу дали собачью упряжку, провизию, проводника из местных, и он отправился в путь.

Почему-то именно среди этнографов, посвятивших себя изучению диких племен, было немало евреев. В России это, например, Л.Штернберг, В.Богораз, В.Иохельсон, И.Винников; за границей - Ф.Боас. Что двигало этими людьми? Чувство превосходства представителя древнего народа над теми, кто еще стоит на пороге цивилизации? Или, наоборот, сочувствие и симпатия к бесправным, ибо мы тоже "были рабами в Египте"? Как бы то ни было. Лев Яковлевич полюбил своих гиляков и айнов. Первые его статьи, присланные из ссылки, с интересом прочитали в Петербурге, а когда в 1897 году Штернберга амнистировали, Академия наук выхлопотала ему право на временное проживание в столице для научных занятий и сдачи экзаменов на юридическом факультете университета.

Последовавшие за этим экспедиции по Амур и по Сахалин и появившиеся в печати статьи "Инородцы". "Буряты", "Беседы о Сахалине" сделали имя Штернберга известным в научном мире. Он активно участвовал в организации экспозиции Петербургского музея этнографии, изучал под руководством Ф.Боаса племена, населявшие северо-тихоокеанские острова.

После революции Л.Я.Штернберг, ставший профессором Ленинградского университета, много внимания уделял студентам и аспирантам, разработал методики сбора этнографического материала. Новые веяния не оттолкнули ученого от родного народа. Он опубликовал немало статей о русском еврействе:

"Трагедия шестимиллионного народа",

"Задачи русского еврейства",

"Новейшие результаты по антропологии евреев",

"Сахалинские евреи".

Некоторые из них были помещены в журнале "Еврейская старина", который Штернберг стал редактировать с 1922 года, после отъезда С.М.Дубнова за границу. Тогда же Лев Яковлевич возродил и возглавил Еврейское историко-этнографическое общество. Ведь он до революции помогал С.Ан-скому в составлении программы изучения этнографии российских евреев.

Политическая ориентация Штернберга менялась неоднократно. Сначала он был народовольцем, затем сблизился с кадетами, стал членом Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. После распада этой организации вместе с некоторыми умеренными кадетами-евреями в конце 1906 года Штернберг создал Еврейскую народную группу, которая боролась против антисемитизма, но отмежевывалась от сионизма. Впоследствии взгляды Штернберга сильно полевели.

Хоронили Льва Яковлевича при большом стечении народа. Его популярность среди студентов была огромной. В Петербурге он жил на Саблинской улице, №10. Когда стал профессором, переехал на Университетскую набережную, №5.

* * *

Один из самых великолепных памятников (напротив памятника Штернбергу) установлен на могиле М.М. Антокольского, замечательного скульптора, имя которого с полным основанием вошло в историю как русской, так и еврейской культуры. Марк (Мордехай) Матвеевич Антокольский родился в центре талмудической учености, в Вильно, в 1843 году, в эпоху первых маскилим (просветителей). Ребенком, как и все, учился в хедере. Затем его отдали в учение к резчику по дереву. Талант художника так рано и так сильно проявился в мальчике, что очень скоро он понял: оставаться в рамках ортодоксальной традиции невозможно.

Юноша переехал в Петербург и в 1862 году стал одним из первых студентов-евреев в Академии художеств. Здесь он быстро привлек внимание преподавателей и уже в 1864 году получил вторую серебряную медаль за горельеф "Еврей-портной" (дерево), а через год - первую серебряную медаль за вырезанного из слоновой кости и дерева "Скупого". Есть у Антокольского и другие ранние работы на еврейскую тему:

"Спор о Талмуде", "Нападение инквизиции на евреев", "Натан Мудрый". Знаменитый русский критик В.В.Стасов, всегда выступавший защитником евреев и покровителем молодых талантов, привлек к Антокольскому внимание широкой публики. Именно при содействии Стасова скульптор получил стипендию Его Величества и материальную помощь барона

Г.Гинцбурга, в результате чего смог закончить свое образование в Берлинской академии и совершить заграничное путешествие.

К началу семидесятых годов девятнадцатого века любовь русской интеллигенции к евреям пошла на спад, и скульптор почувствовал первые антисемитские нападки- Необходимо было укрепить положение Антокольского. К счастью, удалось убедить императора Александра II посетить мастерскую художника. Царю понравилась скульптура "Иван Грозный", и он приобрел ее бронзовый вариант для Эрмитажа. А художественная элита, вмиг забыв свои упреки Антокольскому за увлечение еврейской темой, избрала его в возрасте неполных двадцати восьми лет академиком.

В 1872 году скульптор уехал на лечение в Италию, где создал несколько знаменитых работ:

"Петр I",

"Ярослав Мудрый",

"Дмитрий Донской",

"Иоанн III",

"Христос перед судом народа".

Обращение к таким темам отнюдь не значило, что Антокольский порвал с еврейством. В действительности, будучи с детства верующим, художник до конца своих дней придерживался еврейской религии, хотя, вероятно, и не очень строго. Просто еврейской изобразительной традиции во времена Антокольского, по вполне понятным причинам, практически не существовало, а христианская была очень богатой. Художник-христианин, если хотел изобразить наивысшую степень страдания, рисовал распятие, скорбь - это пьета, символ предательства - Иуда Искариот. Часто зритель не воспринимал замысел художника, выраженный в непривычной форме, а значит, не мог по достоинству оценить ни идею, ни уровень мастерства. Безусловно, в искусстве Антокольского огромную роль сыграло и то, что он как скульптор вырос в рамках русской школы в частности и европейской культуры вообще. Естественно, его взгляды во многом совпадали со взглядами его учителей. На тематику работ скульптора немало влияли и те, кто "заказывал музыку", - русская знать, царский двор. Стоит только смениться заказчику, и Антокольский уже ваяет из мрамора великолепную статую Спинозы (для Г.Гинцбурга).

В 1875 году художник возвратился в Россию и выполнил ряд работ для императорской семьи, а также бюсты Тургенева, Толстого, Боткина.

Международная слава пришла к Антокольскому на Парижской всемирной выставке 1878 года, где скульптор получил высшую награду и орден Почетного легиона за работы "Последний вздох" и "Голова Иоанна Крестителя". Наивысшими достижениями последующего десятилетия стали "Ермак" (бронза) и "Историк-летописец" (мрамор).

После гибели Александра II от рук народовольцев для евреев России настали трудные времена. Погромы, ограничительные законы, массовые выселения следовали одно за другим. Русская шовинистическая пресса не забыла и Антокольского. Как он, еврей, осмелился изображать русских и христианских героев?! Только В-Стасов выступил в защиту художника. Удрученный травлей, больной скульптор уехал в Париж, а с 1893 года поселился там постоянно. Последние его работы были отмечены высшими наградами на Всемирной выставке 1900 года и Командорским крестом Почетного легиона.

Антокольский умер в 1902 году в немецком городе Бод-Хомбург-фор-дер-Хее, куда приехал на лечение. Его тело перевезли в Петербург и захоронили с большой торжественностью на Преображенском кладбище.

Памятник, который сейчас стоит на могиле, был выполнен в 1909 году, как тогда считали, в древнееврейском стиле. В центре - огромный магендавид. Наверху - семисвечник. Ступени ведут к двум скрижалям, на которых высечены по-русски названия главных работ скульптора. Над ними написано по-еврейски полное имя художника. Внизу - фамилия и даты жизни по-русски. Существовал еще скульптурный портрет умирающего Антокольского, сделанный его учеником Ильёй Яковлевичем Гинцбургом, которого Марк Матвеевич вывез из Вильно одиннадцатилетним ребенком и сделал скульптором с мировым именем. Эта работа исчезла во время блокады, и где она теперь - неизвестно.

Сегодня нам трудно представить себе Русский музей без шедевров Антокольского. Не надо быть пристрастным, чтобы видеть явное его превосходство над современными ему русскими скульпторами. Вот бронзовая фигура Ивана Грозного. Царь одет в рясу чернеца. Но взгляд его отнюдь не смиренный, скорее внушающий страх. Вот одинокий герой - "Умирающий Сократ", - избравший смерть, но не компромисс. Вот еще один интеллектуальный бунтарь - Барух Спиноза. Одухотворенное, полное мысли, почти прозрачное лицо, раскрытая книга на коленях... Вот дух зла - само коварство - Мефистофель. Везде видна изумительная техника работы с материалом - мрамором. И, вдруг, бронзовая статуэтка щегольски одетого мужчины средних лет с аккуратной бородкой. Взгляд уверенный и хитроватый. Да ведь это Самуил Поляков, знаменитый еврейский банкир и железнодорожный подрядчик! Разным мог быть Антокольский в своих работах. Неизменным оставалось только одно - его мощный талант.

* * *

В книге "Шум времени" О.Мандельштам вспоминал, как в детстве его водили в петербургскую синагогу:

"...и вдруг два господина в цилиндрах, прекрасно одетые, лоснящиеся богатством, с изящными движениями светских людей прикасаются к тяжелой книге, выходят из круга и за всех, по доверенности, по поручению всех совершают что-то самое почетное и главное. Кто это? Барон Гинцбург. А это - Варшавский?"

Склеп Варшавских находится рядом с могилой Антокольского. О назначении постройки не так легко догадаться. Стиль - сама эклектика: то ли мавританский, то ли псевдорусский. А попробуйте разобрать надпись на фасаде! Кажется, буквы еврейские, но, присмотревшись, видишь, что они русские, только стилизованы под еврейский шрифт и читать их следует слева направо. Получится: "Памяти Абрама Моисеевича Варшавского".

Родоначальник петербургской ветви Варшавских, Абрам Моисеевич, общественный деятель и филантроп, родился в начале двадцатых годов девятнадцатого века и умер в 1888 году. В Петербург он, как и другие богатые евреи, переселился в либеральные шестидесятые. А.М.Варшавский известен своей щедрой благотворительностью: он входил в комитет ОПЕ, построил школу для крестьянских детей в своем имении в Полтавской губернии. Еврейская энциклопедия с нежностью пишет, что Абрам Моисеевич был "человеком чрезвычайно отзывчивого сердца". На похороны Варшавского прибыли из провинции многочисленные депутации в составе раввинов и видных общественных деятелей.

О. Мандельштам вспоминает, конечно, о сыне банкира, председателе хозяйственного правления петербургской общины Марке Абрамовиче Варшавском. С его именем, как уже говорилось, связана постройка дома отпевания на Преображенском кладбище. Пользовался известностью еще один член этой семьи, племянник Абрама Моисеевича, популярный петербургский писатель Марк Самойлович Варшавский.

Из московского еженедельника "Новый путь" за 1916 год мы узнаем об одной любопытной истории из жизни петербургской общины, в которой был замешан М.А.Варшавский. 8 мая 1916 года пятьсот активистов общины заседали в Малом зале консерватории. Вовсю шла война. Петроград был переполнен еврейскими беженцами. Русская империя доживала последние месяцы. А евреи решали вопрос о снижении членского взноса с 25 до 3 рублей в год. Дело в том, что из 35 тысяч петербургских евреев только полтысячи платили полный взнос. Однако М. А. Варшавский, полемизируя с О.О.Грузенбергом, доказывал: касса

синагоги пустеет не потому, что далеко не бедные столичные евреи не в состоянии платить по 25 рублей в год, а из-за общего упадка интереса к синагогальным делам. Тем не менее, речи Грузенберга, Бикермана и других защитников реформы были встречены аудиторией с пониманием, и собрание решило понизить взнос.

Мало кто из сидевших тогда в зале мог предугадать, что эти жаркие дебаты на фоне надвигающихся событий ровно ничего не значат.

* * *

За склепом Варшавского виден огромный склеп почетного гражданина и действительного статского советника Л.П.Фридлянда, о котором мы уже подробно рассказывали в третьей главе. Дальше находится склеп придворного портного Каплуна, а сзади к нему прилепился малозаметный памятник в форме скрижалей. Это первая могила на Преображенском кладбище. Здесь похоронены два молодых инженера - Берка Бурак и Мошка Фрисно. По-русски написано, что они были "лаборатористами Охтинского порохового завода" и погибли двадцати трех лет от роду при взрыве лаборатории 28 февраля 1875 года. То же самое повторено по-еврейски. Ничего больше про Берку и Мошку мы не знаем.

* * *

Могила фельдфебеля Ашанского (аллея Герцена, участок между Липовой и Лужской аллеями) - одна из самых старых. Недавно реставрированная надпись на сером, изъеденном камне сообщает нам, что

"здесь покоится прах фельдфебеля Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка Абеля Ароновича Ашанского. Вступил на службу 11 января 1846 г."

Даты жизни разобрать нельзя, но мы знаем, что Ашанский (настоящее имя - Абель Аарон Ицкович) родился в 1825 году и умер в 1899-м, Сзади памятника та же надпись по-еврейски.

Как еврей стал кавалеристом, да еще в привилегированных частях? Почему важно было указать на памятнике, что он служил фельдфебелем? Чтобы понять все это, надо представить себе атмосферу русской армии того времени. Большинство нижних чинов были крепостными крестьянами, на двадцать пять лет оторванными от земли. Николаевская казарма с ее знаменитой муштрой, рукоприкладством офицеров, шпицрутенами, достаточно описана классиками русской литературы.

Для евреев служба была еще более мучительной. В 1827 году Николай I ввел обязательную воинскую повинность для евреев. Бесправный народ не был забыт при распределении обязанностей по защите отечества. Более того, евреям полагалось поставлять больше рекрутов, нежели "коренному" населению. Одновременно был введен так называемый институт кантонистов, то есть система принудительных лагерей для подготовки к военной службе еврейских детей от двенадцати до восемнадцати лет. Черта оседлости с ужасом восприняла новые порядки. Родители прятали детей в укромных местах, даже намеренно калечили их, только бы избежать проклятой службы. Специальные команды по набору рекрутов, прозванные в народе "хапунами" или "ловчими", рыскали по местечкам и деревням, врываются в дома, хватили иногда десяти - и даже восьмилетних мальчиков, так как их легче можно было поймать.

Рассчитывал ли император Николай и его администрация за счет евреев укрепить армию, сделать ее непобедимой? Нет, конечно. Просто казарма рассматривалась государством как плавильный котел, где упрямый народ должен был ассимилироваться, креститься. Именно в казарме это проще всего было сделать средствами насилия над неокрепшими молодыми душами, оторванными от семьи и национальной среды. Вот почему для евреев служба в армии была кошмаром, а родители оплакивали рекрутов как умерших. Встреча с детьми-кантонистами по пути в Вятку черными красками описана А.Герценом в "Былом и думах".

В царской армии солдат-евреев было немало. В русско-турецкую войну 1878 - 1879 годов многие из них показали себя героями. Непобедимые Владимирский и Суздальский полки 16-й дивизии генерала Скобелева почти наполовину состояли из евреев.

Начав службу в двадцать один год, Ашанский отказался креститься, однако солдатом стал хорошим. Первые семнадцать лет был печником в военно-рабочей роте, затем его перевели в гвардейский кавалергардский (кавалерийский) полк. Подошел конец службы (только при Александре II она была сокращена до десяти лет), но возвращаться было уже некуда. Ашанский остался в армии. Ему дали награды и высший солдатский чин - фельдфебеля (офицером некрещеный, как правило, стать не мог). В 1890 году ввиду преклонного возраста Ашанского назначили надзирателем за больными, в этой должности он и пребывал до конца жизни. Пятидесятилетний юбилей службы ветерана отметили в 1896 году всем полком, причем в приказе особенно отмечалась преданность Ашанского своим товарищам.

В своей книге "Пятьдесят лет в строю" бывший царский, а потом советский офицер граф Л.А.Игнатъев, служивший в кавалергардском полку к моменту смерти Ашанского, вспоминает, как его удивило, что на похороны простого печника в часть стали съезжаться кареты с богатыми

господами. Как оказалось, фельдфебель пользовался большим авторитетом в еврейской общине. Гроб с его телом, по уставу несли все бывшие командиры полка, при которых Ашанский служил. Некоторые из них к тому времени занимали высокие посты в армии. Погребение старого николаевского солдата состоялось на Преображенском кладбище при большом стечении народа- Русско-еврейская пресса воспользовалась случаем, чтобы выразить свой патриотизм.

А годом раньше обер-прокурор Святейшего Синода и правая рука Александра III граф Победоносцев в ответ на жалобу еврейской интеллигенции на гнет и бесправие цинично заявил:

"Ну что ж, одна треть вымрет, одна треть покинет страну, остальные растворятся в окружающем населении".

* * *

Справа от синагоги сохранились несколько внушительных склепов. На большинстве из них можно прочесть, каким семьям они принадлежали. Но почему не видно склепа знаменитых банкиров и железнодорожных подрядчиков Поляковых? Где похоронен ну хотя бы самый знатный из них - тайный советник Самуил Соломонович Поляков, владелец дворца на берегу Невы? Обратите внимание на развалины в тридцатом от синагоги ряду, возле Лужской аллеи, которые сейчас превратились в груды мусора. Это все, что осталось от семейного склепа Поляковых. Бронзовая скульптура Самуила Соломоновича в Русском музее стоит, а могила не сохранилась. Говоря т, сразу после второй мировой войны в подземной камере склепа (она по крепости напоминает дот) еще лежали старые мраморные плиты. Потом они куда-то исчезли.

* * *

Сзади синагоги проходит Гарева аллея. За ней, во втором ряду, можно увидеть старую внушительного вида гранитную плиту, наклонно лежащую на постаменте и украшенную каменными гирляндами. Вокруг мощная, уже частично поломанная проржавевшая чугунная ограда из венков и перекрещенных факелов. Надписи никакой нет. Если это могила, то почему безымянная? Если же под плитой никто не лежит, то зачем ее установили? По преданию, это не захоронение. Плита установлена в 1909 году петербургской общиной в память об одном из крупнейших ее лидеров Горации Евзелевиче Гинцбурге. Роль барона в жизни российского еврейства, безусловно, была огромна. Его щедрая благотворительность общеизвестна. Об это мы уже не раз говорили. Однако он, по разным причинам, завещал похоронить себя в Париже. Провожать гроб с его телом вышел чуть ли не весь Петербург. Вдумайтесь только: гроб Антокольского везут из Парижа в Петербург,

гроб Гинцбурга - из Петербурга в Париж. Не являются ли эти траурные путешествия символом бесцельных скитаний еврейского народа?

Как бы то ни было, правление решило запечатлеть память о бароне в Петербурге. Но обелиск, по еврейской традиции, может стоять только на могиле. Тогда воздвигли надгробье без надписи. Замечательного человека будут помнить и так.

* * *

По другой версии - это памятник не Горацию Гинцбургу, а его сыну Давиду, преемнику на общественных постах. И похоронен Давид именно здесь. Как будто бы он перед смертью сказал:

"Пусть меня помнят по моим делам".

Если пройти от плиты Гинцбурга по Гаревой аллее налево, а затем повернуть направо на аллею Слуцкой, то во втором ряду справа мы увидим серый гранитный обелиск без фотографии и без звезды (пяти- или шестиконечной). На нем выбито: "Вера Климентьевна Слуцкая, 1874 - 1917. Член КПСС с 1912 г., профессиональная революционерка, активная участница Великой Октябрьской социалистической революции".

В Большой Советской Энциклопедии (третье издание) можно прочесть, что Вера Климентьевна (Берта Брониславовна) Слуцкая родилась в Минске и погибла 30 ноября 1917 года близ Царского Села (ныне город Пушкин) при транспортировке медикаментов красногвардейским отрядам во время подавления контрреволюционного мятежа Керенского - Краснова.

В "Истории еврейского рабочего движения в России" Н.А.Бухбиндера сказано, что Берта Слуцкая была арестована впервые в Минске в 1898 году в числе других бундовцев Белоруссии и Польши. В 1901 году ее дело было рассмотрено в административном порядке, и она вышла на свободу, но под гласный надзор полиции. По-видимому, чисто национальная по составу (но не по программе) партия не удовлетворяла ее, и она через год перешла в РСДРП.

Интересно отметить, что, судя по БСЭ, Слуцкая - член КПСС с 1902 года. Это на десять лет расходится с датой, указанной на памятнике. Противоречие объясняется зигзагами советской историографии. Раньше датой образования КПСС считался 1912 год, когда большевики формально отделились от меньшевиков.

Зубной врач по профессии, Слуцкая стала профессиональной революционеркой. Она активно участвовала в революции 1905 - 1907 годов в Минске и Петербурге, была членом боевой организации РСДРП в

Лондоне (1907), вела партийную работу в Петербурге. В 1909 - 1912 годах Слуцкая находилась в эмиграции в Германии и Швейцарии, а затем вернулась в Россию, где ее арестовали и сослали. После Февральской революции она стала членом Петроградского комитета РСДРП(б) и секретарем Василеостровского райкома партии, участвовала в работе IV большевистского съезда. О ней упоминает Джон Рид в книге "Десять дней, которые потрясли мир".

После Октября именем Слуцкой называли кондитерскую фабрику в Петрограде, а когда города России стали переименовывать в честь видных большевиков, нашелся городок и для Слуцкой. В ее честь переименовали Павловск. Тогда, на короткое время, Гатчина стала Троцком, Лигово Урицком, Елисаветград - Зиновьевском. Несколько лет на карте России было два Слуцка;

один - старый литовско-белорусский город, от названия которого произошла фамилия Веры Клементьевны, второй - городок около Царского Села, где она погибла.

* * *

Вблизи аллеи Слуцкой, на параллельной ей Зеленой аллее можно заметить черную вертикально стоящую плиту. На ней лаконичная надпись:

"Михаил Игнатьевич Кулишер, скончался 29 ноября 1919 г."

Никаких пояснений больше нет. Да они и не были нужны. Кто тогда в Петрограде не знал Кулишера?

Происходил он из интеллигентной семьи, давшей многих незаурядных людей. Сам Михаил Игнатьевич разносторонне образованный человек - был известен как историк, социолог, юрист, этнограф, журналист, еврейский общественный деятель. В общем, он был представителем того знаменитого поколения шестидесятников, которому русские евреи, да и Россия в целом, столь многим обязаны. Вспоминая о его характере, современники употребляли и такие эпитеты: экспансивный, пылкий, увлеченный, способный быстро воспламениться, преданный.

В комитете ОПЕ М.И.Кулишер занимал позицию умеренного ассимилятора, дружил с И.Г.Оршанским. Всю жизнь он писал в русско-еврейские издания, например, одесский "День", петербургский "Рассвет", киевскую "Зарю". Значителен вклад Михаила Игнатьевича в дело развития еврейского светского образования начального, среднего и высшего. Он был постоянно занят подготовкой учебников, составлением программ обучения, организацией школ. Идеалом Кулишера была такая

школа, которая, насаждая и культивируя еврейские знания, стояла бы на высоте европейской науки.

На общих собраниях ОПЕ часто читались рефераты на литературно-исторические темы. И все знали, что Кулишер - один из самых интересных докладчиков. Энергия и природное жизнелюбие заставляли этого человека работать, когда ему было уже за семьдесят. Он писал монографию по истории эмансипации французских евреев, статьи в "Историю евреев в России" и многое другое - так до самой смерти.

* * *

Пройдем немного от могилы Веры Слуцкой в сторону Главной аллеи. Мы увидим строгий, простой, но величественный памятник, резко отличающийся от окружающих надгробий. Выполнен он в виде двух высоких металлических стел, к которым по диагонали приварена решетка, быть может, символизирующая колючую проволоку. К решетке прикреплена большая шестиконечная звезда, немного ниже - мраморная табличка. На табличке, под вторым, меньшим магендавидом, выбито:

Вечная память.

Роза Лурье-Геб

Макс Гельб Освенцим

Иосиф Лурье Сталинград

Моисей Данишевский под Ленинградом Красный Бор

Яша Авиосор Петсамо

Больше нет ничего - ни дат жизни, ни эпитафии, но ясно, что это война, это Катастрофа, это - шесть миллионов, это самое страшное, что мы пережили. Забывать об этом нельзя никак.

В правом дальнем углу кладбища есть две братские могилы времен войны. Одна - морякам-балтийцам, другая - ленинградцам, погибшим в блокаду. Так как могилы находятся на Преображенском кладбище, можно думать, что там похоронены евреи. Так что, если вы хотите почтить память павших, то подойдите к памятнику на братских могилах или сюда, к этим стелам.

* * *

Позади синагоги, с правой стороны стоит серый гранитный обелиск. Русская надпись гласит:

"Раввин Лубанов Абрам Рувимович, 1888 - 20/ VIII 1973".

Лубанов происходил из любавичских хасидов. Получив хорошее традиционное образование в хасидской иешиве, Абрам Рувимович стал раввином как раз в те времена, когда менее популярное занятие для еврея трудно было придумать. В тридцатых годах он угодил в тюрьму и был освобожден только в 1943 году, в разгар войны. С этого времени, тридцать лет кряду, до самой смерти, он возглавлял ленинградскую синагогу.

Не нужно напоминать, что евреи тогда боялись всего. Гибель Михоэlsa, убийство еврейских писателей, "дело врачей" - всех бед и не перечислишь. Даже мацу¹¹ можно было купить не всякий год. Раввин Лубанов на своем посту должен был обладать не только талмудической ученостью, но и силой духа, огромным авторитетом и личным мужеством. Судя по рассказам тех, кто его знал, эти качества у Абрама Рувимовича были. Высокий, седой, с волевым мраморным лицом и каким-то особенным, проникновенным взглядом, он умел так расположить простых людей, что те проникались доверием и делились с раввином своими бедами, просили совета. Его имя и сейчас овеяно легендами в среде верующих.

В сложных жизненных ситуациях люди ходили к Лубанову на суд Торы, хотя официально он никаких прав судьи не имел. Его приговор ни для кого не был обязателен, а дознайся об этом власти - не поздоровилось бы и раввину и прихожанам. Однако Лубанов судил, и его слово было законом для верующих.

Только после вмешательства американских евреев община сумела похоронить Лубанова на еврейском кладбище, где уже давным-давно не хоронили.

* * *

Позади склепа Варшавских стоит высокий памятник розового мрамора, на котором высечены имена знаменитых петербургских врачей - отца, сына и внука:

"Доктор медицины Исаак Александрович Дембо. Родился в 1846 г., скончался в 1906 г. Доктор медицинских наук, профессор Григорий Исаакович Дембо. Род. 8/ГУ 1872, ск. 8/Х1 1939. Иосиф Григорьевич Дембо, 1912 - 1978"

Самый известный в династии - Исаак Александрович. Он родился в Ковно в ортодоксальной семье, получил религиозное образование, но затем стал изучать светские науки и в 1870 году закончил Медико-хирургическую академию. В русско-турецкую войну Дембо записался

добровольцем в действующую армию. С 1881 по 1883 год практиковал в клиниках Парижа, Вены, Берлина. Результатом явилась работа "К вопросу о независимости сокращения матки от церебрально-спинальной нервной системы". Ученый открыл независимый центр маточных сокращений (центр Дембо). Но особенно прославились его работы по сравнительному изучению шхиты - разрешенного еврейским законом способа убоя скота и птицы.

В чем тут проблема? Зачем ученому, пусть даже верующему, заниматься столь частным, на первый взгляд, вопросом? Дело в том, что шхита не раз становилась предметом нападков антисемитов. Они заявляли, что еврейский способ убоя приносит животным дополнительные мучения. В 1891 году собрали даже специальный съезд Российского общества покровительства животным для обсуждения "негуманности" шхиты. Дембо был из тех людей, которые верили, что антисемитов можно переубедить разумными доводами. Он потребовал провести опыты па собаках в лаборатории И.П.Павлова, сам изучал способы убоя скота на бойнях Европы, делал доклады в научных обществах и на упоминавшемся съезде. Написал ряд брошюр, в том числе "Анатомо-физиологические основы различных способов убоя", потратил много лет жизни на сбор доказательств, - словом, чего только ни делал.

Об этой самоотверженной деятельности врача упоминается в ивритской надписи на задней стороне памятника. Однако можно сомневаться, что ученому удалось переубедить тех, кто строил свои взгляды не на фактах, а на ненависти, не на результатах лабораторных исследований, а на фальшивках типа "Протоколов сионских мудрецов".

Сын И.А.Дембо, Григорий Исаакович, тоже принимал участие в жизни еврейской общины. Он был врачом еврейской богадельни имени М.А-Гинсбурга и еврейского сиротского дома, о которых мы писали в третьей и четвертой главах. Может быть, любопытно вспомнить, что Иосиф Григорьевич Дембо был зятем М.Вовси, пострадавшего во время печально знаменитого дела врачей .

Остается добавить, что, по-видимому, вопрос гуманности шхиты до сих пор остается актуальным для хулиганов, регулярно разбивавших памятник врачам Дембо. Что тут сказать? Еврейские кладбища всегда и во все времена страдали именно тогда, когда плохо приходилось живым.

Герой романа Григория Кановича "Свечи на ветру" видит, как на еврейском кладбище оккупированного гитлеровцами литовского города мужики валят ломами надгробья:

"Я только успел прочесть на черном зернистом граните "Залман Кацнельсон, 1876 - 1936".

Куда вас повезли, реб Залман? Меня бил озноб.

"Пусть грабят золото, - думал я, - пусть морят голодом, пусть вешают на грудь желтую мишень. Только пусть не трогают наших мертвых. Все мертвые равны. Все мертвые одного племени - племени мертвых... И несть им числа!"

* * *

Мы закончили нашу печальную прогулку по еврейскому Преображенскому кладбищу. За неимением времени мы не остановились у могилы знаменитого хирурга, профессора Михаила Исааковича Куслика (1898 - 1965), завуча и преподавателя идиша в последней еврейской школе на Васильевском острове Льва Марковича Иохельчука (1874 - 1955), историка русского еврейства Юлия Исидоровича Гессена, первой учительницы иврита в послевоенном Ленинграде Лии Лурье, выдающегося исполнителя еврейских песен Эппельбаума и многих других знаменитых некогда ученых, адвокатов, врачей, инженеров, писателей...

Кроме того, немало могил, к сожалению, разрушено, а некоторые видные деятели петербургской общины похоронены далеко от города, которому они отдали долгие годы жизни. Уничтожена могила Ноты Хаймовича Ноткина на Волковском кладбище. Нет в Ленинграде могилы поэта Семена Фруга. Он умер в 1916 году в Одессе и там же похоронен. Во время войны оккупанты увезли его памятник в Румынию. Сейчас он находится на кладбище в Тель-Авиве.

Барон Гораций Гинцбург не пожелал лежать в земле, обильно политой еврейской кровью, и его тело перевезли с родины Бейлиса на родину Дрейфуса. Александр Исаевич Браудо (1864 - 1924), бывший вице-директор Публичной библиотеки, энциклопедически образованный человек, отважный борец за еврейское равноправие, скоропостижно скончался во время командировки в Лондон. Л.Я.Штернберг сказал о нем в поминальном слове;

"Александр Исаевич был в нравственном отношении полным и целостным представителем гуманной культуры, той культуры, которая в настоящее время как будто всюду клонится к закату".

Говорят, гроб с телом А.И-Браудо перевезли в Ленинград, но найти его могилу пока не удалось.

Нет в Ленинграде могилы Семена Марковича Дубнова (1860 - 1941), крупнейшего еврейского историка, нет могилы Сруля Лейзеровича (Сергея Лазаревича) Цинберга (1873 - 1938), начальника главной химической лаборатории Путиловского завода, историка и активного

деятеля еврейского просвещения. Уже в преклонном возрасте он был арестован и погиб во время этапа на Колыму. А замечательный еврейский художник Анатолий (Танхум) Каплан, умерший совсем недавно, в 1976 году, похоронен на общем кладбище "Памяти жертв Девятого января" у полуразвалившейся церкви.

Хочется закончить наш рассказ стихотворением Иосифа Бродского, написанным четверть века назад, когда Преображенское кладбище находилось на самой окраине Ленинграда и даже доехать до него было непросто.

Еврейское кладбище около Ленинграда.

Кривой забор из гнилой фанеры.

За кривым забором лежат рядом

Артисты, торговцы, музыканты, революционеры.

Для себя жили. Для себя копили. Для других умирали.

Но сначала платили налоги, уважали пристава

И в этом мире, безвыходно материальном,

Толковали Талмуд, оставаясь идеалистами.

Может, видели больше.

Может, верили слепо.

Но учили детей, чтобы были терпимы

И стали упорны,

И не сеяли хлеба.

Никогда не сеяли хлеба -

Просто сами ложились

В холодную землю, как зерна,

И навек засыпали.

А потом их землей засыпали,

Зажигали свечи,

И в день поминовения
Голодные старики высокими голосами,
Задыхаясь от холода, кричали об успокоении.
И они обретали его
В виде распада материи,
Ничего не помня,
Ничего не забывая,
За кривым забором из гнилой фанеры,
В четырех километрах от кольца трамвая.

Конечно, в новые времена ленинградских евреев, как и везде, стали хоронить на нееврейских кладбищах. Например, известные революционеры, такие, как Н. Урицкий, В.Володарский (Моисей Гольдштейн), С.Нахимсон покоятся на Марсовом поле. Скульптор И.Гинцбург и летчик, бомбивший Берлин в первые дни Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза М.Плоткин лежат на территории Александро-Невской лавры. Могила депутата Первой государственной думы выкреста М.Я.Герценштейна, убитого черносотенцами, находится на берегу Финского залива в Зеленогорске. Евреи, погибшие на Ленинградском фронте и во время блокады, похоронены на Пискаревском мемориальном кладбище. А сколько безымянных братских могил жертв погромов, нацистских преступлений разбросано по окрестностям Ленинграда! Но в пригородах бывшей столицы Российской империи встречаются сохранившиеся еврейские кладбища и участки, где хоронили евреев. Расскажем о главных из них.

Кладбище в Пушкине

В Пушкине (бывшем Царском Селе) находился императорский дворец, а значит, стояли войска. Поэтому с 1827 года, когда была введена воинская повинность для евреев, в казармах Царского Села жили евреи - николаевские солдаты. После окончания службы многие из них здесь оставались, так как вблизи двора легче можно было найти сбыт изделиям ремесла. В Царском Селе действовала синагога, и на Казанском кладбище был выделен еврейский участок. Некоторые могилы на нем сохранились и сейчас.

Самое старое надгробие помечено 1865 годом. Более ранних еврейских захоронений в Ленинграде и окрестностях найти пока не удалось, На другом уцелевшем старинном памятнике можно прочитать:

"Фельдфебель лейб-гвардии 4 стрелкового Императорской фамилии батальона, кавалер Святого Георгия Шимон Черкасский (род. 10 февраля 1840 г., умер 13 января 1896)."

В Пушкине умер еврейско-русский писатель Давид Яковлевич Айэман (1869 - 1922). Похоронен на Казанском кладбище и Абрам Ильич Якобсон (1900 - 1974), директор детского дома №2 (позднее №49). А.И.Якобсон работал в Пушкине с 1930 по 1967 год. На памятнике трогательная эпитафия:

"Ты отцовской любовью и лаской наше детство и юность согрел".

В 1941 году нацисты вошли в Пушкин и устроили массовый расстрел евреев. Где это происходило, пока не установлено.

Кладбище в Сестрорецке

Позднее, чем в Царском Селе, сложилась еврейская община Сестрорецка, который уже в начале века был популярным курортом. Несмотря на то, что Финляндия входила в состав Российской империи, евреям, даже жителям Петербурга, требовалось особое разрешение на право выезжать дальше Сестрорецка. Поэтому многие обосновались в этом пограничном городе.

На дореволюционных планах Сестрорецка отмечены синагога и еврейское кладбище. Синагога была деревянной и давно сгорела, а от кладбища еще кое-что осталось. Оно расположено слева от шоссе, ведущего из Сестрорецка в Белоостров, сразу за мостом над железнодорожной линией. Кладбище можно найти по мемориалу советским солдатам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Стена отгораживает мемориал от еврейских могил, которые находятся в плачевном состоянии. Большинство памятников разрушено. Самое раннее из обнаруженных захоронений относится к 1898 году. Обращает на себя внимание могила рабби Боруха бар Иехуды Гугермана, умершего в 1909 году. Известно, что Гутерман жертвовал на строительство Сестрорецкой синагоги и, вероятно, был главой местной общины. На почетном месте, на возвышении похоронены члены семьи Клячко:

Эйдель Лейбовна (1832 -1910),

Моисей Вульфович (1832 - 1912),

доктора Лев Моисеевич Клячко (1855 - 1913) и Исаак Константинович Рогов (1840 - 1912).

Возможно, из этой семьи вышел журналист либеральной русской и еврейской прессы Лев Клячко.

Кладбище в Комарове

Кладбище в поселке Комарове, расположенном недалеко от Зеленогорска, существовало давно. Однако его значение как исторического места стало быстро расти после того, как там в 1966 году была похоронена знаменитая русская поэтесса Анна Андреевна Ахматова. С тех пор в Комарове хоронят многих выдающихся деятелей советской культуры и науки, у которых, как и у Ахматовой, были здесь дачи. Среди них немало и евреев:

крупнейший хирург-онколог, член-корреспондент АМН СССР, профессор Семен Абрамович Холдин (1896 - 1975),

профессор ЛГУ, историк Семен Бенцианович Окунь (1908 - 1972),

писатель Лев Максимович Канторович (1878 - 1958),

поэт и талантливый переводчик средневековой китайской поэзии Александр Ильич Гитович (1909 - 1966),

театральный художник Семен Мандель (1907 - 1974),

выдающийся специалист в области теоретической механики, процессов управления и теории упругости,

член-корреспондент АН СССР Анатолий Исаакович Лурье (1901 - 1979?),

замечательный художник Натан Альтман (1889 - 1970),

литератор, автор книги "Правда об евреях" (1928) Ефим Семенович Добин (1901 - 1977).

Другие еврейские некрополи

После того, как в 1960 году Преображенское кладбище закрыли, еврейский участок был выделен на кладбище "Памяти жертв Девятого января". Но и он скоро переполнился. Предполагалось, что евреям дадут землю на новом Северном кладбище. В 1961 - 1962 годах по заказу ленинградской общины был даже выполнен проект молельни на кладбище. Но потом дело заглохло. Вместо этого евреям выделили участок на Южном кладбище (вблизи Пулкова). По-видимому, сейчас только там можно хоронить по еврейскому закону.

Существовали также еврейские участки на кладбищах в Луге, Павловске и Петрокрепости, но они пока не обследованы.